

В.Д.ТЯН

БУДДИЙСКИЕ ХРАМЫ СРЕДНЕВЕКОВОЙ КОРЕИ

*История
архитектура
философия*

Издательская фирма «Восточная литература» РАН
Москва 2001

УДК 930.85
ББК -7*63.3(5К00+Кор)
Т99

*Книга издана при финансовой поддержке
Корейского фонда международного обмена
(Korea Foundation, Республика Корея)*

Редакционная коллегия серии

*О.Ф.Акимушкин, С.М.Аникеева, Г.М.Бонгард-Левин, А.А.Вигасин,
В.Н.Горегляд, Е.И.Кычанов, Ю.А.Петросян (председатель),
А.Б.Халидов, Е.П.Чельшев*

Редактор издательства

Р.И.Котова

Тян В.Д.

Т99 Буддийские храмы средневековой Кореи. История, архитектура, философия. — М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001. — 174 с.: ил. (Культура народов Востока).
ISBN 5-02-018142-0

В монографии рассмотрен процесс развития буддийского храмового зодчества средневековой Кореи, подробно анализируются планировочные и конструктивные приемы, определявшие пространственно-композиционную структуру монументальных культовых сооружений, концептуальные особенности буддийской архитектуры во взаимосвязи с традиционной корейской культурой. Приведены данные археологических и исторических исследований корейских и японских ученых, а также материалы натуральных обследований памятников буддийского храмового зодчества.

ББК -7*63.3(5К00+Кор)

ТП-2001-П-145
ISBN 5-02-018142-0

© В.Д.Тян, 2001

© Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2001

Строительство буддийских храмов Кореи — яркая страница в истории развития традиционной корейской архитектуры, наглядное отражение особенностей исторического пути страны и своеобразия ее художественной культуры. Процесс развития буддийской архитектуры связан с формированием глубоко самобытных принципов архитектурного мышления, возникновением особых, значительно отличающихся от присущих европейской культурной традиции эстетических идеалов. О размахе буддийского строительства свидетельствует тот факт, что, согласно переписи 1941 г., в то время в Корею в общей сложности насчитывалось 1326 храмов. Более 700 храмов, расположенных на территории современной Республики Корея, считаются древними².

При сравнительно небольшой территории Корея отличается разнообразием природных условий. Мощные хребты Северо-Корейских и Восточно-Корейских гор с многочисленными отрогами пересекают всю территорию полуострова от верховьев р. Амноккан до южной оконечности. В Северо-Корейских горах находится самая высокая гора Кореи — Пэктусан (2744 м), которая в 1597–1702 гг. была действующим вулканом и считается священной. В Восточно-Корейских горах выделяются горные цепи Внутренний Кымгансан и Восточный Кымгансан, чьи причудливые формы, беспорядочные нагромождения пиков, столбов и башен нашли широкое отражение в корейском искусстве. Небольшие низменные равнины, расположенные между отрогами гор преимущественно в западной части страны, занимают около четверти ее территории. Теплый влажный климат и плодородные почвы создали здесь благоприятные условия для развития земледелия. Это наиболее заселенные районы. Хотя Корея с трех сторон омывается морями, ее климатические условия неоднородны, что объясняется особым характером циркуляции воздуха. В северных районах Кореи наблюдаются довольно резкие сезонные колебания температуры, на юге благодаря муссонному характеру климата в течение трех летних месяцев выпадает до 65% годовой нормы осадков. Сложный горный рельеф и климатические особенности оказали большое влияние на формирование архитектурных традиций в Корею и в значительной мере обусловили своеобразие корейской архитектуры.

Благодаря своему географическому положению Корея с древнейших времен была тесно связана с государствами Китая и Японии. Отношения эти были довольно сложными, и периоды мирного сосущество-

вания сменялись военными конфликтами. Многие элементы корейской культуры были заимствованы из Китая, но с течением времени, взаимодействуя и сливаясь с местными культурными традициями, они трансформировались в новые, отличные от китайского оригинала, формы. Так, в период Трех государств, практически при одновременном проникновении в Корею идей конфуцианства, даосизма и буддизма, последний занял господствующее положение. Именно тогда в Корею началось развитие *буддийского* искусства и буддийской храмовой архитектуры.

История корейского буддийского храмостроения неразрывно связана с историей страны.

Корея принадлежит к древнейшим государствам Восточной Азии. Самым ранним политическим объединением корейских племен был Древний Чосон, легендарной датой основания которого считается 2333 год до н.э., а временем его расцвета — VI–III вв. до н.э. Древний Чосон в 108 г. до н.э. был разгромлен войсками ханьского Китая, и на его землях были учреждены четыре китайских округа. Однако наряду с постоянными попытками китайских правителей подчинить себе всю территорию Кореи в стране постепенно укреплялись возникшие во второй половине первого столетия до н.э. раннефеодальные корейские государства — Когурё, Пэкче и Силла. Государство Когурё, учрежденное согласно традиционной хронологии в 37 г. до н.э.³, занимало северную часть полуострова. Его столицей с 427 г. стала крепость Пхеньян. Пэкче, согласно легендам, было образовано в 18 г. до н.э. и располагалось в юго-западной части полуострова. Столицей первоначально была крепость Хансон в районе современного Сеула, а затем крепость Саби (совр. г. Пуё). Государство Силла было основано в 57 г. до н.э. в юго-восточной части полуострова с центром в Кымсоне (совр. г. Кёнджу). Многовековое соперничество Трех государств закончилось в 668 г. объединением страны под эгидой Силла. Создание единого государства способствовало дальнейшему развитию всей корейской культуры, в том числе архитектуры, а также формированию единых принципов храмового буддийского зодчества.

В конце IX в. государство Объединенное Силла распалось на три самостоятельных, враждующих между собой государства. Этот период известен как эпоха Позднего Троецарствия. Далее объединение страны осуществил полководец Ван Гон (877–943), ставший в 918 г. основателем единого государства Корё, просу-

ществовавшего до 1392 г. В этот период Корея дважды отразила разрушительные нашествия киданей (в 993 и 1011 гг.). В середине XIII в. Корея попадает в вассальную зависимость от правящей в Китае монгольской юаньской династии, от которой избавляется только вслед за ее крушением. После целого ряда междоусобных войн к власти в стране, получившей в честь Древнего Чосона то же название, приходит Ли Сонгё, родоначальник новой корейской династии Ли (1392–1910), при которой на первый план выступает конфуцианская идеология, а буддизм постепенно утрачивает свое былое могущество. Это привело к сокращению строительства буддийских храмов, но сама храмовая архитектура не переставала развиваться. Однако размах и великолепие буддийской архитектуры предыдущих эпох остались непревзойденными.

В конце XVI в. в Корею вторгаются японские завоеватели. Множество великолепных памятников корейской архитектуры было разрушено и сожжено во время Имджинской войны 1592–1598 гг. и нашествий маньчжуров в 1627 и 1636 гг.

В последующий период в корейской архитектуре продолжают формироваться новые тенденции. Большинство сохранившихся до настоящего времени архитектурных памятников Кореи относится к эпохе правления династии Ли, которое было прервано в 1910 г. установлением японского колониального господства, продолжавшегося до 1945 г.

Данная работа выполнена по материалам археологических и исторических исследований, проводимых Институтом изучения культурного наследия Республики Корея; по материалам натурных обследований памятников буддийского строительства, проведенных автором в периоды пребывания в Республике Корея с сентября 1990 по сентябрь 1991 г. и с мая по декабрь 1996 г.; на основе изучения ряда исторических источников (летописей корейских государств различных исторических периодов), а также с привлечением материалов и результатов исследований, выполненных отечественными и зарубежными учеными ранее.

* * *

По целому ряду исторических и политических обстоятельств многие аспекты архитектуры буддийских храмов Кореи еще недостаточно полно представлены в отечественной научной литературе. Это отчасти обусловлено малочисленностью имеющихся в наших библиотечных фондах работ, посвященных этим проблемам, а также практической недостижимостью, по крайней мере до недавнего времени, ценных источников и аналитических материалов, находящихся в Республике Корея. Вследствие характера межгосударственных отношений между СССР и Японией до 1945 г. и Республикой Корея после 1945 г. возможности проведения натурных исследований также были сведены к минимуму. Некоторые данные о древней корейской архитектуре приводятся в трудах Н.Я.Бичурина⁴. Помимо этого, отрывочные сведения содержатся в от-

четах русских путешественников, побывавших в Корею в дореволюционный период⁵.

Среди немногих работ по корейской архитектуре, написанных специалистами, можно отметить опубликованную в 1952 г. в № 2 журнала «Советская архитектура» статью архитектора КНДР Ким Дженхи «Архитектура корейского народа» и статью Л.К.Абрамова «Народное зодчество Кореи» в книге «Корейское классическое искусство» (М., 1972). Обе работы носят обзорно-ознакомительный характер.

Основные исследования корейской архитектуры в отечественной науке выполнены О.Н.Глухаревой, посвятившей большую часть своих работ искусству Кореи⁶. Многолетние научные изыскания были обобщены в ее монографии «Искусство Кореи с древнейших времен до конца XIX века», в которой наряду с анализом изобразительных и прикладных искусств прослежен весь путь становления и развития традиционной корейской архитектуры с древности до начала XX в. Работа содержит богатый фактический материал и многочисленные фотоиллюстрации. Большое внимание в ней уделяется буддийскому храмовому строительству⁷.

Изучение корейских архитектурных концепций невозможно без учета специфики корейских традиционных философских и мировоззренческих систем. Поскольку в основе развития традиционной философии в Корею⁸ лежит древнекитайская философская мысль, для нашего анализа большое значение имеют те работы российских сиологов, в которых рассматривается содержание фундаментальных понятий и категорий традиционной китайской философии, исследуются специфические формы мышления, свойственные дальневосточной традиции, например труды Л.С.Васильева⁹, А.М.Карапетьянца¹⁰, А.И.Кобзева¹¹.

Для понимания особенностей развития корейского зодчества важны труды российских корееведов по истории и этнографии Кореи, истории корейского буддизма и т.д. Это в первую очередь работы Р.Ш.Джарылгасиновой¹², переводы на русский язык самого авторитетного источника по истории Кореи периода Трех государств — *Самгук саги* («Исторические записи Трех государств») Ким Бусика, опубликованные М.Н.Паком¹³, монография С.В.Волкова¹⁴. Что касается работ по корейскому буддизму, то в них такие темы, как особенности буддийского учения и история его школ в Корею, что, на наш взгляд, немаловажно для уяснения взаимосвязи отдельных доктринальных положений буддизма с определенными закономерностями в композиции храмовых комплексов, еще недостаточно разработаны.

Первыми среди зарубежных исследователей корейскую традиционную архитектуру начали изучать японские ученые в период оккупации Кореи Японией. Еще в 1902 г. Сёкино Тадаси в течение 60 дней исследовал архитектурные сооружения в районе Кёнгидо (Столичный округ), в городах Кэсон, Тэдонган и др. Результаты были обобщены им в работе «Изучение корейской архитектуры»¹⁵, вызвавшей, однако, критические замечания в академических кругах Японии ввиду поверхностного

характера самих исследований, недостаточной степени детализации. В 1910 г. Сёкино Тадаси опубликовал результаты своей следующей работы — «Изучение остатков архитектурных сооружений досиллаского периода»¹⁶.

С 1912 г. японские власти приступили к реконструкции корейских буддийских храмов: так, в 1912 г. были реконструированы павильон *Чосадан* в храме Пусокса, в 1913 г. — храм Соккурам близ г. Кёнджу, в 1915 г. — каменная пагода храма Мирыкса близ г. Иксан, в 1916 г. — храм Пульгукса и павильон *Мурансуджон* храма Пусокса, в 1920 г. — павильон *Мирыкджон* храма Кымсанса. Все эти постройки — наиболее значительные сооружения буддийского зодчества Кореи. Однако вследствие того, что в ходе реконструкции не была составлена соответствующая техническая документация, фиксирующая состояние объектов до реконструкции и характер вносимых изменений, в настоящее время восстановление первоначального облика объектов чрезвычайно затруднено. В 1930-х годах японские власти возобновили работы по реконструкции сооружений традиционной корейской архитектуры. В 1931 г. был реконструирован павильон *Кыннакджон* храма Сонбульса, в 1935 г. — павильон *Гакхваджон* храма Хваомса и павильон *Погваджон* храма Симвонса, в 1937 г. — *Кыннакджон* храма Мувиса. В конце 1930-х годов были также предприняты раскопки когурёских храмов близ деревень Кунсури, Чхоннамни, Вонори (под Пхеньяном), силлаского храма близ д. Чхонгунни около г. Кёнджу, пэкческого храма близ д. Тхонамни около г. Пуё. Роль этих восстановительных работ очень важна для изучения корейской архитектуры, поскольку это были первые исследования архитектурных сооружений, относящихся к периоду Трёх государств¹⁷.

В 1941 г. Сёкино Тадаси опубликовал книгу «Корейская архитектура и искусство»¹⁸, в которой были обобщены результаты его многолетних исследований.

Заметный вклад в изучение корейской традиционной архитектуры внес также другой японский исследователь, Фудзисима Гайдзиро, опубликовавший в 30-х годах серию статей, посвященных исследованию фундаментов, колонн, кровли, элементов конструкций *тугон*, а также планировке храмов¹⁹. В 1941 г. было опубликовано исследование Ёнэда Миёдзи «Корейская архитектура до начала эпохи Чосон»²⁰, в котором впервые была предпринята попытка математического анализа композиции корейских храмов, а также предложены пропорциональные закономерности построения древних корейских храмов, увязываемые с концепцией «золотого сечения». Эта работа имела важное значение для дальнейшего изучения корейской архитектуры, так как в ней впервые был преодолён чисто описательный подход к исследованию архитектурных памятников. В то же время содержание и результаты работы носят дискуссионный характер. Мы полагаем, что вопрос меры длины, применявшейся в древности корейскими строителями, еще недостаточно изучен, да и сама интерпретация пропорциональных закономер-

ностей в композиции древних храмов по формуле «золотого сечения», на наш взгляд, также представляется не совсем убедительной. Априорно заданную аналогию с пропорциональным построением древнегреческих храмов, по всей видимости, можно рассматривать как интересную гипотезу. В то же время анализ культурно-исторического фона показывает, что в основе композиций храмовых сооружений в Древней Греции и в средневековой Корее лежали совершенно различные философские и религиозные воззрения. Пространственная организация буддийского храма в Корею определялась по параметрам, отличающимся от числовой символики философов школы пифагорейцев. А некоторые простейшие закономерности вполне могут быть объяснены сходством технических приемов разбивки сооружения на участке. Тем не менее данное исследование внесло значительный вклад в становление архитектурной науки в Корею. Графический анализ древнекорейских храмов, проведенный Ёнэда Миёдзи, приводится практически во всех учебниках для высших архитектурных учебных заведений в Республике Корея.

После освобождения Кореи в 1945 г. активность японских ученых в изучении корейской архитектуры значительно снизилась. Необходимо, пожалуй, отметить выход в 1959 г. крупной работы Сукиямы Синдзо «Корейская деревянная архитектура: конец Корё — начало Чосон», в которой рассматриваются вопросы, связанные с развитием традиционной конструктивной системы *тугон*, во многом определявшей рамки архитектурного творчества и вследствие этого имевшей принципиально важное значение для древнекорейской архитектуры.

Современные японские исследователи отдают предпочтение проблематике, связанной с корейской архитектурой периода Трёх государств, в особенности с архитектурой государства Пэкче (37 г. до н.э. — 860 г.), оказавшей большое влияние на становление японской архитектуры. Поэтому публикации по архитектуре более поздних периодов сравнительно редки. К тому же следует упомянуть о том, что корейские исследователи в ряде случаев отмечают предвзятый подход их японских коллег к традиционной архитектуре Кореи как к пассивному промежуточному звену в процессе перемещения китайской архитектурной традиции в Японию. Формирование национальных особенностей корейской архитектуры и ее развитие либо игнорируются, либо объясняются исключительно китайским влиянием²¹. В частности, это замечание относится к упомянутой выше работе Сукиямы Синдзо, в которой трансформация конструкций *тугон* рассматривается только в контексте заимствования корейскими зодчими строительных приемов из юаньского Китая.

Японские исследования, проведенные до 1945 г., представляют большую ценность, так как в них содержится информация по ряду архитектурных сооружений, уничтоженных в ходе корейской войны 1950–1953 гг., а также потому, что после раздела Кореи на Северную и Южную находящиеся там объекты оказались недоступными для исследователей обеих стран.

В последние десятилетия в США и ряде европейских стран (Франции, Германии, Великобритании) сложились относительно мощные исследовательские центры корейской культуры, однако на сегодняшний день корейская традиционная архитектура еще не стала предметом серьезных исследований в этих странах. «Взрыв» исследований, посвященных корейской культуре и искусству, произошедший в 1960-х годах, мало затронул рассматриваемый нами предмет. Количество работ по корейской керамике, а также живописи непропорционально велико по сравнению с информацией по корейской архитектуре даже искусствоведческого или общего плана. Отрывочные сведения содержатся в опубликованной в 1964 г. в Нью-Йорке книге А.В.Грисвольда, Ч.Кима, Р.Потта «Искусство Бирмы, Кореи и Тибета». Традиционной архитектуре Кореи посвящена статья в «Атласе мировой архитектуры» под редакцией Мишеля Беазли, изданном первоначально во Франции в 1981 г. и затем вышедшем на английский язык в Нью-Йорке в 1984 г. Значительное место в исследованиях корейской традиционной архитектуры занимают публикуемые южнокорейскими издательствами на европейских языках отдельные работы по истории, искусству и архитектуре Кореи, а также работы исследователей Республики Корея, получивших образование в США и Европе.

Существующее положение в какой-то мере объясняется меньшей доступностью корейских материалов, так как в Европе и США гораздо меньше специалистов, владеющих корейским языком, нежели знающих китайский или японский, а также тем, что Корея по разным причинам позже других восточных стран стала взаимодействовать с Западом.

Отчасти в силу этих обстоятельств до сих пор в ряде изданий энциклопедического характера при наличии статей по архитектуре и искусству Китая и Японии отсутствуют разделы, посвященные Корее. В то же время следует отметить, что исследования европейской и американской школ ориенталистики, разрабатывающих наиболее фундаментальные проблемы культуры Восточной Азии, имеют большое методологическое значение.

В Республике Корея изучение корейской традиционной архитектуры началось сравнительно недавно, всего около пятидесяти лет назад. Фактически только в конце 50-х годов в Корее приступили к исследованию памятников древнего зодчества. Подобные работы прежде всего были вызваны практической необходимостью восстановления множества разрушенных сооружений, но в то же время отвечали возрастающему чувству национального самосознания корейцев. В 1958 г. в Республике Корея были опубликованы результаты исследования и реконструкции павильона *Кыннакдэжон* храма Мувиса²². В том же году корейский ученый Ким Инхо опубликовал работу, в которой была проанализирована планировка Хэинса — одного из наиболее значительных буддийских храмов в Корее²³, а в 1959 г. вышла статья Хён Чханхо о творчестве зодчего Пак Джахона, жившего в конце периода правления династии Ли²⁴.

В начале 1960-х годов вышел в свет «Иллюстрированный каталог национальных сокровищ»²⁵, в котором помимо различных произведений изобразительного искусства, каллиграфии, керамики и др. были представлены буддийские каменные пагоды и деревянные сооружения храмов и дворцов. Впоследствии эта серия неоднократно переиздавалась и до сегодняшнего дня является основным справочным материалом по традиционной архитектуре и искусству Кореи.

Следует особо отметить проведенные в 1959 г. исследования остатков храма Камынса²⁶, относящегося к периоду Объединенного Силла, а также реконструкцию в 1963 г. уникального пещерного храма Соккурам²⁷.

Чрезвычайно важное значение имеет работа, сделанная Син Ёнхуном, собравшим и опубликовавшим в 1964 г. сохранившиеся записи, которыми сопровождалось окончание строительства различных сооружений²⁸. Как известно, существовало три вида таких записей: 1) на свитке, хранившемся вместе с книгами; 2) на доске, вывешиваемой внутри сооружения; 3) также на свитке, но помещавшемся в углублении на коньковой балке. Использование в большинстве случаев третьего варианта значительно затрудняет датировку сохранившихся сооружений без проведения специальных работ по вскрытию кровли. Собранные Син Ёнхуном материалы содержат ценнейшую информацию о традиционном строительстве.

Не меньший интерес представляет также работа, выполненная Син Ёнхуном в соавторстве с Ким Донхёном, по составлению «Энциклопедии корейской древней традиционной архитектуры», в которой были систематизированы различные элементы сооружения в традиционном зодчестве. Отдельные статьи энциклопедии посвящены колоннам, деталям конструкции *тугон*, кровлям, планировке сооружений и т.д. Достаточно заметным явлением в исследованиях ученых Республики Корея этих лет стало составление в 1967 г. Чан Гииком «Словаря корейской архитектуры»²⁹.

К концу 70-х годов под эгидой созданного в 1975 г. государственного Института по изучению культурного наследия (Мунхвачжэ Ёнгусо) была сформирована программа исследований корейского зодчества, в которой, на наш взгляд, можно выделить следующие направления:

- общетеоретические, посвященные наиболее фундаментальным проблемам;
- исторические, рассматривающие развитие традиционной архитектуры Кореи в целом или отдельных типов сооружений в историческом контексте;
- формально-аналитические, посвященные вопросам формообразования в традиционной архитектуре;
- реставрационные и археологические, связанные с проблемами реставрации, реконструкции и консервации древних сооружений, а также с ведением различного рода раскопок и обмерных работ.

Среди ученых Республики Корея существует некоторое деление, правда условное, на специалистов, получивших образование в Японии (среди них большинство ведущих исследователей старшего поколения);

на тех, кто обучался в университетах США и европейских стран, и на специалистов, получивших образование в Республике Корея (к ним относится большинство молодых исследователей). Наиболее значительные достижения в изучении общетеоретических проблем связываются с именами ученых, принадлежащих ко второй категории. В какой-то степени это свидетельствует о более устоявшихся традициях применения сравнительно-аналитического подхода к исследованиям. Для нас наибольший интерес представляют научные труды, рассматривающие акт создания архитектурного сооружения в контексте традиционной культуры, в частности те, которые посвящены взаимосвязи учения *пхунсу* (кит. *фэншуй*) и традиционного зодчества.

Одной из первых работ такого рода стала опубликованная в 1973 г. статья Сон Джонмока «Исследование влияния, оказанного учением *пхунсу* на формирование столицы»³⁰. В последние годы появился целый ряд публикаций, в которых рассматривалось влияние учения *пхунсу* на корейскую архитектуру, что стало заметным событием в исследованиях традиционного зодчества³¹.

Следует особо отметить диссертацию, защищенную в 1982 г. южнокорейским исследователем Ли Санхэ в американском университете Корнуэлл, «Фэншуй: его содержание и смысл». В ней рассматривается история возникновения и развития учения *пхунсу* в Китае, анализируются терминология, принципы, методика применения этого учения в процессе сооружения зданий. Учитывая чрезвычайно широкое распространение, которое получило *пхунсу* в Корее и значительное сходство китайской и корейской культур, включая заимствование из Китая даосизма, буддизма и конфуцианства, эта работа является одной из ключевых в понимании специфики дальневосточной архитектуры в целом и Кореи в частности. К сожалению, автор не уделил внимания особенностям *пхунсу* в Корее, ограничившись рассмотрением этого учения в целом. Ряд ключевых понятий, таких, как «число», «пневма-ки (кит. *ци*)», «*ям-ян* (кит. *инь-ян*)», их соотношения с традиционной архитектурой не получили должного освещения. Недостаточно полно отражены, на наш взгляд, такие проблемы, как специфика традиционного мышления и его влияния на архитектуру, соотношение учения *пхунсу* с буддийской доктриной при строительстве буддийских храмов. Наименее убедительным представляется утверждение автора о том, что согласно китайской традиции «архитектурное сооружение является вторжением в природу»³², тогда как все содержание работы свидетельствует о совершенно противоположном подходе, сформировавшемся в дальневосточной архитектурной традиции. В целом эту диссертацию, по всей видимости, можно считать одной из наиболее значительных среди исследований теоретического плана; уже сейчас она пользуется широким признанием в научных кругах Республики Корея.

Из ряда работ этого направления наибольшим признанием пользуется «История корейской архитекту-

ры» — фундаментальное исследование, принадлежащее перу Юн Джансопа³³. На протяжении ряда лет это издание является учебным пособием для подготовки специалистов архитектурного профиля в университетах Республики Корея. Широкую известность приобрела также книга Джон Ингука «Исследование стиля в корейской архитектуре»³⁴, в которой проблема стиля в корейской традиционной архитектуре увязывается со стилями конструкций *тугон*, применявшихся в строительстве наиболее значительных сооружений³⁵.

Определенный интерес также представляет исследование Ким Донука «История архитектурного ведомства в Корее»³⁶, посвященное истории возникновения и формирования специализированных ведомств, управлявших деятельностью ремесленных строителей в средневековой Корее. Новым тенденциям в корейской архитектуре в поздний период правления династии Ли, в связи с движением *сирхак* («за реальные знания»), посвящается работа Ким Хонсика «Исследование идей *сирхак* в архитектуре»³⁷.

Рассмотрению отдельных вопросов формообразования в корейском зодчестве посвящены работы Ан Ёнбэ «Внешнее пространство в корейской архитектуре»³⁸, в которой композиция корейских храмов рассматривается с позиции их зрительного восприятия, и Ким Бонрёля «Исследование композиции и размещения молитвенных павильонов в храмовой архитектуре эпохи Чосон»³⁹, где анализируются новые тенденции в буддийской архитектуре периода династии Ли; Ким Сону «История и композиции ранних буддийских храмов Кореи»⁴⁰, в которой рассматривается планировка храмов периодов Трех государств и Объединенного Силла; Ли Минсока «Исследование формы кровли в древней корейской архитектуре»⁴¹, где предпринимается попытка вычленения математических закономерностей в линии изгиба кровли в традиционной архитектуре, и ряд других работ.

Наибольшее количество работ корейских ученых посвящено исследованию конструктивной системы *тугон*⁴², что вполне закономерно, если учитывать значение этих конструкций для традиционного зодчества. При этом в подавляющем большинстве работ исследуются конструкции *тугон* периода династии Ли, так как практически все сохранившиеся сооружения были воздвигнуты в этот исторический период; исключение составили всего пять построек периода правления династии Корё. Лишь в самое последнее время осуществляются шаги по изучению конструкций *тугон*, относящихся к этому периоду.

В настоящее время в Республике Корея ведется ряд раскопок, имеющих большое значение для исследований традиционной архитектуры до периода правления династии Ли. Помимо этого прилагаются значительные усилия по реконструкции, реставрации и консервации сохранившихся храмов и других древних сооружений⁴³. Следует учитывать, что большинство буддийских храмов в Корее являются действующими, и практические потребности диктуют необходимость сооружения новых построек и трансформацию существ-

вующих, что зачастую вступает в противоречие с принципами охраны архитектурных памятников и с интересами исследований древнего зодчества. Ведется весьма обширная работа по фиксации (обмерам, фото-съемкам и т.д.) сохранившихся построек.

При этом публикуемые графические материалы не всегда точны. Так, например, на чертежах генпланов храмов, использованных в работе Ким Бонрёля «Исследование композиции и расположения молитвенных павильонов в архитектуре храмов эпохи Чосон», не только размеры сооружений не соответствуют масштабу, но и положение отдельных построек не соответствует действительности⁴⁴. Далее следует отметить, что установлена датировка лишь незначительной части зданий. В какой-то мере это объясняется трудностями определения даты строительства. Разновременные постройки не выделяются на чертежах графически или соответствующими сносками, что затрудняет выяснение эволюции композиций храмовых комплексов. Несомненно, что даже приблизительная датировка сооружений буддийских комплексов является одной из первоочередных проблем в исследованиях, ведущихся учеными Республики Корея.

Особо следует остановиться на некоторых проблемах, стоящих перед южнокорейскими специалистами. Некоторые из них обуславливаются причинами исторического и политического характера, другие объясняются тем, что работы по изучению древнего зодчества были начаты сравнительно недавно: начало их как систематических научных исследований можно отнести на конец 50-х — начало 60-х годов, а становление их как достаточно широкой программы — на середину 70-х.

Дело осложняется тем, что в период колонизации Кореи ряд ценнейших исторических записей и хроник был вывезен в Японию, доступ к этим материалам затруднен и по сей день. Вследствие раздела Кореи большой пробел существует в сведениях о постройках и остатках древних сооружений, находящихся на территории КНДР. Доступ к историческим материалам, имеющимся в библиотеках КНДР, также весьма ограничен. Естественно, что отсутствие обмена информацией между учеными Республики Корея и КНДР не способствует изучению традиционного зодчества. Аналогичная картина сложилась в отношениях с Китайской Народной Республикой, на территории которой находится ряд объектов, относящихся к корейскому зодчеству периода Трех государств — государства Когурё и более позднего периода — государства Пархэ (кит. Бохай). Научные контакты ученых Республики Корея с китайскими коллегами были начаты лишь в 1990 г. Естественно, что ряд новых важнейших исследований, посвященных истории, философии и собственно архитектуре Китая, оказался вне поля зрения исследователей Республики Корея, и этим отчасти можно объяснить некоторую ограниченность опубликованных работ. В связи с потеплением политического

климата во взаимоотношениях с КНР ситуация с китайскими материалами за последние годы значительно улучшилась.

Особую проблему представляет крайне незначительное количество фактических материалов по корейскому зодчеству ранних периодов (до периода династии Корё включительно). За исключением пяти сохранившихся сооружений позднего периода Корё, архитектурный облик и характер произведений древнекорейского зодчества приходится восстанавливать на основе косвенных свидетельств: хроник, археологических находок, древних росписей, скульптуры и т.д. Следует отметить, что большинство корейских специалистов большое значение придает скрупулезному сбору и классификации фактических материалов, что в общем-то является одной из самых сильных и впечатляющих сторон проводимых работ. В то же время, как уже отмечалось выше, работ аналитического и сравнительного характера явно недостаточно.

В настоящее время ежегодно публикуются библиографические каталоги по исследованиям корейской традиционной архитектуры, что значительно облегчает поиск необходимой информации. Публикуемые библиографии включают статьи, монографии и диссертационные исследования.

Подводя итоги обзора исследований традиционной архитектуры в Республике Корея, отметим, что из многочисленных публикаций здесь упоминаются лишь работы, имеющие некоторое отношение к исследованию буддийского храмового строительства и помимо этого получившие, на наш взгляд, признание среди корейских и зарубежных исследователей.

Признавая всю ценность научных изысканий, ведущихся в Республике Корея, тем не менее на сегодняшний день можно констатировать отсутствие ряда обобщающих исследований по отдельным типам сооружений (за исключением жилищ), в которых были бы прослежены все этапы их развития.

В данной книге буддийская архитектура рассматривается в трех аспектах:

- история буддийского храмового строительства в Корее;
- планировочные и архитектурно-конструктивные приемы, использовавшиеся в архитектуре буддийских храмов Кореи;
- концептуальные особенности буддийской архитектуры Кореи в ее взаимосвязи с традиционной культурой.

Введение широких хронологических границ исследования с середины IV до конца XIX в. продиктовано назревшей необходимостью рассмотреть процесс развития буддийской архитектуры в Корее целостно, по всем его историческим этапам. Подобный подход позволил выделить как специфические моменты каждого периода, так и закономерности, единые для всей истории буддийской архитектуры.

История буддийского храмостроения в Корее

ПЕРИОД ТРЕХ ГОСУДАРСТВ (I в. до н.э. — 668 г.)

Зарождение буддийского зодчества в Корее относится ко времени, когда в процессе непрекращающихся столкновений формировались корейские государства, правители которых более всего были озабочены укреплением их безопасности.

Первоначально буддизм воспринимался исключительно как могущественная магия. Основание храмов непременно увязывалось со сверхъестественными событиями. Эти годы в развитии буддийской архитектуры можно назвать Периодом Магии. Сооружение храмов носило характер магического акта, призванного отразить внешнюю агрессию и укрепить государство. Архитектура буддийских храмов являлась зримым выражением политического могущества.

Распространение буддизма означало не только появление новой религии, но и привнесение новой концепции ритуального пространства, четко организованного и перекликающегося с идеями идеального политического устройства. Вместе с тем буддизм вывел корейскую культуру из замкнутого пространства полуострова в открытый мир буддийских государств. Рамки вселенной расширяются. Сознание людей того времени обогащается представлениями о существовании множества буддийских миров и бесконечности мироздания. Все эти идеи нашли свое отражение в буддийской архитектуре.

Возведение буддийских храмов в столицах корейских государств коренным образом изменило силуэт и структуру города. В отличие от Китая буддийские храмы в Корее с самого начала стали воздвигаться грандиозных размеров и с многообразными по составу сооружениями (пагода, молитвенный, лекционный и колокольный павильоны, хранилище сутр, общежития для монахов, резиденция настоятеля, ворота, галереи и т.д.).

Наиболее значительным нововведением стала фиксация в качестве вертикальной оси города многоярусной пагоды, которая благодаря своему расположению в центре городского ансамбля становилась его доминирующим элементом. Сравнительно небольшие размеры корейских городов, по всей видимости, способствовали восприятию пагоды, городских ворот и двор-

цовых построек, являвшихся основными компонентами городской застройки, как единого целого.

Масштаб буддийских храмов того времени был сопоставим с размерами королевских дворцов. Если учесть, что основная масса рядовых строений тогда покрывалась соломой, то их контраст с грандиозными сооружениями храмов, увенчанных черепичными кровлями, был поистине впечатляющим.

Процесс сооружения храма носил характер единовременного акта. По всей видимости, сама концепция таких сооружений, как пагоды, молитвенные и учебные павильоны, хранилища сутр и т.д., была еще неизвестна в Корее того времени, что лишним раз подчеркивает китайское происхождение ранних буддийских храмов в Корее.

На сегодняшний день полностью не сохранилось ни одного строения периода Трех государств. Однако обнаруженные куски черепицы, кирпичей, изображения архитектурных сооружений на фресках когурёских гробниц¹, а также исторические записи свидетельствуют о том, что здания возводились из дерева с использованием конструкций *тугон*, кровля покрывалась черепицей.

Государство Когурё (37 г. до н.э. — 668 г.)

Буддизм был привнесен в Когурё посредством дипломатических контактов с Китаем в 372 г. Когурё являлось наиболее могущественным государством Кореи той эпохи. *Самгук саги* («Исторические записи Трех государств»)² — наиболее древнее из сохранившихся исторических свидетельств — повествует о том, что во втором году (372 г.) правления когурёского вана Сосурима (371–384), летом, «в шестом месяце от циньского вана Фу Цзяня прибыли посол и буддийский монах Сундо, были присланы изображения Будды и Священное писание. Ван направил в ответ посла с благодарностью и дарами из местных предметов»³.

Китайская культура высоко ценилась в Корее того времени, и буддизм, воспринимавшийся как одна из ее частей, был признан и распространен в Корее гораздо легче, нежели в самом Китае.

В соответствии с *Самгук саги* и *Самгук юса* («Забывшие деяния Трех государств»)⁴, в 372 г. в Когурё прибыл монах Сундо из Ранней Цинь, а двумя годами позднее — монах Адо из Поздней Вэй. В 375 г. в тогдашней столице Когурё — крепости Куннэсон — рядом с королевским дворцом были возведены первые буддийские храмы: Сомунса, в котором проповедовал Сундо, и Ибульланса — для Адо. С этого времени буддизм начинает распространяться в Корее. Вот как об этом сказано в *Самгук саги* под пятым годом (375 г.) правления вана Сосурима: «Весной, во втором месяце, был основан первый храм (монастырь) Сомун[са] для службы монаха Сундо. Основан также храм Ибульлан[са] для службы Адо. Это было начало [распространения] Учения Будды в Хэдоне (Восточном Приморье)»⁵.

В исторических хрониках не приводятся данные об архитектурном облике и точном местонахождении храмов Сомунса и Ибульланса, построенных предположительно под руководством китайских монахов по образу и подобию китайских буддийских храмов IV в. Вполне вероятно, что эти храмы послужили образцом для тех, что строились в Когурё впоследствии.

Сменивший вана Сосурима ван Когукян (384–392) также поддерживал буддизм. Он издал указ, в котором призвал подданных принять новую религию⁶. Ван Квангэтхо (392–414), известный большими успехами в политической и военной областях, через год после восшествия на престол инициировал строительство девяти храмов в Пхеньяне — южной столице Когурё⁷. Помимо этого, в исторических хрониках отмечается строительство храма Кымганса в седьмой год правления вана Мунджа (498 г.)⁸.

О девяти храмах, построенных ваном Квангэтхо в Пхеньяне в 394 г., более конкретной информации в исторических хрониках также не приводится. В исторических хрониках, особенно в *Самгук юса*, существует много упоминаний о когурёских храмах, однако их местоположение в большинстве случаев остается неопределенным. Среди упоминаемых в хрониках храмов такие, как Кымдонса, Джундэса, Кэвонса, Юмаса, Чингуса, Тэсонса, Тэвонса, Ёнгуса, построенные в годы правления вана Поджана (642–668)⁹, но можно предположить, что в действительности число храмов было больше.

Археологические раскопки, проведенные в районе Пхеньяна, выявили остатки четырех когурёских храмов. Эти работы были начаты японскими исследователями в период колониальной зависимости Кореи. Три обнаруженных объекта (близ д. Чхоннамни; около д. Санори, уезд Тэдонгун, Имвонмён; рядом с д. Вонори, уезд Пёнвонгун, Токсамён) были исследованы в 1937 г., а четвертый (остатки храма Чоннынса) — в 1945 г.

Результаты раскопок остатков храма у д. Вонори¹⁰ оказались наименее содержательными в архитектурном плане. Несколько больший интерес представляют

материалы раскопок около д. Санори, в ходе которых вокруг восьмигранной пагоды с восточной, северной и западной сторон были обнаружены три павильона¹¹.

Остатки храма близ д. Чхоннамни расположены приблизительно в 3 км к северо-востоку от Пхеньяна, на северном берегу р. Тэдонган. Место было исследовано в 1938 г.¹². Участок культивировался, поэтому сохранившиеся фрагменты сооружения были сильно повреждены. Тем не менее планировка храма прослеживается достаточно отчетливо. Южные ворота открывали подходы к восьмигранной в плане пагоде значительных размеров (ширина основания — 30,3 м). С востока и с запада к ней примыкали два небольших павильона, а с северной стороны находился самый крупный по размерам главный павильон. За ним на некотором удалении размещались еще три небольших строения.

Интересно отметить, что храмы в деревнях Чхоннамни и Санори почти одного масштаба. Это дает основание допустить, что в то время существовала некая единая схема композиционного построения храма. Помимо сказанного в случае с храмом близ д. Чхоннамни, следует отметить вероятность наличия галереи, замыкающей три павильона и пагоду в дворовом пространстве. Хотя в ходе раскопок четко идентифицируемых следов такой галереи не было обнаружено, однако положение ворот и некоторое пространство, разделяющее две группы строений, делают возможным такое допущение.

Некоторые корейские исследователи выдвигают предположение, что руины близ д. Чхоннамни являются остатками храма Кымганса, построенного ваном Мунджа в 498 г.¹³.

Существование в храме близ д. Чхоннамни галереи, обрамляющей главные сооружения, а также лекционного и колокольного павильонов и хранилища сутр косвенно подтверждается планировкой идентичного японского храма Ацукадера, датированного приблизительно 600 г.; этот наиболее ранний из обнаруженных японских буддийских храмов (но построенный почти на сто лет позднее, нежели в Чхоннамни) был исследован в 1956 г.¹⁴. Он по масштабу меньше, однако планировка их весьма схожа. Наибольшее различие заключается в том, что в храме Ацукадера центральная пагода была не восьмигранной, а квадратного сечения.

Неподалеку от Пхеньяна (12 км к юго-востоку, уезд Джунхвагун, д. Джинбари), всего в 100 метрах от когурёской гробницы, были обнаружены остатки храма, который на основе анализа найденных на месте раскопок обломков черепицы с иероглифическими надписями был идентифицирован как Чхоннынса¹⁵. Это название не зафиксировано в исторических хрониках, однако корейские исследователи предполагают, что это может быть один из десяти храмов, построенных ваном Квангэтхо в конце IV в.¹⁶.

Участок, где располагался храм, обращен на юг, с севера блокируется горным массивом, широтное направление остается свободным. В отличие от храма в д. Чхоннамни его планировка — это формируемые галереями несколько замкнутых дворов. Галереи, проходящие в меридиональном направлении, пересекают участок на пять секций. Центральная и наиболее широкая из них, в свою очередь, разрезается галереями на три двора. В первом дворе размещена восьмигранная пагода и два главных павильона. Расположение в первых двух дворах центральной части комплекса трех павильонов вокруг восьмигранной пагоды отражает достаточно устоявшуюся композиционную схему когурёских храмов (так же как и в храмах близ Чхоннамни и Санори). Однако весьма значительное отличие заключается в том, что северный павильон отсечен галереей от пагоды с двумя другими павильонами и расположен в едином пространстве второго двора вместе с колокольным павильоном и хранилищем сутр. В третьем дворе располагался учебный павильон. Предполагается, что в северо-восточной части комплекса за ним находилась резиденция настоятеля храма, к западу — сад с камнями. Назначение зданий в боковых дворах, за исключением большого строения, расположенного к западу от хранилища сутр, остается неопределенным. Здесь были обнаружены остатки очага, что свидетельствует об использовании этого сооружения в качестве обеденного павильона. Здание в северо-восточном углу, по всей видимости, было общежитием для монахов.

В храме Чхоннынса северный павильон был менее важен, нежели примыкающий к пагоде восточный и западный. В храме, обнаруженном в д. Чхоннамни, северному павильону уже придавалось большее значение — он крупнее по размерам, нежели другие. В более поздних по времени храмах Пэкче и Силла строился только северный павильон. По мнению Ким Сону, профессора архитектурного факультета Университета Ёнсэй, «храм Чхоннынса отражает тот этап в развитии композиции буддийского храма, когда северный павильон еще не стал настолько значительным, чтобы его размещали в центральной части комплекса, обозначенного пагодой. В храме, открытом в д. Чхоннамни, северный павильон не только вошел в группу основных сооружений, но и занял главенствующее положение среди павильонных построек»¹⁷.

На наш взгляд, данные различия необходимо также увязывать с теологическими особенностями, присутствующими в школах буддизма, укоренившимся соответственно в Когурё, в Пэкче и Силла. В рассматриваемых нами случаях пагоды государства Когурё имели восьмигранную форму, в то время как большинство пагод Пэкче или Силла имеют квадратное основание. Следует принять во внимание то, что буддизм проник в Когурё из Северного Китая, где имел более интернациональную окраску, восприняв учение буддийских школ, распространенных в Центральной

Азии. В то же время на юге Китая буддизм, подвергаясь «китаизации», начал быстро приобретать местный колорит. Восьмигранная пагода, очевидно, была более близка по форме к круглой в плане индийской *ступе* — прообразу пагоды. По всей видимости, более широкое бытование этой формы в Когурё было вызвано тем, что в этом государстве буддизм распространялся из Северного Китая. Примечательно также то, что размеры пагод в Когурё гораздо больше, чем в Силла или Пэкче.

Следует полагать, что первоначально буддийские храмы строились с двумя главными павильонами, фланкирующими пагоду с востока и запада. Появившийся несколько позднее северный павильон постепенно занял доминирующее положение. Тем не менее в рассматриваемый период наиболее значимым среди всех сооружений буддийского храма была пагода, фиксирующая смысловую и композиционный центры храма. Павильоны по бокам лишь подчеркивали ее значение.

Японский исследователь Мурата Дзиро выдвигает предположение, что восьмигранное основание в храме близ д. Чхоннамни может означать существование не пагоды, а павильона, так как не было обнаружено каменной базы для центрального столба и размер сооружения представляется слишком крупным для пагоды¹⁸. Однако в таком случае все восьмигранные основания, найденные в когурёских храмах, должны служить фундаментами для павильонов, так как они немногим меньше того, что обнаружено в храме близ Чхоннамни. При таком допущении композиционный центр когурёских храмов формировался бы четырьмя павильонами без пагоды. Это довольно сильно противоречит имеющимся данным о характере буддийской архитектуры в Китае того времени. Помимо этого, в *Самзук юса* имеется прямое свидетельство о существовании семиярусной восьмигранной пагоды в Ёнтхаса (одном из буддийских храмов позднего Когурё)¹⁹. Исследователи корейской архитектуры также указывают на то, что «в Китае сохранилась восьмигранная пагода, правда построенная намного позднее, в храме Фогуань (пров. Шаньси, 1056 г.). Диаметр ее (24 м)²⁰ близок диаметру пагоды в храме, открытом близ д. Чхоннамни (23 м)»²¹.

Северный павильон возник в то время, когда значение пагоды было по-прежнему велико, однако постепенно акцент начал переноситься с пагоды на павильон. Как показывает дальнейшее развитие композиции буддийского храма, именно северный павильон стал его главным сооружением. Пагода же постепенно уменьшалась в размерах. Далее уже не два павильона фланкируют пагоду, а две пагоды фланкируют главную ось северного павильона. В период династии Корё во многих храмах пагода вообще не возводилась или же занимала очень незначительное положение.

Государство Пэкче (18 г. до н.э. — 600 г.)

Согласно *Самгук саги*, а также *Самгук юса*, буддизм проник в Пэкче на 12 лет позднее, чем в Когурё. Это событие связывается с именем буддийского проповедника из китайского государства Восточная Цзинь — Марананды, прибывшего в Пэкче в 384 г. По *Самгук саги*, это произошло в первый год правления вана Чхимню (384–385): «В девятом месяце из государства Цзинь прибыл чужеземный (индийский) священник (*хосын*) Марананда. Ван встретил его и оказал почетный прием во дворце. С этого времени начали [проповедовать] Учение Будды». На следующий год, т.е. во втором году правления вана Чхимню (385 г.), весной «во втором месяце основали буддийский храм [на горе] Хансан. Десять человек были посвящены в монахи»²². Восемь лет спустя после прибытия Марананды (в 392 г.) ван Асин (392–405) издал указ, аналогичный указу когурёского вана Когукяна, призывавший подданных принять буддизм²³.

О судьбе буддизма в Пэкче на протяжении многих лет после его проникновения не имеется достоверных сведений, однако из исторических хроник известно, что при ванах Соне (523–555) в девятнадцатый год его правления (541 г.) из китайского государства Лян в Пэкче были присланы буддийские сочинения: «Ван отправил посла ко [двору] Лян с поклоном и подношениями и одновременно в письме просил прислать ученого (*накса*) Моси (Маоши), [священные сочинения] о сущности нирваны и другие, а также искусных мастеров, художников и прочих. Просьба была удовлетворена»²⁴. Укреплению позиций буддизма способствовало как покровительство правящей династии, так и активная деятельность проповедников²⁵.

Строительство грандиозного храма Ванхынса было начато ванами Поп (599–600), а закончено ванами Му (600–641)²⁶. По окончании строительства в 634 г. ван Му посещал храм вместе с супругой, ранее являвшейся принцессой государства Силла. «Предполагается, что храм находился в долине р. Пэкма в совр. г. Пуё, провинции Северная Чолла, бывшей столице государства Пэкче»²⁷. Помимо этого, ван Му построил храм Мирыкса (пров. Северная Чолла, уезд Иксангун, д. Кыммамён)²⁸.

Храм, построенный ванами Чхимню в 385 г. в местности Хансан (в районе совр. Сеула), является наиболее ранним из зафиксированных в исторических источниках буддийских храмов Пэкче. Однако его точное расположение, название и характер постройки неизвестны. Скорее всего, он был построен по образцу храмов китайского государства Восточная Цзинь. Из обнаруженных и обследованных остатков храмов наиболее близким по времени является когурёский храм Чхоннынса (394 г.). Возможно, некоторые характеристики этих храмов сходны.

В 475 г. крепость Хансан, столица Пэкче в то время (на южном берегу р. Ханган в районе совр. Сеула), пала при вторжении Когурё. В тот же год ван Мунчжу перенес столицу южнее — в г. Унджин (совр. г. Конджу). В 538 г. ван Сон перенес столицу в Саби (совр. г. Пуё)²⁹. Таким образом, Унджин служил столицей около 64 лет.

Наибольшее количество храмов Пэкче было сооружено вокруг последней столицы государства — Саби и совр. г. Иксан. После переноса столицы в Саби в 538 г. и вплоть до падения Пэкче в 660 г. здесь активно велось строительство буддийских храмов. Часть храмов выявлена в результате археологических работ, ведущихся корейскими специалистами в этом районе³⁰.

Корейским исследователем Ким Сону из различных исторических хроник были установлены названия 12 храмов, возведенных рядом с совр. г. Конджу³¹. Расположение шести из этих храмов не выяснено: Хыннюнса, Чонджиса, Паннынса, Пукхельса и два храма с названием Тонхельса (иероглифическая запись названий этих двух храмов различна, однако произношение одинаковое, и вполне вероятно, что это название относится к одному и тому же храму). Из шести храмов с установленным месторасположением четыре находятся по соседству с пещерами: Чумиса (Лиинмён, д. Чумири), Сохельса (р-н Унджиндон), Намхельса (р-н Кымхакдон, Намсан) и Манильса (Чхонангун, Сонгомён, Сонгосан)³². Все эти храмы были построены вокруг столицы Унджин (совр. г. Конджу) на горных склонах.

Из двух храмов, рядом с которыми нет пещер, храм Сувонса³³ (р-н Онняндон) был исследован, однако существующие остатки принадлежат периоду Объединенное Силла³⁴. По всей видимости, храм был реконструирован в этот период после падения Пэкче, на месте ранее существовавшего пэкческого храма.

Храм Тэтхонса (р-н Панджукдон)³⁵ является единственным храмом, построенным в пределах совр. г. Конджу на ровной местности. К сожалению, участок частично занят современной застройкой, что не позволило выполнить раскопки в полном объеме. Однако обнаруженное позволяет утверждать, что в целом композиция храма аналогична тем, что были построены позднее в г. Саби (совр. г. Пуё), т.е. с воротами, пагодой, главным и учебным павильонами, размещенными на единой центральной композиционной оси. Размеры обнаруженных сооружений говорят о том, что Тэтхонса уступает по масштабу только храму Мирыкса, сооруженному позднее около совр. г. Иксана.

Наиболее ценные сведения об архитектуре буддийских храмов этого периода дали раскопки храмов с неустановленными названиями близ деревень Кунсури и Тоннамни, а также храмов Кымганса, Чхоннимса и Мирыкса.

Композиция храма близ д. Кунсури³⁶ представляет собой вытянутый в направлении с юга на север пря-

моугольник, образованный галереями. По центральной оси комплекса последовательно с юга на север располагались ворота, деревянная пагода и главный павильон. Северная часть двора замыкалась учебным павильоном, по бокам которого располагались небольшие сооружения (предположительно колокольный павильон и хранилище сутр).

Храм Кымганса располагался к северо-западу от совр. г. Пуё (р-н Унсанмён, д. Кымганни)³⁷. Одной из весьма интересных особенностей этого храма является то, что его главная ось ориентируется на восток, в отличие от обычной ориентации на юг. Общей композицией и масштабом храм Кымганса очень близок к тому, что находится близ д. Кунсури. Так же как и в храме в д. Кунсури, центральная часть комплекса обнесена галереями. В южной их части располагались ворота. Внутри двора была сооружена квадратная в плане пагода, а за ней, почти в геометрическом центре двора, располагался павильон. Северную часть двора замыкает учебный павильон, за которым находился жилой павильон для монахов. Участок храма Кымганса несколько длиннее, чем у храма в Кунсури, однако расстояния между центрами ворот и пагоды, а также пагоды и главного павильона очень близки. Очень различаются лишь расстояния между главным и учебным павильонами. В храме Кымганса это расстояние составляет 100 чхок (30,3 м), что на 40 чхок (≈13,3 м) больше, чем в храме в д. Кунсури. Вследствие этого главный павильон находится в геометрическом центре участка. Размеры пагоды и учебного павильона в Кымганса и храма в Кунсури почти одинаковы. В то же время главный павильон в длину составляет 110 чхок (или 33,1 м), что на 20 чхок (6,7 м) короче главного павильона в Кунсури. Интересно, что учебный павильон и находящееся сразу за ним общежитие для монахов были соединены крытым переходом. Однако неясно, было ли это выполнено в период Пэкче или позднее. В храме Кымганса не были обнаружены следы колокольного павильона и хранилища сутр, однако, как отмечается в материалах раскопок³⁸, западная часть галереи, примыкающая к учебному павильону, имеет некоторые отличия от других частей и, вероятно, является более поздней по времени. В таком случае, возможно, что, как и в храме, обнаруженном в д. Кунсури, в храме Кымганса первоначально существовали и колокольный павильон, и хранилище сутр, расположенные по бокам учебного павильона.

В самом центре современного г. Пуё были обнаружены остатки храма Чхоннимса. Согласно археологическим исследованиям³⁹, внутри образованного галереей двора располагались пятиярусная каменная пагода и молитвенный павильон. При этом размеры павильона значительно превосходили размеры пагоды. Южный участок галереи прорезан воротами, северный замыкается учебным павильоном. Колокольный павильон и хранилище сутр не были обнаружены,

и их существование остается под вопросом. Двор значительно уже, чем в храме Кымганса и в храме близ д. Кунсури, он более вытянут в направлении с юга на север. Размеры главного павильона очень близки к тем, что в храме Кымганса. Учебный павильон также близок по размерам аналогичным сооружениям в храмах Кымганса и близ д. Кунсури.

Планировка храма, открытого в д. Тоннамни, а также храма Мирыкса несколько отличается от рассмотренных выше композиций храмов государств Пэкче.

Храм близ д. Тоннамни⁴⁰ расположен к югу от г. Пуё между храмом в д. Кунсури и храмом Чоннимса. Отсутствие пагоды — наиболее необычный момент в композиции храма, открытого в д. Тоннамни. Настолько необычный, что корейский исследователь Ким Сону выдвигает предположение о том, что все-таки первоначально она существовала, но в ходе реконструкции была утрачена, а галерея и ворота были смещены к главному павильону⁴¹. Фактов в подтверждение этой гипотезы, однако, не существует.

Самым поздним из храмов Пэкче и наиболее интересным с точки зрения композиционного построения является храм Мирыкса, сооруженный ваном Му (600–641) (совр. г. Иксан)⁴². Исходный композиционный прием в общем схож с тем, что применялся при строительстве остальных храмов Пэкче, возводившихся по схеме «одна пагода — один главный павильон». Однако в храме Мирыкса были использованы три повторяющиеся пространственные единицы, каждая со своими воротами, пагодой и главным павильоном. Такая композиция носит уникальный характер, а сам храм, по всей видимости, является крупнейшим буддийским храмом в Восточной Азии.

От всего грандиозного комплекса до наших дней дошли только развалины каменной пагоды в западном секторе⁴³. Несмотря на то что пагода сохранилась лишь частично, сохранившиеся фрагменты позволяют воспроизвести ее полную форму. Эта пагода является крупнейшей из каменных пагод Кореи. Первоначально она имела семь ярусов. Основное тело пагоды установлено на двухъярусном постаменте со ступеньками с четырех сторон. Активные горизонтальные выносы нависают над резко уменьшающимися по высоте ярусами тела пагоды. Каменная кладка имитирует деревянные конструкции пилястрами, углы кровель слегка изогнуты. В восточном секторе пагода не сохранилась, однако имеется каменное основание, сходное с основанием западной пагоды. Симметрия всей композиции показывает, что на этом месте имела пагода, абсолютно идентичная по размерам и формам западной. В центральном секторе пагода, как показывают материалы раскопок, была не каменная, а деревянная.

Все рассмотренные выше храмы Пэкче были сооружены в середине VI — середине VII в. В целом композиция их весьма схожа, хотя и имеются сущест-

венные различия, одним из которых является размещение хранилища сутр и колокольного павильона. В храмах, открытых в деревнях Кунсури и Тоннамни, эти сооружения, фиксируя северные углы замкнутого двора, расположены по бокам учебного павильона. Следует отметить, что прямых свидетельств назначения этих зданий как колокольного павильона и хранилища сутр не обнаружено. В трех других храмах Пэкче, рассмотренных нами, расположение этих сооружений не идентифицировано. Это не означает, что они вовсе не сооружались. Возможно, что эти сооружения не вошли в пределы центральной части храма, вычлениваемой галереями.

В некоторых храмах периода Объединенного Силла хранилище сутр и колокольный павильон размещаются не по бокам учебного павильона, а в пределах свободного пространства главного двора (например, в храме Сачхонванса, сооруженном в конце VII в., и в храме Хваннёнса, реконструированном в VIII в.). В когурёских храмах эти сооружения располагались по бокам либо учебного павильона (д. Чхоннамни), либо северного павильона (храм Чоннынса). Следовательно, размещение колокольного павильона и хранилища сутр в пределах главного двора следует рассценивать как позднейшую инновацию в композиции ранних буддийских храмов. Таким образом, становится ясным, что храмы близ деревень Чхоннамни и Тоннамни были сооружены сравнительно раньше, чем остальные рассмотренные нами храмы Пэкче.

Одним из главных нововведений в композиции буддийских храмов Пэкче было утверждение северного павильона как одного из главных элементов композиции, хотя еще уступавшего по значению пагоде. Однако исчезновение двух боковых павильонов подчеркивает своеобразный диалог между оставшимися сооружениями — северным павильоном и пагодой, который в дальнейшем выявил доминирующую роль первого. Помимо этого, очень важным следует считать введение в композиционный центр учебного павильона. Это сооружение не носит чисто религиозного характера, поскольку связано с обучением. Начиная с этого момента исчезает абсолютное разграничение пространства сакрального (молитвенный павильон, пагода) и пространства несакрального, связанного с человеческой деятельностью.

Важным нововведением в архитектуре буддийских храмов Пэкче следует считать появление каменных пагод (в храме Чоннимса и боковые пагоды в Мирыкса). Возведенный сначала в Китае как вариация деревянного павильона, этот вид строения заведомо предполагал непереносное использование деревянных конструкций. В Когурё все пагоды возводились из дерева. Впервые появившиеся в Пэкче, каменные пагоды в дальнейшем стали основным типом этого сооружения в Корее. Дошедшие до нынешних дней остатки каменных пагод (*Sosotxan* в храме Мирыкса и парные пагоды Чоннимса) отличаются лаконичной формой,

строгим силуэтом и служат доказательством достижения буддийской архитектуры в Пэкче.

Храмы Пэкче покрывались черепицей. Отдельные находки свидетельствуют о высочайшем мастерстве в изготовлении черепицы пэкческими мастерами. В конструкциях зданий применялась конструктивная система *тугон*.

Другим источником исследований архитектуры буддийских храмов Пэкче могут послужить ранние буддийские храмы Японии⁴⁴. Первым буддийским храмом в Японии был храм Ацукадера, сооружение которого было начато в 588 г. и завершено в 596 г.⁴⁵. Этот храм строился под руководством мастеров из Пэкче.

В японской исторической хронике *Нихон сёки* («Анналы Японии») отмечается, что в 577 г. в Асука прибыло шесть человек из Пэкче (монахов, скульпторов и зодчих). В 588 г., когда строительство в Асука было уже начато, из Пэкче прибыли еще специалисты по отливке шпиль пагоды, четыре мастера по изготовлению кровельной черепицы, а также художник⁴⁶.

Исследования храма Ацукадера вносят некоторую неясность в сложившуюся картину развития буддийской архитектуры в восточноазиатском ареале. Согласно историческим хроникам и находкам археологов⁴⁷, храм строился под руководством и при участии мастеров из Пэкче. В то же время композиционное построение храма явно восходит к когурёской схеме. Подобная планировка (три главных павильона вокруг деревянной пагоды) не была обнаружена на территории Пэкче. При этом корейские исследователи обращают внимание на то, что в *Нихон сёки* — наиболее древнем аутентичном источнике, первый контакт Японии с Когурё зафиксирован в 595 г. во время правления когурёского Ёнъяна (595–618), т.е. всего за один год до окончания строительства Ацукадера⁴⁸.

Из многочисленных храмов Когурё и Пэкче нам известно считанное количество выявленных остатков храмов. По всей видимости, храм Ацукадера может служить косвенным свидетельством применения композиционных приемов, аналогичных когурёским, при строительстве храмов в Пэкче. В то же время следует учитывать, что на раннем этапе становления буддийского храмового строительства как в Когурё, так и в Пэкче наиболее вероятно заимствование определенных планировочных приемов из Китая.

Обращает на себя внимание тот факт, что пагода в Ацукадера имеет квадратный план, в то время как в когурёских храмах пагода была восьмигранной. В храмах Пэкче подобная форма деревянной пагоды не была обнаружена. В Ацукадера, так же как и в когурёском храме близ д. Чхоннамни, учебный павильон еще не входил в состав главного композиционного ядра, а был расположен за пределами северной галереи. Это также можно расценивать как раннюю ступень в развитии композиции буддийского храма.

Помимо выявления весьма ценных сведений о планировочных приемах, использовавшихся корейскими мастерами из Пэкче при сооружении первых буддийских храмов в Японии, исследования японских специалистов проливают свет на некоторые особенности применявшихся конструктивных приемов. Так, например, на участке учебного павильона храма Ситэннодзи в Осака был обнаружен отпечатавшийся в глине след кровельных конструкций. На этом слепке запечатлено веерообразное расположение стропильных ног⁴⁹. Подобный конструктивный прием не был распространен в Японии вплоть до периода Камакура (1185–1330), когда он был заимствован непосредственно из сунского Китая⁵⁰. Следовательно, обнаруженный слепок отразил строительные приемы, использовавшиеся в Пэкче. Веерообразная расстановка стропильных ног широко применялась в танском Китае.

Государство Силла (57 г. до н.э. — 668 г.)

Позднее всего буддизм был воспринят в Силла, причем там процесс внедрения происходил с большими сложностями, нежели в Пэкче или Когурё. «Первые его проповедники в Силла, некто по имени Юн-биа, а также монах Мюльхуби, прибывшие из Когурё, были казнены»⁵¹. В годы правления когурёского вана Бунджели (417–458) когурёский монах Моходжа⁵² (по другим источникам, Адо⁵³) проник в Силла и тайно проповедовал буддизм в доме некоего Морё. Официальное признание буддизма произошло в 528 г.⁵⁴ в годы правления вана Попхына (514–540). В 521 г. император династии Лян направил монаха Вонбё ко двору вана Попхына с буддийскими сутрами и изображениями Будды. Желание вана оказывать поддержку буддизму встретило сильную оппозицию среди знати. Сохранились буддийские предания о мученической смерти Ли Чхадуна (придворного вана Попхына), после которой сторонникам буддизма последовало несколько чудесных знамений⁵⁵. Как бы то ни было, буддизм был признан официально ваном Попхыном в 528 г., а уже в 529 г. он издал указ, по которому воспрещалось убивать живые существа⁵⁶. После столь драматического пролога, уже в годы правления преемника вана Попхына — вана Чинхына (540–575), буддизм быстро распространился в Силла и влияние его возросло.

К храмам, возведенным в годы правления вана Чинхына, относятся: Хыннёнса⁵⁷ и Хваннёнса⁵⁸. Помимо этих двух наиболее значительных храмов в *Самгук саги* упоминаются храмы Чивонса, Сильдже-са, Эгонса и Ёнхынса, сооруженные ваном Чинхыном, а также Самнанса, построенный ваном Чинпхёном, затем — Пунхванса (634 г.) и Рёнмёса (635 г.), возведенные государыней-ваном Сондок⁵⁹.

Ряд названий храмов, которые были построены в этот же период, упоминается в *Самгук саги* без указания даты сооружения. Среди них Ёджанса, Анянса, Тэгванса⁶⁰. В *Самгук юса* упоминаются также храмы Синвонса, Моджиса, Годжунса, Сёныйса и Тончхукса⁶¹. Таким образом, начало строительства буддийских храмов относится к середине VI в. Количество храмов этого периода, вероятно, больше, чем упоминается в исторических хрониках.

Из упомянутых выше храмов у десяти известно местоположение, в то время как у остальных только наименования. Из установленных храмов лишь Хваннёнса был исследован полностью. Большинство храмов находится на территории совр. г. Кёнджу — где находилась столица Силла — г. Кымсон, однако их остатки сильно повреждены, поскольку находятся на культивируемой территории⁶².

Участок храма Хыннёнса — древнейшего буддийского святилища в Силла (544 г.)⁶³, был обнаружен, но раскопки не проводились⁶⁴. Наиболее интересной находкой на территории храма являются обломки черепицы с изображением улыбающегося человеческого лица, что свидетельствует о своеобразии восприятия буддизма в Силла. В *Самгук юса* упоминается, что в правление вана Кёнмёна (917–924) в период Объединенного Силла южные ворота и примыкающие к ним галереи сгорели. Чудесным образом при вмешательстве буддийского божества они были восстановлены. При упоминании этого инцидента перечисляются ворота, галереи, хранилище сутр, пагода и молитвенный павильон⁶⁵. На сегодняшний день следов пагоды на участке храма Хыннёнса не обнаружено. Скорее всего она была деревянной.

Хваннёнса⁶⁶ (Нэдонмён, д. Кухвари) — крупнейший и наиболее значительный храм Силла. Храм располагался неподалеку от ванского дворца (Вольсон) в центре старого Кёнджу. Строительство храма было начато в 553 г. и завершено в 556 г. Согласно *Самгук саги*, ван Чинхын собирался возвести на этом месте новый дворец, но явление Желтого дракона (*Хваннён*) изменило его планы, и ван построил храм⁶⁷. В 584 г. ван Чинпхён возвел новый главный павильон⁶⁸. В 645 г. по совету вернувшегося из Китая монаха Чаджана государыней Сондок была возведена девятирусная деревянная пагода. При этом в *Самгук юса* говорится, что строительные чертежи были получены из храма близ Чаньани, столицы танского Китая⁶⁹. Строительством, в котором было занято двести силласких плотников, ведал приглашенный из Пэкче мастер Абиджи⁷⁰.

Эта пагода вместе с шестифутовой позолоченной статуей Будды и поясом вана Чинпхёна стала одним из трех национальных сокровищ Силла⁷¹. По этому поводу в *Самгук юса* сообщается: «...когда ван Корё (Ван Гон, основатель династии) овладел государством Силла, он приказал не разрушать и не прикасаться к трем священным сокровищам г. Кымсон — шестифутовой позолоченной статуе Будды, девятирусной

пагоде храма Хваннёнса и посланному Небом драгоценному поясу вана Чинпхёна в склепе Чхонджонго»⁷².

Главные сооружения храма были обнесены галереями, которые опоясывали почти квадратный по форме участок. На центральной оси комплекса, проходящей с юга на север, последовательно размещались ворота, деревянная пагода, главный и учебный павильоны. При этом главный павильон фланкировался двумя меньшими по размеру молитвенными павильонами. Фасады всех трех зданий были обращены к югу. В южной части двора, симметрично относительно главной оси комплекса, размещались колокольный павильон и хранилище сутр. Подобное расположение сооружений является необычным. В то же время ясно ощущается грандиозный масштаб созданной в храме Хваннёнса композиции, который отвечал назначению храма в качестве главного буддийского святилища государства Силла. Во время монгольского нашествия (1238 г.) храм был полностью сожжен.

Храм Пунхванса (Нэдонмён, д. Кухванни) был сооружен по указу государыни-вана Сондок в 634 г.⁷³, почти сто лет спустя после строительства Хыннюнса. Из первоначальных построек сохранились лишь три яруса от девятирусной каменной пагоды. История храма связана с именами прославленных буддийских священников Чаджана и Вонхё. К сожалению, существующие ныне постройки возведены без какой-либо связи с первоначальной композицией и реконструировать первоначальный облик храма затруднительно. В то же время сохранившаяся пагода представляет значительный интерес. Она была выполнена из камня, но камень был обтесан в форме кирпича, что, несомненно, было сделано в подражание китайским кирпичным пагодам⁷⁴. Подобное решение уникально для Кореи и не имеет аналогов ни в Пэкче, ни в Когурё. Наиболее ранней кирпичной пагодой, сохранившейся в Китае, является семиярусная пагода Даяньта⁷⁵ в г. Сиань (704 г.), которая, по всей видимости, весьма схожа с пагодой Пунхванса.

В 2 км к востоку от г. Кёнджу, неподалеку от д. Чхонгунни (р-н Нэдонмён), были обнаружены остатки храма, название которого и дата сооружения остаются невыясненными⁷⁶. Планировка храма в целом схожа с планировкой центральной части Пульгукса (храма, сооруженного в период Объединенного Силла), но масштаб крупнее. В южной части двора, образованного галереями, сохранились две каменные трехъярусные пагоды. Центральную часть занимал главный павильон с пристроенными к нему с боков колокольным павильоном и хранилищем сутр.

ПЕРИОД ОБЪЕДИНЕННОГО СИЛЛА (668–935)

Многовековое соперничество Трех государств завершилось объединением страны под эгидой Силла. Были созданы предпосылки для консолидации всей корейской культуры. Период Объединенного Силла стал временем расцвета буддизма и буддийского искусства в Корее. При этом после объединения Трех государств влияние идей конфуцианства на общество также начало возрастать, хотя по-прежнему не могло сравниться с тем значением и ролью, которую играл буддизм.

Расцвет буддизма в период Объединенного Силла сопровождался невиданным ранее размахом храмового строительства. Так, только «в столице Силла было воздвигнуто 808 храмов, другие же сооружения — пагоды и статуи Будды — множилось как грибы повсюду»⁷⁷. При этом в столице насчитывалось 178 936 домов. Наподобие древнегреческой Спарты, столица Силла не имела ограждающих крепостных стен, хотя планировка города, расположенного на равнине, основывалась на регулярной сетке улиц.

При сооружении храмов по-прежнему большую роль играли соображения необходимости защиты страны, но с укреплением централизованного государства этот аспект буддийского учения уходит на второй план. Для архитектуры буддийских храмов, формирующей новый подход к ритуальному пространству, этот период становится поворотным. В содержании буддийского учения на первый план выходят аспекты, апеллирующие к сознанию конкретного человека. Из магического средства защиты государства буддизм постепенно превращается в религию человека. Соответственно вслед за становлением архитектуры храмов государственного значения начинается развитие архитектуры храмов, отвечающих нуждам рядовых адептов учения. Такие храмы зачастую возводятся в горах. Их композиция рассчитана не на проведение грандиозных церемоний, а на восприятие отдельного человека. Постепенно буддийские священнослужители возлагают на себя обязанности по отправлению поминальных ритуалов. Начинается возведение храмов рядом с ванскими усыпальницами.

Большинство храмов периода Объединенного Силла не сохранилось, но в то же время, согласно легендам или историческим фактам, около 150 существующих ныне храмов были основаны в период Объединенного Силла⁷⁸. Только в 50 из них в действительности есть относящиеся к этому периоду объекты, сделанные из камня или металла. Все эти храмы расположены в горах. И ни один из них, за исключением Пульгукса, не имел окружающей дворовое пространство галереи.

Развитие буддийской архитектуры в период Объединенного Силла проходит на фоне становления и

размежевания различных школ буддизма. Буддизм Силла развивался в тесном контакте с буддизмом танского Китая. Уже в предшествующий период в Корее, как и в Китае, буддизм подразделялся на различные направления, в которых по-разному акцентировались некоторые аспекты буддийского учения. Однако до определенного времени эти различия не носили существенного характера и приверженцы различных направлений не пытались противопоставлять свои доктрины учениям других школ. Однако в VII в. в Китае, а затем и в Корее идет быстрый процесс размежевания различных школ буддизма⁷⁹. Наибольшее влияние приобрели школы, сформировавшиеся в старом центре Силла — Кёнджу.

В течение первой половины периода Объединенного Силла наибольшее значение имели школы доктринального направления (так же как и в Китае). Начиная с IX в. все большую роль начинают играть школы Сон (кит. *Чань*, яп. *Дзэн*), а также Чонтхо (кит. *Цзинту*) (школа Чистой Земли). В течение VII–VIII вв. различные буддийские школы, сформировавшиеся в Китае, проникали в Корею, однако степень их популярности в Корее отличается от наблюдавшейся в Китае.

Юльдзон (кит. *Люй цзун*) (школа Винайи), занимавшая доминирующее положение в период Трех государств, в Объединенном Силла сохранила свое влияние⁸⁰. Школы Чхонтхэ (кит. *Тяньтай*) и Попсан (кит. *Фасян цзун*) (школа Дхармалакшаны) были известны, но маловлиятельны в Объединенном Силла⁸¹. Эзотерический буддизм (Мильдзон или Джиннодзон) проник в Силла в начале VII в., но не имел большого успеха⁸². Из доктринальных направлений буддизма наибольшее влияние приобрела школа Хваом (школа Аватамсака-сутры), основанная в Корее монахом Ыйсаном⁸³.

К этому следует добавить, что монах Вонхё (617–686) приобрел настолько большую популярность, что смог основать собственную школу буддизма⁸⁴. Он не был в Китае, однако его книги были там известны. Существует любопытная легенда о Вонхё:

«В возрасте 31 года Вонхё вместе с другим, также прославившимся впоследствии монахом Ыйсаном решил отправиться в Китай для совершенствования в буддизме. По пути из-за разразившейся бури они были вынуждены укрыться на ночь в пещере. В полночь Вонхё настолько одолела жажда, что он во тьме выпил нечто, на ощупь похожее на воду. Когда он проснулся утром, кругом было мрачно и шел дождь. С удивлением Вонхё обнаружил, что место, где они спали, — могила, а вода, которую он выпил прошлой ночью, была застоявшейся водой в человеческом черепе. И тут на него снизошло просветление: „Если твой дух жив, то все законы существуют, но если он мертв, то все законы не существуют. Весь мир и все его законы являются работой духа, без которого не существует ничего. Так стоит ли продолжать путь

в Танскую империю? Я не буду продолжать это путешествие“.

После снизошедшего просветления Вонхё покинул товарища и вернулся в Силла с уверенностью в том, что истина постигается через собственную веру человека, а не через обучение у других⁸⁵.

Вонхё пропагандировал «учение Чистой Земли», ставшее чрезвычайно популярным благодаря простоте доктрин и ритуала. Вера в перерождение в Западном Раю Будды Амиды была чрезвычайно притягательна не столько для знати, сколько для простого люда, заданного нуждой и тяжестью существования в этом бренном мире.

Возведение храмов — центров буддийских школ

Формирование отдельных школ буддизма привело к строительству и расширению уже существующих храмов, ставших центрами той или иной буддийской школы⁸⁶.

Школы буддизма	Название храма	Расположение (город)
Чхонтхэ	Онсанса	Унджу
Хваом	Пусокса	Ёнджу
Попсан	Самнанса	Кёнджу
Юльдзон	Тхондоса	Янсан
Попсон (Чонтхо)	Пунхванса	Кёнджу
Ёлбан	Кёнбокса	Чонджу
Миль (Джинон)	Кымганса	Кёнджу

В конце VIII в. в Силла проникает учение Сон. Оно быстро приобрело популярность и потеснило позиции более старых школ буддизма, принадлежавших к доктринальному направлению. Учение Сон подчеркивает необходимость духовного самосовершенствования ее адептов путем медитации. Постигание сокровенных истин достигается на определенной ступени самосовершенствования при внезапно приходящем озарении.

В период Объединенного Силла образовалось девять школ буддизма, относящихся к этому направлению, называемому «медитативный буддизм». Центрами всех школ стали храмы, воздвигнутые в горах, названия которых стали нарицательными для каждой из школ буддизма Сон⁸⁷.

Название школы и горы	Название храма
Сильсансан	Сильсанса
Тоннисан	Тхэанса
Каджисан	Поримса
Сонджусан	Сонджуса
Сакульсан	Кульсанса

Название школы и горы	Название храма
Сагджасан	Хыннёнса
Хыйянсан	Понамса
Поннимсан	Поннимса
Сумисан	Кванджоса

Археологические находки

Возле г. Кёнджу (столицы Объединенного Силла) сосредоточено много памятников буддийского зодчества. В ряде случаев это явно незначительные постройки, иногда — отдельные сооружения (пагоды или изображения Будды), не являющиеся частью какого-либо архитектурного комплекса. Некоторые из них — до сих пор действующие храмы в горах, но большинство разрушено, а расположение других остается невыясненным.

Среди известных ныне храмов некоторые не упоминаются ни в одном источнике. Около 35 храмов Объединенного Силла идентифицированы по названиям, расположению, дате сооружения и наличию объектов, относящихся к периоду Объединенного Силла. Из них 12 сооружены в VII в., 13 — в VIII в. и восемь — в IX в.⁸⁸ В 806 г. ван Эджан (800–809) запретил строительство новых храмов, разрешив только обновление прежних⁸⁹. Поэтому количество храмов IX в. значительно меньше, чем построенных в предшествующее время.

В период Объединенного Силла наблюдается тенденция к уменьшению объема храмов. «Если, например, площадь Хваннёнса составляла 14 233 кв. м, Кымганса — 13 650, Мирыкса — 30 793 кв. м, то из более поздних монастырей площадь Камынса была 5756 кв. м, Камсанса — 1837, Пульгукса — 7054, Хванбокса — 6620, Чонмунса — 8606, Мандокса — 4182, Сачхонванса — 5514 кв. м»⁹⁰.

Из храмов Объединенного Силла, построенных в конце VII в., исследованы три: наиболее ранний из них Сачхонванса (679 г.), далее Камынса (682 г.) и Мандокса (685 г.). Сачхонванса и Мандокса были сооружены к юго-востоку от современного Кёнджу (р-н Нэдонмён, д. Пэбанни).

Храм Сачхонванса был сооружен по указу вана Мунму (661–681) в 679 г. для защиты страны от вторжения танских войск. Самгук юса повествует о том, что благодаря сооружению этого святилища суда с вражескими войсками были потоплены поднявшимся штормом в Желтом море еще до того, как они достигли берегов Кореи⁹¹. Само название храма Сачхонванса, означающее «четыре небесных царя» (персонажи буддийской мифологии), зафиксировало охранительную сущность этого святилища. Позднее изображения этих четырех защитников буддизма (их имена — Чигук,

Кванмок, Джынган и Тамун) стали размещать во вторых воротах буддийского храма.

Сачхонванса⁹² был окружен галереей, образующей прямоугольник, вытянутый в меридиональном направлении. Главный павильон, имевший пять пролетов по южному фасаду и три — по боковому, слегка сдвинут к северу от геометрического центра двора. Главным отличием от композиции предшествующих храмов является то, что в Сачхонванса перед главным павильоном в южной части двора построены не одна, а две пагоды, расположенные симметрично относительно главной оси композиции. Помимо этого, в северной части двора аналогично располагаются колокольный павильон и хранилище сутр. Таким образом, четыре небесных стражей охраняют главный павильон. Размеры пагод, по сравнению с сооружавшимися ранее, незначительные, а размеры колокольного павильона и хранилища сутр еще меньше, чем у пагод. Ворота расположены с юга, северная же часть двора замыкается учебным павильоном.

Любопытно отметить, что храм был сооружен под влиянием тантрического направления буддизма, наиболее близкого к тибетскому, получившего в дальнейшем название Мильджон. Двухосевая симметрия композиции этого храма сближает ее с формой мандалы, широко использовавшейся в искусстве Центральной Азии и Тибета. Аналогичная композиционная схема была использована в храме Помунса⁹³.

История храма Мандокса связана с храмом Сачхонванса. Он был сооружен в 685 г.⁹⁴, на шесть лет позднее, чем Сачхонванса, и расположен очень близко к нему, приблизительно в 200 м к югу.

Согласно Самгук юса, китайский император, прослышав о храме Сачхонванса, благодаря которому был разбит китайский флот, направил своих посланников осмотреть его. Силлаский ван, узнав об этом, приказал выстроить храм Мандокса, в функции которого вошло прославление благодетелей китайского императора, а по прибытии посланников вместо Сачхонванса показал им Мандокса⁹⁵.

Композиция храма приблизительно одинакова с Сачхонванса, однако следов колокольного павильона и хранилища сутр не обнаружено. Неизвестно, то ли они не были сооружены, то ли были со временем разрушены⁹⁶.

Храм Камынса был построен в 682 г., но не в самой столице Объединенного Силла — г. Кёнджу, а в 34 км к востоку от него, на побережье Японского моря (Вольсонгун, р-н Янбукмён, д. Ёндонни). Согласно Самгук саги, сооружение храма было начато по указу вана Мунму⁹⁷, объединившего три корейских королевства. Возведение храма было связано с тем, что в этот период Восточное побережье часто подвергалось набегам японских пиратов. Ван Мунму выразил пожелание после смерти превратиться в дракона, который будет охранять страну с востока⁹⁸. Строитель-

ство было завершено уже после смерти вана Мунму его преемником ваном Синмуном⁹⁹. Тело вана Мунму было кремировано и похоронено в подводной могиле неподалеку от храма.

От всего комплекса до наших дней дошли только две каменные пагоды да остатки фундаментов зданий. Главный павильон Камынса был сооружен с применением уникального строительного приема. Как показали проведенные в 1961 г. раскопки¹⁰⁰, сначала на землю были положены каменные плиты. Опоры под колонны и конструкции полов были установлены уже по этому покрытию. Под ним в земле в восточном направлении проходит короткий тоннель, по всей видимости являвшийся символическим входом для дракона из Восточного моря. В остальном композиция храма очень типична. Галереи образуют прямоугольный двор, вытянутый в широтном направлении. Южный вход отмечается воротами, на одной оси с ними находится главный павильон и замыкающий пространство двора с северной стороны учебный павильон. В южной части двора симметрично главной оси комплекса расположены две каменные пагоды.

В 751 г. неподалеку от Кёнджу на горе Тохамсан было начато сооружение выдающихся памятников буддийского зодчества в Корее — храмов Пульгукса и Соккурам. В отличие от храмов, рассмотренных выше, в их функции входила не только охрана государства. Оба храма были возведены не ваном, а его первым министром Ким Дэсоном. Пульгукса был сооружен в честь родителей здравствовавшего Ким Дэсона, а Соккурам, согласно буддийским представлениям, родителям Ким Дэсона в его предшествующем рождении.

В *Самгук саги* говорится, что Ким Дэсон первоначально родился в бедной семье, жившей в д. Морянки. Невзирая на нищету, он со своей матерью пожертвовал последний клочок собственной земли храму Хыннюнса. Некоторое время спустя Ким Дэсон умер. В день его смерти над домом первого министра Ким Муньяна с небес раздался голос: «Добрый мальчик Дэсон из д. Морянки переродится в вашей семье». В тот же час ожидавшая роды жена первого министра родила мальчика. Ребенок держал пальцы левой руки крепко сжатыми, и когда через семь дней после рождения он разжал их, то на его ладони увидели написанные золотом иероглифы — Дэсон. Новые родители дали ему бывшее имя и пригласили его прежнюю мать смотреть за ним.

Храм Пульгукса находится на горе Тхохамсан в 16 км от г. Кёнджу. Его строительство было завершено в 775 г. Сохранившиеся каменные террасы, мосты и пагоды относятся к середине VIII в.¹⁰¹ В 1973 г. он был реконструирован, и все существующие на сегодняшний день деревянные сооружения возведены с имитацией стиля периода династии Ли.

Планировка храма представляет собой сложную, сподчиненную по масштабу и расположению элемен-

тов композицию¹⁰². Ядро комплекса образовано двумя дворами, обнесены по периметру галереями. Южные участки галерей расположены фронтально. Но восточный двор крупнее западного, и поэтому северные галереи образуют небольшой уступ. В южной части восточного двора перед павильоном, посвященным Будде Шакьямуни, находятся две каменные пагоды — *Соккатхап* (пагода Шакьямуни) и *Таботхап* (пагода Сокровищ), расположенные симметрично относительно главной оси комплекса. Пагода Соккатхап в общем достаточно обычна, форма же Таботхап имеет уникальный характер. Восточный двор рассечен небольшими отрезками галерей, соединяющими главный павильон с боковыми галереями. Южные оконечности западной и восточной галерей были продолжены на один пролет. Эти выступы использовались под колокольный павильон и хранилище сутр, что является уникальным приемом, не применявшимся в других храмах. Северную часть двора замыкает учебный павильон. В западном дворе размещается павильон *Кыннакчжон*, посвященный Будде Амиде.

Входы в восточный и западный дворы оформлены великолепными каменными лестницами, красота которых вкупе с каменной кладкой оснований, галерей и пагодами по праву позволяет отнести храм Пульгукса к шедеврам древнего корейского зодчества. Западная лестница известна под поэтическим названием «Мост Лотоса и Семи Сокровищ» (*Ёнхва чхильбогё*), восточная — «Мост Голубых и Белых Облаков» (*Чхонун Пэгунгё*)¹⁰³. Лестницы разбиты на два марша, под которыми вытесаны арки. Первоначально под первым пролетом проходил небольшой канал, отсекающий священный мир Будды от бренного мира, в связи с чем лестницы до сих пор сохранили названия мостов.

Развитию храма на восток препятствует горный массив. В северной части комплекса разместились павильоны, посвященные Будде Вайрочане (*Пиросана*) и бодхисатве Авалокитешваре (*Кваным*), также замкнутые в отдельные дворы, но уже не галереями, а каменными стенами. За павильоном *Кыннакджон* были найдены остатки павильона, посвященного Будде Майтрейе. Однако он не был восстановлен.

Все существующие ныне постройки, как было сказано, были воздвигнуты в 1973 г. Представляется, что композиция храма Пульгукса является результатом многократных пристроек и расширений, так как вряд ли частное лицо, каким был Ким Дэсон, даже будучи влиятельным сановником, могло состязаться с могуществом всего королевства, нацеленным на возведение храмов государственного значения.

Пещерный храм *Соккурам* первоначально носил название Сокпульса (Монастырь Каменного Будды). До наших дней от всего комплекса дошло лишь одно сооружение — подземный зал с уникальными скульптурными работами, высеченными из гранита¹⁰⁴. Сама

конструкция зала также является уникальной, не имеющей аналогов в храмовом зодчестве Дальнего Востока. Круглый зал с купольным покрытием был воздвигнут из гранитных блоков, после чего засыпан землей, наподобие древних корейских гробниц. К небольшому проходу в круглый зал примыкает аванзал из деревянных конструкций, выходящий на поверхность земли. В 1913 г. аванзал был реконструирован японскими властями, при этом была изменена его форма¹⁰⁵. При реставрации 1963 г. квадратный план аванзала был восстановлен¹⁰⁶.

Помимо изумительной буддийской скульптуры (статую Будды и настенные горельефы Соккурама относят к высшим достижениям буддийского искусства в Корее) большой интерес вызывает сама архитектурная композиция храма. Вход в храм размещен в охваченном с трех сторон горами месте, на площадке, находящейся на середине горного склона. Подходы, ведущие ко входу напрямую по главной оси храма, отсутствуют. Взамен выложенные грубо отколотым камнем ступени вьются по склону горы и приводят к павильону сбоку. План самой постройки представляет собой комбинацию из квадрата аванзала, соединенного небольшим проходом с круглым по форме подземным залом. Каменная статуя Будды несколько смещена вглубь от геометрического центра зала и является изображением Будды Амиды (Будды Западного Рая)¹⁰⁷.

В 85 км к востоку от Кёнджу обнаружены остатки храма Косонса (р-н Нэдонмён, д. Токтонни)¹⁰⁸. Результаты раскопок¹⁰⁹, проведенных в 1975 г., позволяют реконструировать композицию храма. Ядро храма образовано двумя стыкующимися дворами. В центре меньшего из них располагалась пагода, в центре большего — главный павильон. Северная часть главного двора замыкается учебным павильоном. Такое решение не встречается в других храмах Кореи. Назначение находящихся дальше к северу от учебного павильона остатков сооружений установить не удалось. Западный двор с отдельно стоящей пагодой меньше по размерам, и пагода слегка смещена к югу от геометрического центра двора. Западная галерея немного скошена, но, как показали раскопки, большая часть галереи была перестроена в более позднее время.

Причина отдельного размещения пагоды остается невыясненной, однако некоторые параллели прослеживаются в композициях ранних японских храмов, например Кофукудзи, построенного в первой половине восьмого столетия (р-н совр. г. Нара), и в храме Когодзи (преф. Сига), построенном во второй половине восьмого столетия. Эти храмы, как предполагается, были сооружены в подражание храмам танского Китая¹¹⁰. Таким образом, храм Косонса можно также рассматривать как результат заимствования композиционных приемов, использовавшихся в Китае. С другой стороны, исследователями отмечается, что, во-первых, этот прием не нашел распространения в Корее, а во-

вторых, согласно историческим источникам, настоятель храма — Вонхё (основатель Чонтхо — «школы Чистой Земли») не бывал в Китае. Следовательно, маловероятно, чтобы он мог инициировать подобную компоновку сооружений храма.

Помимо описанных выше сохранилось еще несколько остатков храмов, таких, как Сонбокса (р-н Ведон, д. Мибанни), Хванбокса (р-н Нэдонмён, д. Пибанни), Вонвонса (р-н Вёдон, д. Ипсили), и др. Однако рассмотрение этих храмов мало что может добавить к имеющейся картине развития храмового зодчества в Объединенном Силла.

ПЕРИОД ДИНАСТИИ КОРЁ (918–1392)

С падением государства Объединенное Силла центр страны в 918 г. переместился на север в г. Кэгён (совр. Кэсон), история которого была тесно связана с историей государства Когурё. Корейский исследователь Ким Дженхи приводит следующее описание Кэсона (Сондо):

«Сондо был окружен высокими стенами, в которых имелись ворота: 4 больших, 8 средних и 13 малых. Над воротами возвышались изящные павильоны. Через речку были переброшены красивые каменные мосты. Главные улицы были замощены. Королевский дворец был построен в северном углу городской стены, у подножия горы Сонаксан, на специально подготовленной для этого террасе»¹¹¹.

Со сменой династии буддизм не только не утратил своих позиций, но и во многом упрочил их. Вместе с тем его функция как магического средства для защиты страны от внешних врагов постепенно исчерпывает себя. Перед корейским государством встает задача построения стабильной социальной структуры. Оказалось, что буддийские доктрины в меньшей степени соответствовали этой цели, чем идеи конфуцианства. К концу периода критика социального иждивенчества буддийского монашества резко нарастает, дав толчок к кардинальному изменению официальной идеологии правящей династии.

О расцвете буддийского строительства свидетельствует тот факт, что только в самой столице Корё — Кэгёне количество храмов достигло 70¹¹².

Согласно *Корёса* («История династии Корё», кн. 2), строительство почти 3500 различных сооружений, включая храмы и пагоды, связано с именем вана Тхэджо (918–943), последовавшему совету знаменитого монаха Тосона прибегнуть к этому средству, чтобы отвлечь население в провинциях от мятежей¹¹³.

Этот грандиозный проект был предпринят в соответствии с пропагандировавшимся Тосоном учением *ихунсу*, которое вплоть до XX в. оказывало значительное влияние на корейскую культуру¹¹⁴.

В предшествующие периоды храмы возводились главным образом для удовлетворения политических амбиций правящей династии. Постепенно основание храмов перестало быть единоличным уделом королевской семьи и начало инициироваться высокопоставленными сановниками и буддийскими священниками.

В период правления династии Корё храмы стали мощными экономическими центрами, источниками крупных доходов. Начавшаяся вслед за этим борьба между различными школами корейского буддизма¹¹⁵ носила не только теологический характер. В буддийские храмы, достигшие небывалой роскоши и великолепия, стекались огромные богатства. В процессе борьбы храмы зачастую стали переходить из рук в руки. «Храм, принадлежащий школе Сон, в один прекрасный день переходил в подчинение школы Чхонтхэ, другой, находящийся в ведении школы Хаом, неожиданно переподчинялся той же школе Сон»¹¹⁶ и т.д. Несомненно, такое положение в некоторой степени способствовало нивелированию архитектурного облика храмов, еще более четко проявившемуся в последующем — в период правления династии Ли.

Ван Тхэджо — основатель новой династии Корё — принадлежал к семье, приверженной буддизму, и еще до восшествия на трон им были основаны десять крупных храмов в Кэсоне и его окрестностях: Попванса, Чаунса, Ваннюнса, Санаса, Нэджэсоквон, Чонсован, Синхынса, Вондонса, Минсоса, Чиджанса. После восшествия на престол ван Тхэджо воздвиг храм Кэдэса в городе Ёнсан и содействовал дальнейшему процветанию буддизма.

Ван Кванджон (976–981) помимо основания новых храмов отправил 36 монахов в сунский Китай и впервые установил систему официальных рангов для буддийских священнослужителей наряду с публичными экзаменами, по результатам которых эти ранги присваивались¹¹⁷. Контроль государства над буддийской общиной, в частности, выражался в том, что настоятель того или иного храма официально назначался ванским указом.

Буддийское монашество в период династии Корё занимало очень высокое положение в обществе. Священнослужители двух высших рангов доктринального и медитативного буддизма могли принимать участие в обсуждении государственных проблем наряду с министрами.

Дальнейший рост влияния буддизма в период правления династии Корё сопровождался увеличением числа и размаха разнообразных служб и церемоний. Так, в девятый год правления вана Хёнджона (1010–1031) в церемонии, посвященной буддийским реликвиям в храме Кэгыкса, приняли участие до

100 тыс. монахов. Сменивший Хёнджона ван Токджон (1032–1034) после коронации накрыл столы для 30 тыс. монахов и совершил паломничество в храмы Вёджасуквон, Ваннюнса и Хёнхваса.

В двенадцатый год правления вана Мунджона (1047–1082) возникла новая церемония, носившая название Кёнхэн, в ходе которой тысячи монахов, читающих сутры, возглавляли красочное шествие по улицам Кэгёна (столица Корё), за ними следовали чиновники, облаченные в официальные одежды. Один из старейших праздников — Праздник фонарей, возникший еще в государстве Силла, был запрещен при шестом ванае Сунджоне (982–997) и возобновлен при ванае Хёнджоне. Первоначально он не имел определенной даты, но впоследствии, в правление вана Ёйджона (1147–1170), его стали отмечать ежегодно 15-го числа второго лунного месяца¹¹⁸.

Тринадцатый правитель Корё — ван Сонджон (1084–1094) был настолько привержен буддизму, что, когда бы ни покидал дворец, впереди него шел буддийский монах, читающий сутры.

В ранний период династии Корё большим авторитетом пользовались школы, принадлежащие к догматическому буддизму (*кёджон*), в особенности Чонтхэ и Хаом, а во время правления вана Сонджона возрастает значение школы Чонтхэ, провозгласившей в условиях царившей междоусобицы, что между различными течениями буддизма не существует принципиального различия, так как все они являются лишь различными способами постижения Истины. Чонтхэ способствовала ослаблению противоречий между враждующими направлениями, и рост ее влияния сопровождался присоединением к этому течению различных храмов, главным из которых стал храм Кукджонса (совр. г. Кэсон).

Трижды, в 993, 1011 и 1019 гг., Корея подвергалась разрушительным вторжениям киданей, основавшим на севере Китая государство Ляо. После отражения захватчиков Корея вновь стала объектом нашествия, на этот раз монгольских завоевателей, установивших свое господство, длившееся почти 80 лет (с 1259 г.). В результате погибли практически все деревянные постройки предшествующего времени, за исключением лишь пяти сохранившихся строений периода династии Корё.

Хынванса — главный храм династии Корё

Наиболее крупным и значительным из храмов династии Корё, безусловно, является храм Хынванса, состоявший из многочисленных зданий, общий размер которых составлял 2800 *кан* (традиционная единица измерения, равная одному пролету между колоннами),

и строившийся в течение двенадцати лет — с 1056 по 1068 г. При описании этого грандиозного ансамбля упоминается о сооружении в 1079 г. тринадцатиярусной пагоды, которая снаружи была покрыта золотом, а во внутренних помещениях — серебром, на что было истрачено 114 *кын* (68 кг) золота и 427 *кын* (250 кг) серебра¹¹⁹.

Храм Хынванса ориентирован на юг¹²⁰. Основное ядро комплекса имеет трехчастную структуру. Центральная часть вычленена галереями, причем ее южная галерея слегка выступает по отношению к южным галереям боковых дворов. В южной части центрального двора размещались две восьмигранные деревянные пагоды, фланкирующие подходы к главному павильону. На одной оси (юг—север) с главным павильоном находился учебный павильон, замыкающий контур галерей с севера. Позади учебного павильона обнаружены остатки небольшого сооружения, назначение которого не выяснено. Боковые приделы вмещают по два сооружения приблизительно одинаковых размеров с главным павильоном. Однако эти здания расположены не на одной оси, а с уступом по отношению друг к другу. Существование галерей, обрамляющих боковые приделы, остается также невыясненным. Восточный двор более узкий, чем западный. Вокруг основного ядра обнаружены остатки различных построек, из которых наибольший интерес представляет довольно крупное здание в юго-западном углу участка, а также небольшое сооружение в западной части, обнесенное по периметру небольшой галереей.

Раскопки на месте Хынванса показали, что композиция центрального ядра этого храма в основном соответствовала схеме «один главный павильон — две пагоды». В то же время работы, проведенные в 1986 г. на месте храма Манбокса близ Намвона, показали, что при постройке этого храма была использована когурёская схема «три павильона — одна пагода». Таким образом, можно видеть, что в архитектуре храмов Корё применялись планировочные приемы, разработанные на разных исторических этапах¹²¹.

Возникновение новых типов сооружений

Своеобразие храмовой архитектуры периода правления династии Корё состоит в том, что по мере усвоения буддизмом местных культовых обрядов в композицию храма начинают включаться алтари, посвященные духам гор, и святилища даосского культа Духа Семи Звезд (созвездие Большой Медведицы).

Другая отличительная черта — возникновение новых типов сооружений. Наиболее характерно то, что колокольный павильон перемещается на главную ось храма и возводится в два уровня. В нижнем, цоколь-

ном, устраивается проход, и таким образом павильон начинает выполнять функции ворот. В верхнем размещается канонический набор музыкальных инструментов, используемых для призыва на молитву. Алтари божеств местных культов (обычно небольшие по размеру) располагаются на периферии храма.

Храм Пусокса

Одной из характерных особенностей периода Корё следует считать начало активного расширения существующих храмов и реконструкции разрушенных во время вторжения, что впоследствии привело к значительной трансформации первоначального облика как самих сооружений, так и общей композиции храмовых комплексов. К этим храмам относятся: Пусокса, Понджонса, Попджуса, Хэинса, Хаомса, Кымсанса, Ссангёса, Сонгванса, Тхондоса и ряд других.

Одним из примеров может служить храм Пусокса. С основанием храма связана красивая легенда:

«Легендарный основатель храма монах Ыйсан (610–689) отправился в Китай для совершенствования в буддизме. Будучи в Китае, он однажды узнал, что военачальники династии Тан замышляют нападение на королевство Силла, давно покинутую им родину. У китайского вельможи, в доме которого он жил, была красавица дочь. Она воспылала любовью к Ыйсану, но он отверг ее. Эта девушка и сообщила ему зловещую новость. Молодой монах, не теряя времени на сборы, помчался на родину. Влюбленная девушка бросилась вслед за ним, но, когда она добралась до порта, корабль, на котором плыл Ыйсан, уже снялся с якоря и должен был вот-вот скрыться за горизонтом. Охваченная отчаянием девушка бросилась в море... и превратилась в дракона. Когда в море разразился шторм, дракон пролетел над кораблем и усмирил грозившую неминуемой гибелью бурю. Чудесно спасенный монах очутился на родине и вскоре получил разрешение на возведение храма. Однако для этого было необходимо найти подходящее место. Неутомимый Ыйсан отыскал его, но люди, жившие там, отказались покинуть свои насиженные места. И тогда в последний раз появился дракон. В страшном гневе он проревел, что если люди будут упорствовать, то он сбросит на них каменные глыбы, которые сжимал в своих когтистых лапах. Когда дракон с грохотом обрушился с неба, то, испугавшись, непослушные поселяне бросились искать спасения. Говорят, что огромные камни на западной стороне храма — из тех, что нес дракон. Здесь Ыйсан совершил таинственный обряд и устранил угрозу войны с Китаем. Там, где дракон испустил последний вздох, теперь стоит павильон *Мурансуджон* — главное сооружение храма, а сам храм с тех пор носит название Пусокса — Храм Парящих Камней»¹²².

Пусокса расположен в 25 км от г. Йонджу и в 4 км от д. Пусок, что находится в 140 км к юго-востоку от Сеула. Храм занимает южный склон горы Понхва-сан — одной из знаменитых гор в пров. Северная Кёнсандо. Исторические записи свидетельствуют о том, что храм был сооружен в 676 г. При этом отмечается, что ван Мунму лично повелел начать строительство одному из наиболее известных священников — Ёйсану, главе школы Хваом¹²³. Центральная часть комплекса разбита террасами на три основных уровня, которые, в свою очередь, подразделяются подпорными стенами на три подуровня. Массивная кладка подпорных стен (диаметр камней достигает 1 м), каменные лестницы и пагоды храма датируются периодом Объединенного Силла.

На первой площадке располагаются ворота *Чхонванмун* (сооружены в 1980 г.), на третьей — жилой павильон для монахов, туалет и две каменные пагоды периода Объединенного Силла. За исключением пагод, все эти постройки возведены недавно. На четвертом уровне находится также недавно возведенный павильон для хранения древних картин из павильона *Чосадан* и других храмовых реликвий. Вход с пятого на шестой уровень по центральной оси храма оформлен двухъярусным колокольным павильоном, выполняющим здесь функции средних ворот в комплексе храма. Его сооружение датируется второй половиной периода династии Ли (XVI–XX вв.). Расположенные на шестом уровне павильоны *Ынхьягак* (XVI–XX вв.) и *Чвихённам* также являются результатом относительно позднего строительства. Здесь главная ось храма совершает небольшой поворот $\approx 20^\circ$. Развернутый под этим углом павильон *Аннганмун* (1745 г.) выполняет функции последних ворот храма и ведет на последнюю террасу, где расположен павильон *Мурыансуджон* (XIII в.). Внутри павильона хранится позолоченная глиняная статуя Будды Амиды, крупнейшая и наиболее древняя глиняная скульптура Будды в Корее. Выше, в горах, на удалении от основных сооружений храма, находится павильон *Чосадан* (последняя перестройка которого датируется 1373 г.)¹²⁴.

Как видно из приведенного описания, несмотря на то что в храме сохранились сооружения периода династии Корё (павильоны *Мурыансуджон* и *Чосадан*), трудно сказать, в какой степени композиция храма отражает характер буддийской архитектуры этой эпохи.

Вполне возможно, более плотная застройка на сохранившихся террасах участка существовала. В пользу этого свидетельствуют исторические записи, в которых упоминается, что в храме Пусокса существовало гораздо большее количество строений¹²⁵.

Сохранившиеся постройки периода династии Корё

На территории Республики Корея сохранились пять строений конца периода династии Корё. Помимо павильонов *Мурыансуджон* и *Чосадан* храма Пусокса, к ним относятся павильон *Кыннакджон* храма Понджонса (XII в.), павильон *Тэунджон* храма Судокса (1308 г.) и ворота *Гэksamун* в Каллыне (XIV в.)¹²⁶. Эти относительно небольшие по размеру сооружения были построены далеко в горах и благодаря этому избежали уничтожения во время нашествия иноземных захватчиков. Все здания одноэтажные, в то время как главный храм страны Хынванса, по всей видимости, был застроен многоярусными павильонами, над которыми еще выше поднимали свои кровли многоярусные деревянные пагоды. Тем не менее сохранившиеся постройки являются ценнейшими историческими и архитектурными памятниками, в которых отразилось развитие буддийского строительства в этот период.

Одноэтажный, прямоугольный в плане павильон *Мурыансуджон* храма Пусокса возведен на каменном стилобате из грубо обтесанных гранитных блоков. Здание имеет пять пролетов по главному фасаду и три — по боковому. Деревянные колонны каркаса установлены на камнях неправильной формы. Во всех пяти пролетах по главному фасаду и почти на всю высоту колонн роль дверей и ограждения выполняют деревянные решетчатые створки, обклеенные внутри промасленной бумагой. Торцевые стены и часть задней выполнены из глины по деревянному каркасу и оштукатурены. Колонны выполнены с небольшим энтазисом. Сочленения трехъярусных кронштейнов (конструкция *тугон*) опираются на капители. Массивная четырехскатная крыша с двумя фронтонами в торцах (кровля типа *пхальджак*) с плавным изгибом выступает далеко над стенами здания, скрывая в тени верхнюю часть стен. Благодаря высоко поднятым углам кровля не производит впечатления давящей массы, а как бы парит над землей. Окончания кронштейнов очень простого очертания. Вся деревянная часть конструкций не окрашена и сохраняет естественный цвет дерева, слегка потемневшего от времени. Оштукатуренные поверхности покрыты желтой краской. Особенностью павильона *Мурыансуджон* является то, что полы в нем вымощены каменной плиткой, в отличие от более распространенных деревянных полов. Кроме этого, алтарь установлен не по центральной поперечной оси здания, а развернут по отношению к ней под 90° и отнесен к западной стене зала. Сочетание естественного цвета деревянных конструкций, темно-серой черепицы и золотой окраски стен создает ощущение строгой простоты, которое подчеркивается четкими классическими формами павильона и всей детализацией.

Павильон *Чосадан* храма Пусокса отличается от павильона *Мурянсуджон* несколько меньшими размерами (три пролета по главному фасаду, один — по боковому) и более простой двухскатной кровлей (кровля типа *матня*). Заполнение оконных и дверных проемов еще проще, чем в павильоне *Мурянсуджон*, и занимает лишь незначительную часть на главном фасаде. Деревянные конструкции выполнены аналогично конструкциям *Мурянсуджона*, но подкровельные кронштейны сделаны всего в два яруса.

Павильон *Кыннакджон* в храме Понджонса тоже одноэтажный (в три пролета по главному фасаду и в четыре — по боковому) с простой двухскатной кровлей и аналогичным павильону *Мурянсуджон* цветовым решением. Форма кронштейнов, поддерживающих кровлю, также проста. В отличие от павильона *Мурянсуджон* в Пусокса, алтарь располагается на обычном месте по центру зала напротив входа. Интерьер воспринимается целостно, так как здесь обошлись без установки промежуточных колонн, перекрыв все помещение мощными балками.

Сравнивая архитектурное решение этих построек с древнейшим сохранившимся в Корее сооружением — главным павильоном храма Намсонса, построенного в 782 г.¹²⁷, корейский исследователь Ю Намчун приходит к выводу, что указанные павильоны относятся к раннему этапу развития храмовой архитектуры, а именно к VII в.¹²⁸

Павильон *Тэунджон* храма Судокса отличается формой поддерживающих кровлю кронштейнов, а также тем, что это единственная постройка из пяти древних сооружений, в которой сделаны деревянные полы. Перпендикулярные плоскости фасада, внешние кронштейны имеют окончание в форме латинской буквы S. А форма кронштейнов, выходящих в подкровельное внутреннее пространство, выполнена по еще более сложному рисунку.

Во всех этих зданиях, а также на воротах *Гэксамун* в Каллыне сочленения кронштейнов есть только над колоннами, однако при строительстве павильона *Покваджон* храма Симвонса (1386 г.) и павильона *Инджонджон* храма Сокванса (1386 г.) был использован отличавшийся великолепием другой конструктивный стиль, возникший под влиянием архитектуры юаньского Китая. В соответствии с ним сочленения кронштейнов размещались не только под опорой, но и в промежутке между колоннами. Для размещения этих промежуточных сочленений возникает дополнительная балка, на которую опираются кронштейны. Такая компоновка деревянных конструкций становится отличительной чертой архитектуры храмовых зданий последующего периода, однако сооружения периода Корё, построенные в этом стиле, не дошли до наших дней.

ПЕРИОД ДИНАСТИИ ЛИ (1392–1910)

Смена династии Корё династией Ли в 1392 г. ознаменовалась переориентацией ванского двора с буддизма на конфуцианство. При значительном развитии в конце предшествовавшего периода антибуддийских настроений этот процесс вместе с тем ознаменовался приходом к власти других людей и распространением новых идей. Однако при первых двух правителях буддизм не испытывал особых притеснений со стороны королевского двора.

Столицу было решено перенести в Сеул. При поездке основателя новой династии Ли — Ли Сонгё, вана Тхэджо (1392–1398), по стране в поисках места для новой столицы наряду с другими сановниками его сопровождает буддийский монах Чэджо. Несмотря на то что уже в течение пяти месяцев велись работы по строительству новой столицы в районе горы Керён, король, по совету монаха, переменял свое решение и перенес столицу в Ханьян (совр. Сеул)¹²⁹. Значительную роль при этом сыграли соображения, связанные с учением *ихунсу*, так как горы Пэгак и Намсан соотносились с «Белым Тигром» и «Голубым Драконом», охраняющими город¹³⁰. В 1397 г. в западной части столицы был построен храм Хындохонса, посвященный почившей супруге вана — Кан.

Архитектура буддийских храмов этого периода развивается в своеобразной оппозиции архитектуре конфуцианских академий (*хянга*) и школ (*совон*). С одной стороны, наряду со сближением буддизма с народной культурой в архитектуре буддийских храмов все ярче выявляются элементы народного праздника, декоративности. С другой стороны — в облике отдельных храмов проступают черты духовной схизмы, простоты и лаконичности архитектурных форм. В обоих случаях живописная планировка храмов контрастирует с рациональностью и идеологическим пуританством конфуцианской архитектуры.

Притеснение буддизма

Гонения на буддизм начались при третьем вана династии Ли — Тхэджоне (1401–1418). В числе мер, направленных на ослабление позиций буддизма, были следующие: 1) отмена всех буддийских служб и церемоний в ванском дворце; 2) конфискация земельных наделов, принадлежавших храмам; 3) ограничение числа храмов, запрет на возведение новых; 4) принудительное сокращение количества школ буддизма с одиннадцати до семи¹³¹.

Сокращение количества школ сопровождалось закрытием буддийских храмов и соответственно резким уменьшением их численности по сравнению с предыдущими периодами. Количество храмов во время правления вана Тхэджона распределялось по школам буддизма следующим образом¹³²:

Название буддийской школы	Количество храмов
Чогё (Сон) и Чонджи (Чонтхо)	70
Чхонтхэ (Соджа и Попсан)	43
Хваом и Томун	43
Джэун (Попсан)	36
Джудо и Синин	30
Намсан (Юль)	10
Сихын	10
Всего	242

Несмотря на жесткие меры, принятые ваном Тхэджоном против буддизма, сам он продолжал выполнять буддийские ритуальные церемонии в честь покойного отца. В 1410 г. в г. Янджу в качестве мавзолея вана Тхэджо был заложен храм Кэгёнса, кроме этого проведена церемония чтения сутр в храме Хындокса, сооруженном в качестве одного из храмов догматического буддизма, с возведением специального павильона, посвященного усопшему вану Тхэджо. Были построены храмы Мунгёнса и Ёнджонса¹³³.

За наследником Тхэджона ваном Седжоном (1419–1450) закрепилась слава одного из наиболее выдающихся государственных деятелей в истории Кореи. В то же время в политике по отношению к буддизму он продолжил линию своего предшественника, направленную на его ослабление. После возведения на трон ван Седжон закрыл павильон *Нэбульдан* — буддийский алтарь в ванском дворце и наложил запрет на проведение буддийской церемонии *Кёнхэн*, имевшей 400-летнюю традицию.

На шестом году правления по совету министра ван Седжон еще раз реорганизовал структуру буддийской церкви, официально разделив семь школ буддизма на два основных направления: *кёджон* (догматический буддизм) и *сонджон* (медитативный буддизм). К первому причислены школы Хваом, Джэун, Джунсин и Сихын. Ко второй — школы Чогё, Чонтхо и Чоннан. Храмы Хынджонса и Хындокса были признаны главными центрами сонджон и кёджон соответственно. Помимо этого, ван Седжон вновь сократил количество храмов в стране, на этот раз с 242 до 36. Эта мера мотивировалась тем, что, согласно официальному докладу, большинство храмов пустовало, в то время как монахи находились в близлежащих городах и деревнях. Так, в храме Юндоса находилось 7 монахов вместо 200 числящихся в нем, в храме Юннамса — только 4 вместо 100, в храме Хындокса — 20 вместо 125 и т.д. С уменьшением количества храмов специальное ведомство Сыннокса, контролировавшее монашескую

деятельность, было упразднено, а его функции были переданы другим государственным учреждениям. Вслед за этим ван Седжон запретил монахам входить в столицу, а молодым людям постригаться в монахи.

Несмотря на жесткие меры, принятые в ходе правления вана Седжона, сам он на склоне лет вновь обратился к буддизму. Был построен храм Ёнмунса, перестроен храм Хынджонса, куда были перенесены печатные блоки сутр из храма Хэинса, восстановлен павильон *Нэбульдан* в королевском дворце. Местным правителям был дан указ, запрещающий разрушение существующих храмов.

Второй сын Седжона — ван Седжо (1456–1468) был сторонником буддизма. В годы его правления религия переживает некоторый ренессанс, который, однако, был не слишком продолжительным. Наиболее значительным событием для корейского буддизма в период правления вана Седжо стали перевод на корейский язык и печатание буддийской канонической литературы с использованием фонетической письменности *хангыль*, изобретенной в годы правления вана Седжона. Таким образом, впервые за всю историю буддийские писания стали доступными для самых широких слоев населения. Помимо различных мер, призванных укрепить буддизм, им поощрялось обновление существовавших и строительство новых храмов. В частности, в Сеуле был сооружен знаменитый храм Вонгакса с 13-ярусной каменной пагодой¹³⁴.

С окончанием правления вана Седжо буддизм вновь испытывает притеснения со стороны ванского двора. Особенно жестокие испытания пришлось на годы правления Ёнсангуна (1495–1506). По его указу были разрушены статуи Будды в храме Джанмса на горе Самгаксан (г. Сеул), закрыты храмы Хындокса и Хынджонса (главные храмы двух ведущих направлений в корейском буддизме), а храм Вонгакса был превращен в развлекательное заведение для *кисэн* (яп. *гейша*). Большинство храмов в столице было закрыто, а монахи направлены на черные работы.

В правление вана Джунджона (1506–1544) храм Хынджонса был превращен в административное учреждение, а храм Вонгакса и ряд других храмов, включая Юнынса, Нэнджанса и Сусимса, разрушены. Монахов направили на ирригационные работы в верховье р. Ханган и на сооружение тоннеля в пров. Чхунчхон.

С восшествием на престол вана Мёнджона (1546–1567) притеснение буддизма вновь ненадолго ослабевает, но не по его собственной воле, а благодаря его матери, ставшей регентшей при двенадцатилетнем вane. В этот период на месте прежнего храма Джонсонса (р-н нынешнего Сеула) основан храм Инсуса, возвращены земли и слуги храму Вонгакса в Хонджу, вновь была возрождена система отбора монахов и присвоения монашеских рангов. Храмы Поннынса и Понсонса были объявлены главными храмами течений *кёджон* и *сонджон*.

В апреле 1592 г. в Корею вторглись японские войска под предводительством Тоётоми Хидэёси. В сопротивлении захватчикам немалую роль сыграли армии, составленные из буддийских монахов.

Назначенный главой всей буддийской церкви в стране 73-летний монах Хёджон был одной из центральных фигур в организации отпора японским завоевателям. Под его непосредственным командованием находилось до 5 тыс. монахов. Базой служила гора Мёхянсан в Пхеньяне. Его ученик Юджун возглавлял отряд из 700 монахов в пров. Квандон (ныне пров. Канвондо). Другой ученик, Чоюн, командовал отрядом из 1 тыс. монахов. Монашеские армии одержали ряд значительных побед над японскими войсками. По своим боевым качествам монахи превосходили правительственные войска. Заслуги буддийских монахов в деле защиты государства послужили основанием для изменения на некоторое время политики по отношению к буддизму.

В ходе этой войны, длившейся семь лет, известной под названием «Имджинская», города, селения и храмы были превращены в груды развалин. В послевоенный период опасность вторжения не исчезла, положение внутри страны также было неспокойным, поэтому в 1624 г. по периметру столицы были возведены защитные сооружения, а затем построена крепость Намсанхан на горе Намхансан (берег р. Ханган в районе совр. Сеула). Помимо этого, в дополнение к существующим в р-не Сеула храмам Манвольса и Окджунса были сооружены еще семь храмов, служивших в качестве военных лагерей для монашеской армии: Кэвонса, Ханхынса, Кукджунса, Чангёнса, Чонджуса, Юнвонса и Тоннимса¹³⁵.

Во время отражения двух нашествий войск китайской империи в Корею (1627 и 1636 гг.) в боевых действиях принимали участие армии, составленные из буддийских монахов. Позже к северу от Сеула была обновлена крепость Пукхансон и одновременно заложено 11 буддийских храмов, служивших военными лагерями для монашеской армии: Джунхынса, Пованса, Покванса, Погукса, Ёнгамса, Вонгакса, Кукёнса, Санвонса, Соумса, Тэгоса и Джингукса¹³⁶. В мирный период необходимость в этих армиях исчезла, и после некоторой «оттепели», вызванной воинскими заслугами буддийского монашества, буддизм вновь начинает подвергаться притеснениям.

В декабре 1660 г. ван Хёджон (1660–1674) издал указ, запрещающий пострижение в монашество. Через два месяца после этого указа в столице были разрушены два женских монастыря — Джасуса и Инсуса. Молодые монахини были возвращены в мир, старые — переведены в провинциальные храмы. Святыни храма были закопаны в землю. Затем ван запретил монахам входить в столицу. Социальный статус буддийского монашества был низведен до уровня наиболее презираемых профессий — актеров, *кисэн*, *гробовщиков*, *башмачников*, *мясников*, *шаманов*.

Политика притеснения буддизма остается неизменной на протяжении всей второй половины правления династии Ли, и только к концу XIX в. буддизм вновь начинает возрождаться, что связано с влиянием, оказываемым Японией на внутреннюю политику пока еще независимого корейского государства. В 1894 г. близ восточных ворот Сеула был сооружен храм Вонхынса (разрушен во время войны 1950–1953 гг.) в качестве главного буддийского храма страны.

Несмотря на жестокое давление со стороны официальных властей в период правления династии Ли, буддизм имел большое влияние в народных массах, чему способствовала активная ассимиляция буддизмом местных верований. Конфуцианское учение было более влиятельным в среде образованного чиновничества, в то время как буддизм становится народной религией. В храмовое строительство все активнее проникают фольклорные мотивы. Планировка храмов становится менее регулярной. Возведение храмовых построек происходит спонтанно.

Во времена правления династии Ли не возводятся грандиозные храмы наподобие Хынванса, построенного при династии Корё. Однако именно в этот период завершается становление большинства наиболее крупных корейских храмов, таких, как Тхондоса, Хэинса, Хваомса, Ссангёса, Помоса и ряд других. Все эти храмы при различиях планировочной структуры объединяет одно обстоятельство — они возводятся на месте древних, разрушенных в ходе нашествий, и включают в себя постройки разных периодов. Многочисленные наслоения и продолжающееся и по сей день расширение этих храмов делают весьма проблематичным вычленение отдельных этапов в их развитии.

«Три сокровища»

Среди крупнейших храмов Кореи традиционно выделяют три храма, называемые «Три сокровища буддизма». К ним относят храм Тхондоса — «сокровище веры». На его территории расположена наиболее почитаемая в Корее буддийская реликвия — частицы праха Будды Шакьямуни. «Сокровищем знания» называют храм Хэинса, где хранится одно из крупнейших в мире собраний буддийского канона. Это собрание известно под названием «Корейская Трипитака» и состоит из 80 тыс. деревянных блоков-клише с вырезанными на них текстами сутр и других буддийских писаний. Храм Сонгванса, являющийся центром буддийской школы Сон, известен как «Сокровище людей». Многие монахи этого храма были выдающимися политическими деятелями, другие внесли большой вклад в развитие корейской культуры и литературы.

Храм Тхондоса был основан в период Трех государств монахом Чаджаном, проповедником буддийской школы Юльдзон. Древнейшим сооружением на его территории является каменная пагода *Саритхан* (646 г.), в которой содержатся священные реликвии храма. Оно неоднократно реконструировалось, последний раз — в 1823 г., и в настоящее время представляет собой двухъярусную квадратную платформу, на которой установлено сравнительно небольшое колоколообразное завершение. Платформа со всех четырех сторон имеет невысокое каменное ограждение, проходы в котором оформлены невысокими (до 1,5 м высотой) каменными арками с резным орнаментом. С южной стороны по оси сооружения установлен каменный фонарь. Однако *Саритхан* является лишь малой частью ансамбля из одноэтажных павильонов. Весь храм расположен на относительно плоском участке в вытянутой с востока на запад долине. Вход в храм отмечен воротами *Ильджумун*, расположенными в самой восточной части комплекса. На одной оси с ними расположены вторые ворота *Чонванмун*, третьи ворота *Пуримун* и главный павильон *Тэундзон*. Многочисленные постройки как бы обступают главную ось храма, образованную этими четырьмя сооружениями. Все деревянные строения были возведены в период с конца XIV по конец XX в.¹³⁷. Помимо пагоды *Саритхан* наиболее интересным представляется павильон *Тэундзон*, который расположен на пересечении двух главных осей храма: первой — сформированной серией ворот и проходящей с востока на запад, и второй — образованной самим павильоном *Тэундзон* вместе с пагодой *Саритхан* и проходящей с юга на север. Скрещение основных композиционных осей комплекса нашло отражение в объемно-пространственном решении павильона *Тэундзон*. Его кровля имеет только три фронтона: с восточной, южной и западной сторон. Северный скат кровли, обращенный к пагоде *Саритхан*, выполнен без фронтона. Павильон примечателен также тем, что в нем отсутствуют статуи и изображения Будды. Вместо них в северной части павильона расположен пьедестал, а верхняя часть стены над ним попросту убрана. Таким образом, верхушка пагоды *Саритхан*, которая, собственно, и является объектом поклонения, воспринимается через полупрозрачный проем.

Храм Хэинса также находится глубоко в горах. Узкая долина, в которой расположен храм, проходит с юго-запада на северо-восток. В отличие от храма Тхондоса, в котором все ворота и главный павильон расположены на одной прямой линии, в Хэинса главная композиционная ось храма в промежутке между первыми воротами (*Понхвамун*) и вторыми воротами (*Хатхальмун*) совершает небольшой поворот. На следующем отрезке пути, ведущем к третьим воротам (*Кучванну*), главная ось храма смещается небольшим уступом к северу. При подходе к главному павильону *Тэджомкванджон* происходит еще одно смещение

главной композиционной оси храма к северу. На единой оси с главным павильоном находится только одно сооружение — хранилище сутр, расположенное на последней и самой высокой террасе храма за главным павильоном. Все существующие постройки храма Хэинса неоднократно реконструировались и датируются не ранее начала XIX в.¹³⁸.

Аналогичный прием смещения уступами главной композиционной оси комплекса использован в другом крупном буддийском храме — *Хваомса*¹³⁹. Все ворота храма *Ссангёса*¹⁴⁰, как и в храме Тхондоса, нанизываются на единую композиционную ось, но она дважды пересекает небольшой, круто изгибающийся ручей.

В храме *Сонгванса*, помимо представляющих особый интерес древних сооружений — павильонов *Куксаджон* (1359 г.) и *Хасадан* (1450 г.), своеобразно решен вход на территорию храма, выполненный в виде павильона-моста. Сооружения храма *Сонгванса* вплотную подступают к берегу небольшой речки в том месте, где на ней образовался небольшой водопад. Необычайная гармония храма *Сонгванса* с природным окружением позволяет отнести его к наиболее выдающимся произведениям корейской храмовой архитектуры.

Многоярусные сооружения и поиск новых выразительных средств

Ко второй половине периода династии Ли относятся немногие сохранившиеся многоярусные сооружения буддийской архитектуры. К их числу принадлежат:

- пятиярусная деревянная пагода храма *Попчуса*, известная под названием «Пхальсанджон» (1626 г.);
- трехъярусный павильон *Тэундзон* (или *Сосиль*) храма *Ссанбонса* (1690 г.);
- трехъярусный павильон *Мирыкдзон* храма *Кымсанса* (XVII в.);
- двухъярусный павильон *Гакхванджон* храма *Хваомса* (1702 г.);
- двухъярусный павильон *Кыннакдзон* храма *Мурянса* (XVII в.);
- двухъярусный павильон *Тэундзон* храма *Монокса* (XVII в.).

Эти сооружения как бы напоминают о былом расцвете и великолепии буддийских храмов. Однако большинство возводимых в период правления династии Ли построек характеризуются довольно незначительными размерами.

В то же время в архитектуре буддийских храмов продолжается поиск новых выразительных решений. Большое распространение получают сооружения мно-

гоцелевого назначения, так называемые *нугак*. Эти сооружения имеют два яруса, первый из которых служил для прохода, а на втором находился зал, использовавшийся для различных нужд, в том числе и для проповедей. Чаще всего эти строения возводились в качестве последних ворот на пути к главному павильону храмового комплекса и замыкали дворовое пространство перед павильоном *Тэунджон*.

Примером этому служит колокольный павильон храма Пусокса. Перестроенный во второй половине периода правления династии Ли, он представляет собой средние ворота храмового комплекса. Первый ярус павильона служит для прохода, на втором размещены ритуальные музыкальные инструменты. Оригинальность архитектурного решения заключена в том, что фасад сооружения со стороны подходов к храму имел два этажа, увенчанные кровлей типа *пхальчак* (имевшей в верхней части завершение в виде фронтона). С противоположной стороны павильон выглядит одноэтажным, и скат кровли выполнен без фронтона. Такое решение позволило наряду с созданием камерного пространства на верхней террасе сохранить торжественность в центральной части комплекса.

Помимо завершения формирования крупных храмовых комплексов характерной особенностью второй половины периода династии Ли является возникновение храмов, служивших военными лагерями для монашеских армий, о которых упоминалось выше. Их отличительной чертой стало наличие крупных сооружений, своего рода монашеских общежитий, которые в отличие от предшествующего периода размещаются в самом центре храма, фланкируя главный павильон. Во многих случаях это замкнутые строения с небольшим внутренним двором для хозяйственных нужд.

Молитвенные павильоны в это время строились с использованием конструктивной системы кронштейнов, как разновидности *чусимхо*, так и *тханхо*. В сооружениях вспомогательного значения использовались конструкции без применения кронштейнов или с упрощенными кронштейновыми системами, являвшимися более экономичными в строительстве.

Отличительной чертой этого периода следует также считать пышное декорирование архитектурных сооружений. Орнаментальной росписью покрывались не только деревянные части конструкций, но и наружная поверхность стен, на которой стали размещать рисунки на буддийские сюжеты. Подавляющее большинство ныне существующих буддийских сооружений было возведено во второй половине периода династии Ли. Именно эти постройки определяют сегодняшний облик древних храмов Кореи, дошедших до наших дней.

* * *

1. Процесс развития буддийской храмовой архитектуры непосредственно связан с отношением к буд-

дизму со стороны правящей династии, что, в частности, нашло отражение в перемещении зон активного строительства храмов. Первоначально буддизм очень быстро утвердился во всех трех государствах Кореи (I в. до н.э. — 668 г.), правящая династия играла ключевую роль в восприятии и распространении буддизма. Соответственно и сооружение храмов являлось важным политическим мероприятием. Такое отношение к буддизму сохранялось в Объединенном Силла (668–918) и при династии Корё (918–1392). Однако в период правления династии Ли (1392–1910) буддизм утратил свои позиции и вплоть до начала XX в. подвергался гонениям со стороны властей.

2. Перемещение зон активного строительства храмов, равно как и изменение планировочных приемов стали следствием эволюции корейского буддизма.

Вплоть до периода Объединенного Силла в архитектуре буддийских храмов доминировал магический аспект учения, что обусловило выделение пагоды в качестве главного сооружения. Архитектура буддийских храмов оказывала существенное влияние на формирование облика древних столиц. В период Объединенного Силла складывается получивший развитие в дальнейшем новый тип горного храма без галерей.

3. В процессе развития центры буддийского храмового строительства неоднократно перемещались. Первоначально, в период Трех государств, начиная с IV в., они складываются вокруг столиц государств Когурё, Пэкче, Силла. После объединения страны государством Силла храмы строятся только в районе г. Кёнджу, ставшего столицей всего государства. Тогда же начинается возведение храмов в горах, которое с приходом к власти в 918 г. династии Корё достигает большого размаха. Центром активного строительства храмов становится г. Кэсон — столица Кореи этого периода (918–1392), считавшегося временем наивысшего расцвета архитектуры буддийских храмов. Максимальная активность храмового строительства сопровождается использованием разнообразных композиционных приемов и наиболее совершенных архитектурно-конструктивных решений. В период правления династии Ли строительство храмов в городах почти полностью прекращается и окончательно перемещается в горы. Периоды особого оживления буддийского храмового строительства отмечались в начале периода Объединенного Силла, в начале периода династии Корё и в середине периода династии Ли. Последняя полоса активности связана с послевоенным (после Имджинской войны и нашествия маньчжуров) восстановлением храмов. Таким образом, этапы развития буддийской архитектуры в основном совпадают с династической периодизацией истории Кореи.

4. Развитие храмового строительства в Корее связано с двумя противоположными друг другу тенденциями. Первая из них связана со строительством новых, но все более мелких храмов, вторая — с расширением существующих. Развитие буддийской храмовой

архитектуры началось с возведения чрезвычайно крупных ансамблей, состоящих из сооружений грандиозных размеров (протяженность южной галереи храма Мирыкса — 186 м). По своей композиции и архитектуре храмы этого периода подобны ванским дворцам. Грандиозный масштаб комплексов, их геометрически правильная планировка были рассчитаны на пышное церемониальное действо, в котором принимал участие королевский двор во главе с самим ваном.

В конце периода Трех государств размеры храмов уменьшаются. Эта тенденция сохраняется в Объединенном Силла и при династии Корё, хотя общее количество строящихся храмов увеличивается. В конце правления династии Корё и при династии Ли тенденция к уменьшению масштаба буддийского храма логически завершилась строительством храмов, состоящих только из одного небольшого молитвенного павильона.

Противоположная по направленности тенденция к увеличению масштаба буддийского храма связана с историческим развитием храмов, основанных в период Объединенного Силла, которое завершилось формированием во второй половине периода династии Ли крупных храмовых комплексов (Хэинса, Хваомса, Тхондоса, Ссангёса, Сонгванса, Помоса, Кымганса и др.).

5. На протяжении всей истории буддийского храмового строительства в Корее прослеживается тенденция к последовательной десакрализации центральной части комплекса. Первоначально храмы размещались в городской черте и вблизи резиденции вана. Ограждающие галереи являлись неотъемлемой частью комплекса, отсекающей сакральный мир буддийского храма от обыденной городской жизни.

Многоярусная деревянная пагода являлась пространственным и смысловым центром буддийского храма. Уже на начальном этапе возведения храмов в период Трех государств в центральное ядро комплекса вводятся не сакральные по своему назначению сооружения — учебный и колокольный павильоны и хранилище сутр.

С началом строительства горных храмов в горах в период Объединенного Силла они начинают возводиться без ограждающих центральное ядро комплекса галерей. Значение пагоды в композиции храма неуклонно снижается, и ко времени прихода к власти династии Корё отдельные храмы строятся без пагод.

Заключительный этап в десакрализации центральной части храма, когда в едином пространстве общего двора рядом с молитвенным начали размещать жилые павильоны, ознаменован появлением в середине периода правления династии Ли храмов-воинских лагерей.

6. В процессе развития буддийского строительства состав сооружений храма претерпел определенные изменения. Изначально в него входили пагода, молитвенный, учебный и колокольный павильоны, ворота, хранилище сутр, ограждающие галереи и жилые павильоны. С периода Объединенного Силла начинают возводиться отдельные молитвенные павильоны, посвященные не буддам, а второстепенным персонажам буддийского пантеона — бодхисатвам и архатам, при династии Корё в дополнение к ним стали строиться павильоны, посвященные божествам местных шаманских культов, а также даосским божествам («Дух Семи Звезд»). Тогда же возникает разновидность колокольного павильона, выполняющего функцию промежуточных ворот, а в период династии Ли возникает сооружение *нугак*, совмещающее функции последних ворот храма и павильона для проповеди.

7. Все молитвенные павильоны корейских храмов на протяжении 1500 лет храмового строительства в Корее возводились в виде одноэтажных зданий. Иногда эти постройки имели несколько ярусов кровель, но внутреннее пространство оставалось единым, не расчлененным стенами или перегородками. Изменение внешнего облика сооружений буддийских храмов происходит в рамках применения традиционных деревянных конструкций *тугон*. Применение этих конструкций объединяет архитектуру буддийских храмов с архитектурой всех общественных сооружений (дворцов, конфуцианских школ, государственных учреждений и т.д.).

8. Буддийская храмовая архитектура в процессе своего развития находилась под влиянием китайской архитектуры. В свою очередь, архитектура корейских храмов, в особенности государства Пэкче, оказала большое влияние на становление буддийского строительства в Японии. И в Корее, и в Японии буддийское храмовое зодчество развивалось в соответствии с особенностями национальной культуры. В архитектуре буддийских храмов Китая, Кореи и Японии, несмотря на имеющиеся различия, есть много общего, в отличие от жилища, более ярко отразившего своеобразие каждого народа.

Планировочные и конструктивные особенности храмов

ПЛАНИРОВОЧНАЯ ТИПОЛОГИЯ ХРАМОВЫХ КОМПЛЕКСОВ

При рассмотрении композиции буддийского храма возможны два подхода. Первый заключается в анализе исключительно геометрических характеристик композиции храмового комплекса: наличие/отсутствие каких-либо сооружений, их местоположение относительно друг друга и т.д. Второй подход предполагает изучение содержательной стороны композиции, расшифровку религиозного значения каждого сооружения и логики их взаиморасположения, определение взаимосвязи композиции храма с традиционной космогонией.

В настоящей главе в основу исследования композиции буддийского храма положены геометрические параметры¹.

В корейской научной литературе широко распространено мнение, что в период Объединенного Силла крупномасштабные храмовые сооружения, построенные в соответствии с установленными правилами пропорции и симметрии, окончательно уступили место более мелким по размеру храмам с менее выраженной регулярной композицией². Мы считаем, что данная точка зрения не учитывает сложившуюся иерархию буддийских храмов: 1) храм национального значения, 2) храм специального назначения, 3) главные храмы отдельных школ, 4) прочие храмы.

Совершенно очевидно, что в предшествующий период Трех государств возводились почти исключительно храмы первой категории и иногда — храмы второй, в то время как в период Объединенного Силла при уже имеющихся храмах первой категории продолжают возводиться храмы второй и появляются храмы третьей и четвертой категорий. Следовательно, их назначение, размеры затрат на строительство, так же как и определенные изменения, происшедшие в корейском буддизме, не позволяют сопоставить эти храмы напрямую, без учета имеющихся различий.

Исследователи Республики Корея в целом единодушно выделяют периоды Трех государств и Объединенного Силла, когда произошло становление ряда композиционных приемов, и соответственно три типа композиции: 1 — одна пагода, три главных павильона (Когурё); 2 — одна пагода, один главный павильон

(Пэкче); 3 — две пагоды, один главный павильон (Силла)³.

В большинстве работ дальнейшее развитие композиции буддийского храма рассматривается вскользь или храмы подразделяются на построенные в предгорье, в горах и на равнинах⁴.

Не подвергая сомнению правомерность такой точки зрения, мы полагаем целесообразным предложить, включая указанные корейскими учеными варианты, более детальную классификацию композиций храмовых комплексов, в которой в качестве главного критерия выступают геометрические характеристики планировки храма.

Мы считаем, что два основных существующих вида буддийских храмов (с галереями и без галерей) в соответствии с характером композиции следует разделить по типам, которые, в свою очередь, подразделяются на подтипы.

Тип А. Храмы с галереями

В зависимости от расположения основных сооружений храма в центральном ядре мы выделяем четыре основных подтипа этого типа композиции:

- А.1 — одна пагода, три молитвенных павильона;
- А.2 — одна пагода, один молитвенный павильон;
- А.3 — две пагоды, один молитвенный павильон;
- А.4 — храмы с несколькими дворами.

Подтип А.1 — одна пагода, три молитвенных павильона.

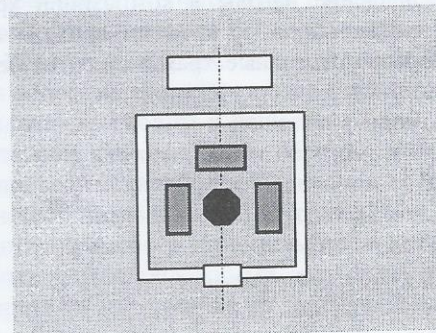

Рис. 1. Подтип А.1
(храм близ д. Чхоннамни)

Примером этого подтипа могут служить существующие остатки храмов близ деревень Чхоннамни и Санори, датируемые V в. В Японии по аналогичному принципу в конце VI в. возведен храм Ацукадера.

Как уже отмечалось выше (см. гл. 1), этот композиционный прием применялся в государстве Когурё. Наличие трех павильонов в пределах композиционного центра буддийского храма, на наш взгляд, отражает отличие школ буддизма, получивших распространение в государстве Когурё, от тех, которые приобрели влияние в государствах Пэкче и Силла.

Обращает на себя внимание тот факт, что в храмах государства Когурё пагода возводилась восьмигранной. Даже позднее, когда пагоды утратили свое значение в композиции храмового комплекса, стали меньшими по размерам и каменными, в северной части Кореи, некогда являвшейся территорией государства Когурё, эта традиция строительства восьмигранных пагод была продолжена⁵.

Северный павильон из второстепенного в композиции храма Чоннынса превращается в главный в храмах деревень Чхоннамни и Санори. Более крупный, чем восточный или западный павильоны, северный павильон, фланкируемый двумя второстепенными по значению павильонами, таким образом, становится главным сооружением храмового комплекса.

Сам прием ограничения пространства с трех сторон павильонами и воротами или входным павильоном со стороны подходов к храму получает широкое распространение в ходе дальнейшего развития композиции храмового комплекса в последующие периоды.

Подтип А.2 — одна пагода, один молитвенный павильон.

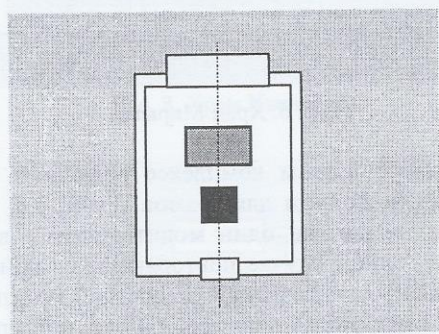

Рис. 2. Подтип А.2
(храм близ д. Кунсури)

К примерам подобной композиции можно отнести остатки храма близ д. Кунсури, храмов Кымганса и Чоннимса. В Японии по аналогичной схеме в конце VI — начале VII в. был возведен храм Ситэннодзи.

Ряд исследователей относят храм Хваннёнса к некоторой разновидности этого подтипа композиции⁶: три павильона были построены на единой продольной оси, а пагода размещалась перед центральным и наиболее крупным павильоном. С нашей точки зрения,

данный храм необходимо рассматривать отдельно, так как он относится к храмам национального значения. Помимо этого, вполне вероятно, что буддийская школа, возводившая данный храм, имела некоторые специфические особенности, которые и определили своеобразную компоновку сооружений на участке.

Композиция храма с одним молитвенным павильоном и одной пагодой получила распространение в государстве Пэкче. В пределы композиционного ядра помимо пагоды на квадратном основании введен учебный павильон. В храмах Когурё, как мы уже отмечали ранее, это сооружение также значительных размеров и размещается на центральной оси комплекса за главным павильоном, однако там оно не входит в пределы композиционного ядра храма, выделяемого галереями. В рассматриваемых храмах государства Пэкче с одной пагодой и одним молитвенным павильоном северную часть двора замыкает лекционный павильон.

Подтип А.3 — две пагоды, один молитвенный павильон.

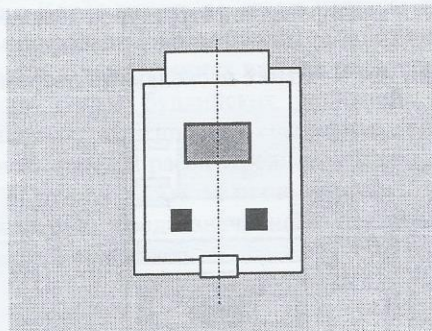

Рис. 3. Подтип А.3
(храм близ д. Чхонгунни)

С применением этого композиционного приема построено большинство храмов государства Силла и Объединенного Силла. Наиболее ярким примером могут служить остатки храма Камынса, а также храма близ д. Чхонгунни.

Наиболее специфичной чертой подобного рода композиции является то, что в этих храмах пагоды возведены из камня и они гораздо более скромных размеров, нежели в примерах, рассмотренных ранее. Пагоды по-прежнему играют важную роль, но уменьшение их масштаба сигнализирует об их более скромном значении как в религиозном, так и в архитектурном плане. Следует отметить, что подобная композиция применялась в основном при возведении храмов второстепенного значения. Однако, как будет показано ниже, это не исключило возможности ее применения для строительства такого крупного храма национального значения, как храм Хынванса, сооруженный в г. Кэсоне в период правления династии Корё, где в центральном секторе комплекса была воспроизведена именно эта схема.

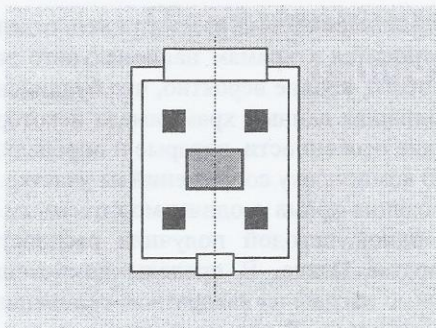

Рис. 4. Храм Сачхонванса

Отдельной разновидностью этого подтипа композиции храмового комплекса, по всей видимости, следует считать храм Сачхонванса, где помимо двух каменных пагод в композиции центрального ядра активную роль играют колокольный павильон и хранилище сутр. Планировка этого храма, построенного школой Юльджон, наиболее близка к композиции индийских ступ, с двумя осями симметрии. Этот прием лишней раз подчеркивает взаимосвязь между доктринами буддийских школ и планировочной структурой комплексов.

Подтип А.4 — храм с несколькими дворами.

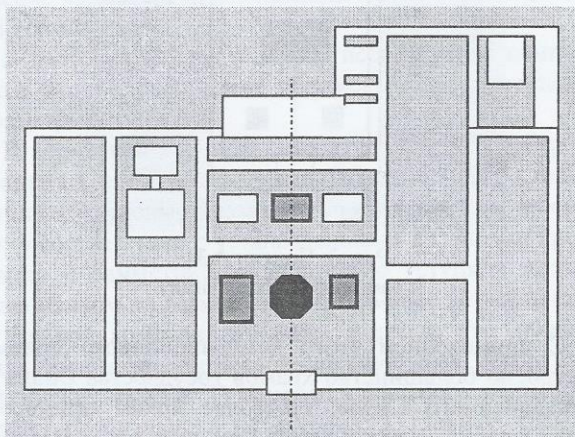

Рис. 5. Подтип А.4
(храм Чоннынса)

Остатки храма Чоннынса представляют собой наиболее ранний пример подобной композиции. Однако рассмотрение этого храма осложняется тем, что имеющиеся данные не позволяют однозначно ответить на ряд вопросов. Среди них такие:

1. Имела ли стены галерея, отделяющая центральное ядро с пагодой от заднего двора, где размещался северный павильон, колокольный павильон и хранилище сутр?
2. Какой характер носила застройка примыкающих дворов?
3. Строительство всех сооружений комплекса осуществлялось одновременно или в несколько этапов?

4. Если существовало несколько этапов строительства, то можно ли их определить по выявленным остаткам храма?

Ответ на эти вопросы могут дать лишь дальнейшие исследования и раскопки. Однако само наличие галерей позволяет нам выделить ряд смежных дворов, в центральном из которых располагалась деревянная пагода. Таким образом, вне зависимости от характера застройки остальных дворов мы можем отнести эту композицию к подтипу храмов с несколькими дворами, где в нескольких выделенных галереями дворовых пространствах использовались различные приемы.

Любопытно отметить, что подобная сложная композиция была применена в одном из наиболее ранних из известных нам корейских храмов. По всей видимости, это еще раз свидетельствует о специфике становления храмового буддийского зодчества в Корее — необычайно быстром его развитии и активном заимствовании опыта строительства из Китая.

Другим примером может служить храм Мирыкса (государство Пэкче).

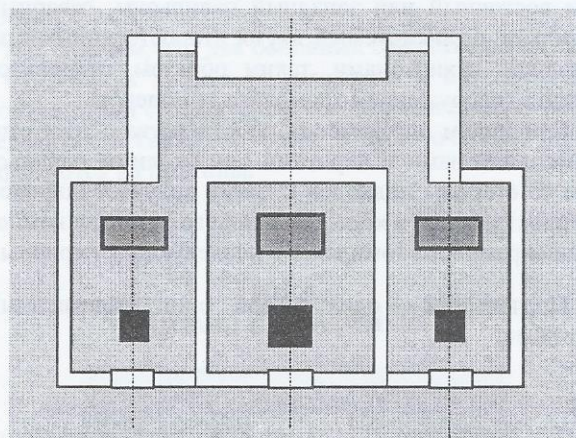

Рис. 6. Храм Мирыкса

Три двора в этом комплексе решены в едином ключе, традиционном для храмов Пэкче, т.е. по схеме А.2 (одна пагода, один молитвенный павильон). Однако в данном случае повторяющийся прием был использован для создания целостной композиции с четким выделением центральной оси, подчеркнутой большими размерами дворового пространства и большими размерами размещенных в нем сооружений.

К этому же подтипу композиции следует отнести храм Пульгукса. Ряд исследователей Республики Корея, а также японские исследователи относят этот храм к подтипу А.3 (две пагоды, один молитвенный павильон) на том основании, что главный двор храма соответствует именно такой схеме⁷. С другой стороны, материалы раскопок датируют каменные террасы храма периодом Объединенного Силла⁸. (При этом необходимо иметь в виду, что вместе с лестницами и каменными пагодами это единственные уцелевшие

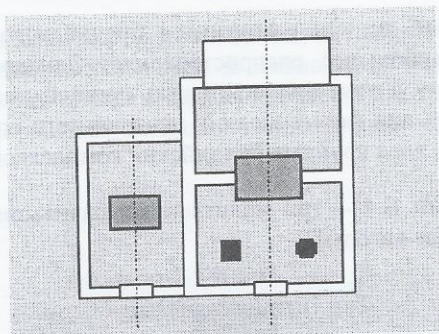

Рис. 7. Храм Пульгукса

остатки храма того периода.) Таким образом, совершенно очевидно, что сложная композиция этого храма была заложена изначально, поэтому рассматривать этот храм исходя из планировки одного центрального двора неправомерно. Сохранившаяся каменная терраса служит основанием для примыкающего с западной стороны двора павильона *Кыннакджон*. При этом западный двор вообще лишен пагоды, т.е. построен на основе иного композиционного приема. Исходя из вышеизложенного, мы считаем более логичным отнести композицию храма Пульгукса к храмам с несколькими дворами.

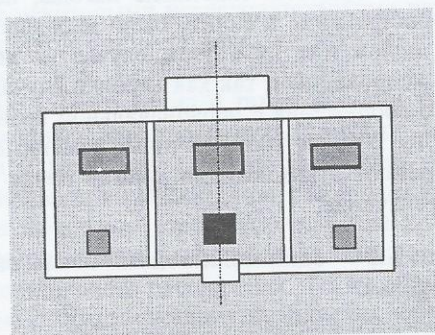

Рис. 8. Храм Хваннёнса

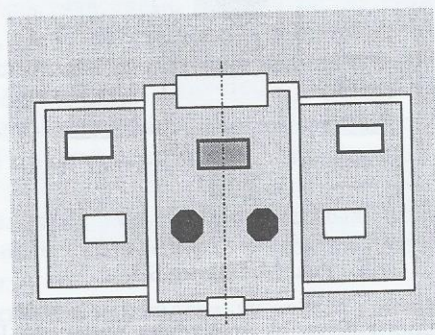

Рис. 9. Храм Хынванса

Храмом Хынванса, сооруженным в середине XI в., завершается историческое развитие храмов с галереями. В композиции этого храма нашли отражение композиционные приемы, выработанные в различные исторические периоды и в разных государствах древ-

ней Кореи. Центральный двор, с одной стороны, представляет собой вариацию схемы «две пагоды, один главный павильон», выработанной в государстве Силла, однако, с другой стороны, эти пагоды — восьмигранные (согласно архитектурным традициям, сложившимся в государстве Когурё). Трехчастная структура дворовых пространств напоминает храм Мирыкса, построенный в государстве Пэкче, однако решение боковых дворов весьма своеобразно. Таким образом, в композиции храма Хынванса был использован основной арсенал средств, накопленных в ходе шестивекового развития храмового строительства в Корее.

Большинство храмов с галереями возводилось на равнинной территории внутри города или на небольшом удалении от него. Все храмы с несколькими дворами, за исключением Пульгукса, относятся к храмам национального значения. Использование нескольких пространственных единиц позволяло создавать значительные по масштабу комплексы, соответствующие той идейной нагрузке, которая была возложена на них как на центры государственной идеологии. В то же время в Корее вплоть до конца периода династии Корё доминировали школы буддизма доктринального направления, в чьих учениях важная роль отводилась магическим силам буддийских реликвий. Помимо перечисленных особенностей специфической чертой всех разновидностей рассмотренного выше типа композиции следует считать наличие крупного лекционного павильона, предназначенного для проведения религиозных проповедей.

Тип Б. Храмы без галерей с компактным центром

Этот тип композиции возникает в начале строительства буддийских храмов на некотором удалении от города в горной местности. Мы предполагаем, что первоначально его использовали для строительства мелких храмов второстепенного значения. С утратой буддизмом ведущих позиций в официальной культуре в период династии Ли такой вариант храмовой композиции становится наиболее распространенным. Очень часто компактная планировочная структура храма определялась характером местности (в большинстве случаев такие храмы располагаются в небольших ущельях) и сравнительно небольшими затратами на строительство. Иногда подобная композиционная структура храма становится как бы первым этапом в процессе его дальнейшего расширения или восстановления.

Можно выделить следующие разновидности рассматриваемого типа композиции буддийского храма:

Подтип Б.1 — один молитвенный павильон.

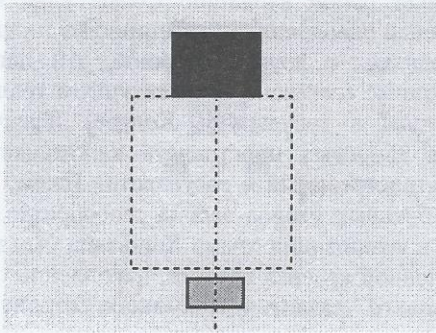

Рис. 10. Подтип Б.1

Это наиболее упрощенное композиционное построение буддийского храма, когда центральное место занимает единственное сооружение, посвященное одному из главных божеств буддийского пантеона. В чистом виде такой тип композиции встречается редко, однако, как будет показано ниже, этот прием нередко использовался при создании второстепенных сооружений в буддийских храмах с более сложной внутренней конструкцией. Не исключено также, что строительство храмов, чья композиция сложилась в ходе длительного исторического развития, начиналось с одного молитвенного павильона.

Подтип Б.2 — одна пагода, один молитвенный павильон.

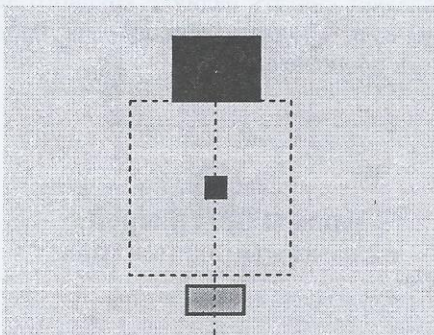

Рис. 11. Подтип Б.2

Это также чрезвычайно редко встречающаяся композиция, и к ней можно отнести те же замечания, что и к предыдущему подтипу.

Подтип Б.3 — три молитвенных павильона.

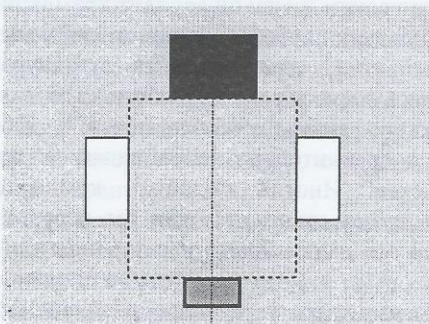

Рис. 12. Подтип Б.3

Данный подтип композиции буддийского храма имеет наибольшее распространение. Одновременно он служит в качестве основного приема, использовавшегося при формировании центрального композиционного ядра крупных буддийских комплексов.

Подтип Б.4 — три молитвенных павильона, одна пагода (две пагоды).

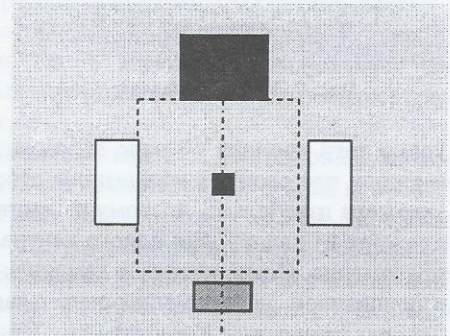

Рис. 13. Подтип Б.4

С утратой важного значения, придававшегося пагоде, этот подтип перестал принципиально отличаться от подтипа Б.3 и может рассматриваться как одна из его разновидностей. Каменные пагоды, получившие распространение в Корее, были небольших размеров, и положение их в этом случае не являлось строго фиксированным, так как нередки случаи переноса этого сооружения с первоначальной позиции на новое место. В то же время крупные каменные фонари приобретают в композиции храмов почти равное с пагодой значение.

Подтип Б.5 — один молитвенный павильон и монашеские кельи.

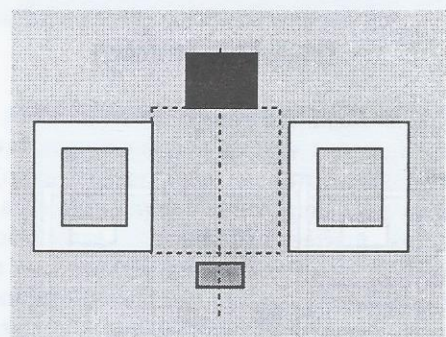

Рис. 14. Подтип Б.5

С середины периода правления династии Ли возникает специфическая разновидность композиции храма, связанная с появлением храмов-воинских лагерей для монашеской армии. Для развития всех буддийских храмов в Корее характерна десакрализация центральной группы сооружений. Храмы-лагеря вносят свою лепту в этот процесс. Главный молитвенный павильон здесь фланкируется жилыми

строениями. Зачастую это замкнутые вокруг внутреннего двора постройки. В композиции этого сооружения ясно прослеживается взаимосвязь с традиционным корейским жилищем аналогичной конфигурации⁹.

Тип В. Храмы без галерей с несколькими планировочными подцентрами

Данная группа храмов представляет собой наиболее сложный объект анализа. Здесь нами объединены храмы, чья планировочная структура сложилась в процессе длительного развития и, помимо достаточно четко выделенного центра композиции, обладает несколькими подцентрами или группой сооружений, выполняющих вспомогательную роль. Сложность же заключается в том, что в ряде случаев сложная композиционная структура храмов (например, Хэинса, Пусокса, Кымганса и др.) закладывалась изначально, что подтверждается историческими источниками, а также некоторыми исследовательскими разработками. С другой стороны, нехватка научных данных не позволяет нам проследить эволюцию композиции отдельно взятого храма и таким образом установить его исходную планировочную структуру или выделить отдельные этапы ее трансформации. Аналогичные проблемы возникают при рассмотрении небольших на начальном этапе строительства храмов, чьи композиции могут расцениваться как результат их последовательного расширения. Таким образом, принятая нами классификация буддийских храмов отражает ту планировочную структуру, которая сложилась в конце периода правления династии Ли, так как изменения, внесенные в композицию храмов после 1910 г., могут быть выделены достаточно точно.

Рассматриваемую группу храмов объединяют следующие признаки:

- выделение главной оси комплекса, формируемой особой группой сооружений, выполняющих функции ворот;

- наличие ряда второстепенных молитвенных павильонов, выделенных в композиционные подцентры;

- активное использование рельефа местности, которое позволяет выделить ряд храмов, расположенных на плоских участках, в особую группу (Тхондоса, Кымсанса, Мурыанса).

Главная ось некоторых храмовых комплексов подвергается незначительным поворотам (Пусокса, Помоса) или сдвигам (храм Хэинса). Однако встречаются примеры, когда главная ось комплекса не отклоняется от прямой линии, но пересекается водным по-

током. Помимо сложившегося канонического состава сооружений, формирующих главную ось храмового комплекса (*Ильчумун, Сачхонванмун, Хэтхальмун и Пурумун*), в период династии Корё сложился прием размещения на центральной оси колокольного павильона, нижний ярус которого также выполняет функции ворот. Далее появляется вариант размещения на центральной оси павильона *нугак* (имевшего различные функциональные назначения); и к концу периода династии Ли широко распространяется прием, когда в центральную группу молитвенных павильонов со стороны подходов включается павильон для проповедей, зачастую наглухо перекрывающий центральную ось композиции.

Активное использование особенностей горного рельефа при формировании композиции буддийских храмов в ряде случаев приводит к тому, что вспомогательные средства (подпорные стены, террасы) начинают играть очень важную роль в создании архитектурного образа, превращаются в отдельный элемент композиции храмового комплекса. Примером такого решения служат храмы Пусокса, Понджонса, Судокса.

С другой стороны, любопытным представляется тот факт, что ряд уникальных многоярусных сооружений, таких, как пятиярусная деревянная пагода храма Попчуса, двухъярусный главный павильон храма Мурыанса, трехъярусный павильон храма Ссанбонса и трехъярусный павильон храма Кымсанса, сохранились на территории именно тех храмов, которые были размещены на плоских участках и чья планировочная структура достаточно индифферентна по отношению к окружающему ландшафту.

Помимо указанных выше признаков композиция буддийских храмов различается по характеру размещения второстепенных молитвенных павильонов. Это позволяет нам выделить следующие разновидности рассматриваемого нами типа буддийского храма:

Подтип В.1 — храмы с расположением второстепенных дворов параллельно главной оси комплекса.

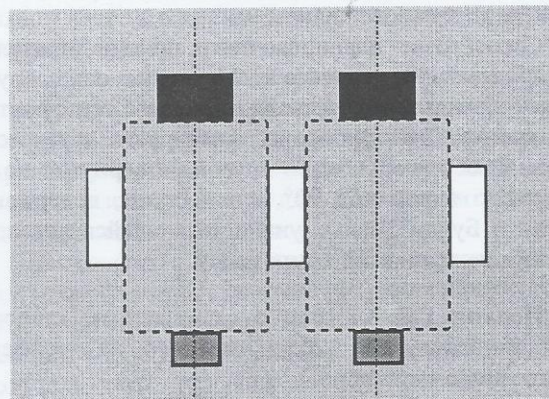

Рис. 15. Подтип В.1

Данный прием встречается в композиции храмов с галереями. В храме Пульгукса параллельно главному композиционному ядру располагается вспомогательный подцентр с посвящением второстепенного павильона Будде Майтрейе (кор. *Мирык*). Однако в храмах без галерей центральное ядро композиции формируется уже не галереями, а группой сооружений, формирующих некое замкнутое пространство (наподобие когурёской схемы — три зала, одна пагода или попросту три павильона).

Вспомогательный подцентр формируется или аналогичным приемом (храм Понджонса), или отдельно стоящим молитвенным павильоном (храмы Силлык-са, Ёнмунса).

Такая композиция создает относительное равновесие между центральным и вспомогательным подцентрами, подчеркиваемое практически единым масштабом формируемых пространств и самих сооружений.

Подтип В.2 — храмы с расположением второстепенных дворов перпендикулярно главной оси комплекса.

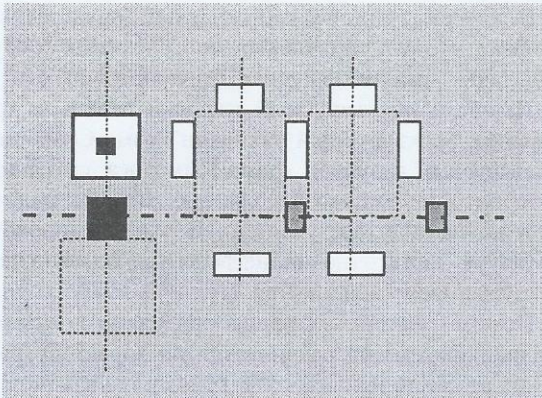

Рис. 16. Подтип В.2

ряда буддийских храмов, композиция которых складывалась на протяжении длительного времени. Вспомогательные подцентры и отдельные сооружения храмов этого подтипа располагаются в глубине храмового комплекса, вслед за центральным композиционным ядром. Примером такого расположения могут служить Ссангеса, Похёнса, Сонгванса и Коунса.

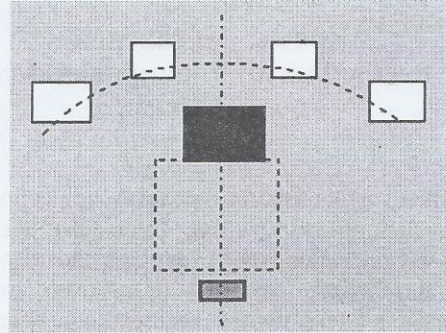

Рис. 17. Подтип В.3

Подтип В.4 — храмы с размещением главных и второстепенных павильонов по периметру центрального двора.

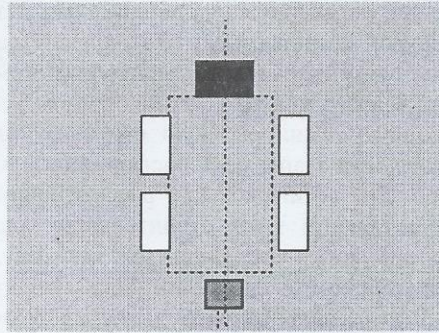

Рис. 18. Подтип В.4

Наиболее ярким примером этой композиции является храм Тхондоса. Анфилада дворовых пространств как бы нанизывается на единую композиционную ось комплекса на всем ее протяжении от ворот *Сачхонванмун* до главного павильона.

Своеобразие планировочного приема отразилось на архитектуре завершающего главную ось сооружения — павильона *Тэунджон*, имеющего три фронтона на кровле. Эти фронтоны фиксируют перекресток главной оси комплекса и другой развернутой по отношению к ней под 90° оси — ступы, содержащей останки Будды Шакьямуни и являющейся идеологическим центром всей композиции.

Подтип В.3 — храмы с размещением второстепенных павильонов позади главного, на периферии композиционного ядра.

По всей видимости, данная схема наряду с подтипом В.2 отражает наиболее поздний этап в развитии

В ряде случаев центральная группа зданий дополняется павильонами, посвященными младшим божествам буддийского пантеона. Наряду с главными павильонами они формируют единое пространство, обстроенное по периметру. Данный прием применялся в храмах Хваомса, Помоса, Чананса, Хвабаса.

СОСТАВ СООРУЖЕНИЙ ХРАМА

В процессе развития буддийского строительства в Корее сложился своеобразный канонический набор сооружений храмового комплекса, который полностью или частично воспроизведен в храмах с разными композиционными схемами. В него входят: ряд основных павильонов храма, формирующих его композиционное ядро; второстепенные молитвенные павильоны, посвященные младшим божествам буддийского пантеона; вспомогательные и жилые павильоны, а также особая группа ворот, сооружений, формирующих главную ось комплекса, и, наконец, пагоды и фонари.

Внутреннее убранство молитвенных павильонов следует жесткой канонической регламентации. Для каждого типа молитвенного павильона существует определенный набор размещаемых изображений буддийских божеств, согласно их иерархии в буддийском пантеоне изображений буддийских божеств, которые выполнены в соответствии с иконографическими канонами¹⁰.

Основные павильоны

К основным павильонам храма относятся: *Тэунджон* (иначе *Тэунбоджон*), посвященный Будде Шакьямуни; *Тэджоккванджон*, посвященный Будде Вайрочане; *Муриансуджон* (или *Кыннакджон*), посвященный Будде Амиде, и *Мирыкджон* (или *Чонхваджон*), посвященный Будде Майтрейе.

Тэунджон — главный павильон Будды Шакьямуни. Слово *Тэун* буквально означает «Великий человек, который распространяет истину во всем мире». Первоначально в этом павильоне находилось изображение только Будды Шакьямуни, но позднее справа и слева стали помещать бодхисатв Ананду и Кашьяпу. Статуи будд и бодхисатв располагаются в центре зала, хотя это накладывает определенные ограничения на его использование. В древней Индии люди обычно поклонялись божеству, совершая трехкратный обход вокруг его изображения по ходу часовой стрелки. Оттуда этот обычай был перенесен в китайский буддизм, а позднее и в корейский. По этой же причине двери в большинстве буддийских построек расположены как спереди, так и по бокам. В соответствии с установившейся традицией глава храма и старшие священнослужители входят через передние двери, в то время как верующие — через боковые. Этот павильон размещается на основной оси храма, с одной или двумя пагодами перед главным фасадом.

Муриансуджон или *Кыннакджон* — павильон Нирваны. Слово *муриансу* означает «бесконечная жизнь» и представляет собой буквальный перевод санскритского слова *амитаюс*. В этом павильоне размещают изображения Будды Амиды. Так как райская обитель, созданная Буддой Амидой, находится на западе, то изображение божества также располагается на западной стороне павильона (например, в павильоне *Муриансуджон* храма Пусокса). *Кыннакджон* также означает «павильон Нирваны» и посвящается тому же божеству.

Мирыкджон или *Чонхваджон* — павильон Будды Майтрейи. Будда Мирык (Майтрейя) — это Будда Грядущего. Культ этого божества сформировался в самую раннюю пору зарождения буддизма. Многие статуэтки, принадлежащие культуре Когурё и Пэкче, свидетельствуют о том, что уже в IV в. н.э. этот культ был популярен в Корее. Письменные свидетельства об этом сохранились в одной из древнейших летописей *Самгук юса*. В некоторых храмах это божество занимает центральное место (например, в храмах Мирыкса и Кымсанса).

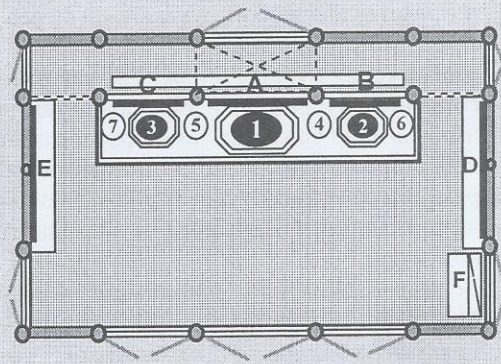
Второстепенные павильоны

К второстепенным молитвенным павильонам относятся павильоны, посвященные второстепенным божествам буддийского пантеона — бодхисатвам и архатам, божествам местных добуддийских культов, а также мемориальный павильон, посвященный основателю храма. Они включают в себя следующие сооружения:

Кванымджон — павильон богини милосердия *Кваным* (от кит. *Гуаньинь*) — корейское название бодхисатвы Авалокитешвары, почитаемого как божество милосердия в женском образе. В Корее практически не существует храмов, не имеющих в своем составе павильона *Кванымджон*, однако некоторые пользуются особенной популярностью. Например, павильон *Хогёам* в храме Наксанса и храм Помунса на острове Канхва.

Наханджон или *Ылгинджон* — павильон Святых. В этом павильоне размещаются изображения различных архатов¹¹ с присущим каждому индивидуальным характерным внешним обликом. Обычно здесь располагается изображение Будды Шакьямуни и шестидцати архатов или бодхисатв.

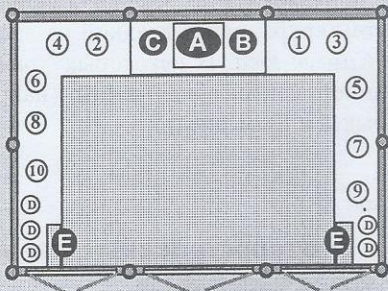
Чиджанджон, *Мёнбуджон* и *Сиванджон*. Эти три названия обозначают сооружение, посвященное бодхисатве Кшитигарбхе (кор. *Чиджан*), спасающему страдающих в аду. Павильоны *Сиванджон* и *Мёнбуджон* получили такое название потому, что служат «обителью десяти королей» (*мёнбу сиван*), которые вершат суд в преисподней. Эта религиозная концепция, не

Храм Капса

Павильон *Тэунджон*

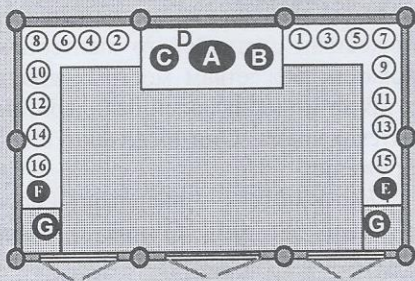
- Иконы
- A. Икона Будды Сокка (Шакьямуни)
 - B. Икона Будды Якса
 - C. Икона Будды Амитха (Амитаба)
- Алтари
- D. Алтарь *Чиджандан*
 - E. Алтарь *Синджудан*
 - F. Алтарь *Ёнгадан*
- Статуи
- 1. Будда Сокка
 - 2. Будда Якса
 - 3. Будда Амитха
 - 4. Бодхисатва Кваным (Авалокитешвара)
 - 5. Бодхисатва Тасечи
 - 6. Бодхисатва Мунсу (Манджушри)

Храм Торимса

Павильон *Мёнбуджон*

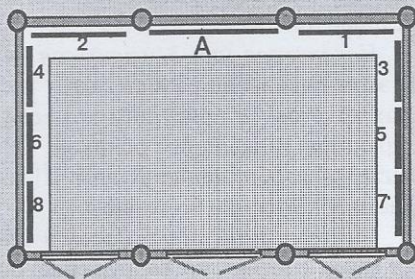
- A. Статуя Бодхисатвы Чиджан (Владыка Ада)
 - B. Статуя божества Мудоккванан
 - C. Статуя божества Томёнчонджа
 - D. Статуя божества Квонсок
 - E. Статуя божества Кымган якса
- 1–10. Статуи 10 Судей Ада

Храм Чананса

Павильон *Ымджинджон*

- A. Статуя Будды Сокка (Шакьямуни)
 - B. Статуя Будды Мирык (Майтрейя)
 - C. Статуя Бодхисатвы Сехвагалла
 - D. Икона Будды Сокка
 - E, F, G. Статуи богов-хранителей
- 1–16 статуи наханов (архатов)

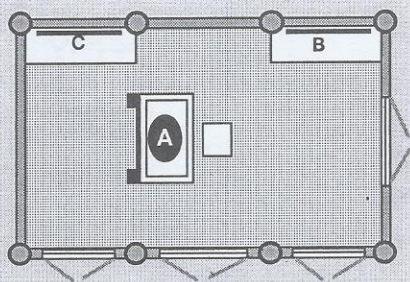

Храм Окчхон

Павильон *Пхальсанджон*

- A. Икона Будды Сокка (Шакьямуни)
- 1–8 Восемь картин из жигия Будды Шакьямуни

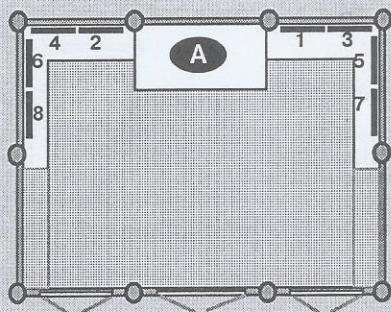
Рис. 19. Внутреннее убранство павильонов

Храм Муджиса

Павильон Мучхиджон

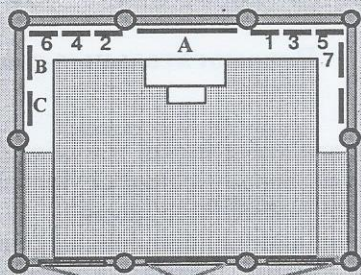
- А. Статуя Бодхисатвы Мунсу (Манджушри)
- В. Алтарь Синджудан
- С. Алтарь Сансидан (Духа гор)

Храм Чханнынса

Павильон Пхальсанджон

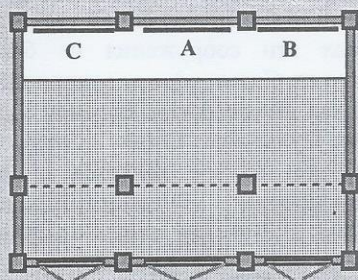
- А. Статуя Будды Сокка (Шакьямуни)
- 1-8 Восемь картин из жития Будды Шакьямуни

Храм Пхагёса

Павильон Чхильсонгак

- А. Алтарь Духа Семи Звезд
- В. Алтарь Сонунтхэн
- С. Алтарь Токсонтхэн
- 1-7 Изображения Духа Семи Звезд

Храм Табоса

Павильон Чхильсонгак

- А. Алтарь Чхильсонтхэн (Духа Семи Звезд)
- В. Алтарь Токсонтхэн
- С. Алтарь Сансинтхэн (Духа Гор)

Рис. 20. Внутреннее убранство павильонов

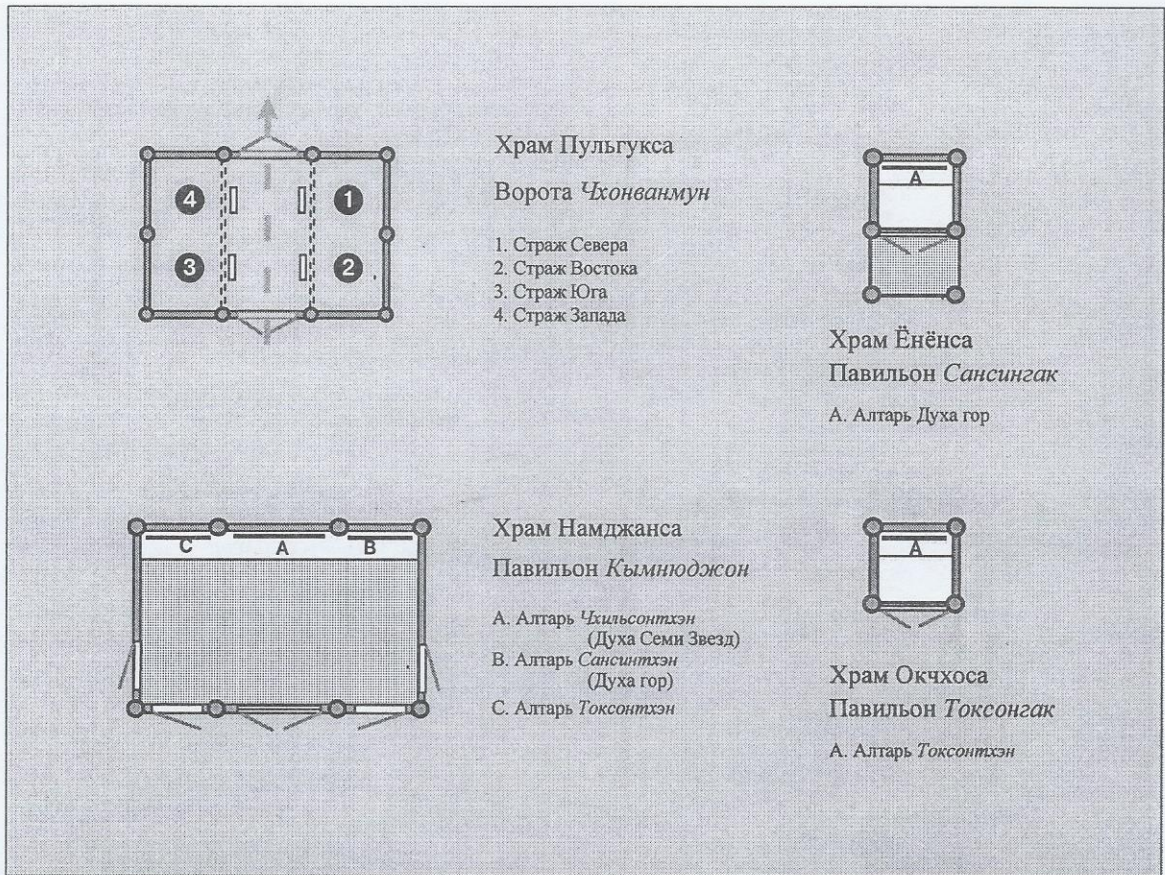

Рис. 21. Внутренняя планировка павильонов

существовавшая в индийском буддизме, сформировалась в Китае под влиянием даосизма, затем распространилась в Корею.

Чосадан — павильон Основателя. Слово *чоса* («основатель») дало название павильону, где хранятся изображения основателя и выдающихся священнослужителей данного храма. Здесь весной и осенью в их честь совершаются поминальные службы.

В павильоне *Пхальсанджон* размещаются восемь картин, изображающих различные сюжеты из жизни Будды Шакьямуни. Такие павильоны сохранились в храмах Попчуса и Ссангёса. Подобный по функциям павильон в храме Тхондоса (в Янсани) именуется *Чонсаджон*.

Павильон *Сансингак* посвящен Духу гор (*Сансин*). Культ этого божества сложился задолго до проникновения буддизма в Корею. По мере ассимиляции буддизмом местных культов в период правления династий Корё и Ли в буддийских храмах начали возводить этот павильон.

Павильон *Чхильсонгак* посвящен Духу Семи Звезд (созвездие Большой Медведицы), персонажу даосского пантеона. Этот павильон также начал возводиться на территории буддийского храма в период династии Корё. Иногда в нем же размещают изображения Духа гор.

Вспомогательные сооружения

К вспомогательным и жилым павильонам¹² относятся различные постройки утилитарного назначения, а также учебные сооружения.

Мусольджон (*Сольпопджон*) или *Кандан*. Ранее храмы имели отдельные постройки для изучения основных заповедей, правил, канонической литературы, а также для специфического обучения посредством безмолвного общения наставника с учениками. Однако после проведенной реконструкции во многих храмах эти сооружения не были восстановлены. Павильон *Сольпопджон* сохранился в храме Сонгванса, а зал *Мусольджон* включен в план реконструкции храма Пульгукса. Слово *мусоль*, или «не говорить», в данном случае является синонимом *сольпоп* — «проповедовать». Буддийский канон гласит, что если учитель или ученик слишком привязаны к словам, то они не могут ни проповедовать, ни воспринимать учение, поэтому следует проповедовать без слов и понимать молчание.

Сонвон — павильон медитации. Используется для регулярной медитации после обучения в лекционном зале. Чистое пространство, не содержащее в себе каких-либо изображений Будды или бодхисатв. Его

деревянный пол используется медитирующими монахами для сна. Иногда этот павильон именуют *соль сонбульчан* («место поиска Будды»).

Хянногак или *Инхянгак*. *Хян* означает «благовоения». В зданиях, именуемых *Хянногак* или *Инхянгак*, живут священнослужители, отвечающие за содержание буддийских святынь, т.е. название этих строений отражает их обязанность три раза в день возжигать благовоения.

Ёнхвасиль или *Мисосиль*. В буддийской легенде рассказывается о том, что однажды Будда во время очередной проповеди поднялся на свое место и застыл с цветком в руке. Все ученики недоумевали, и только Кашьяпа широко улыбнулся. Будда объяснил, что переданную им без помощи слов истину постиг лишь один Кашьяпа. Комната, занимаемая главой храма, именуется *Ёнхвасиль* («комната передачи») или *Мисосиль* («комната улыбки»).

Саммукта-саммук буквально означает «три молчания» и соотносится с обеденной зоной, туалетом и ванной. Это название напоминает о запрете разговаривать в трех этих местах.

Группа входных сооружений

Сооружения, формирующие главную ось комплекса, мы выделяем в самостоятельную группу ворот.

Ильджумун — это первые ворота храма. Буквально это означает «ворота на одной опоре», однако название возможно интерпретировать как «одно сердце» или «один дух», т.е. объединение верующих и слияние их с Буддой.

Сачхонванмун или *Хэтхальмун*. Это сооружение обычно является вторыми воротами храмового комплекса. *Сачхонванмун* переводится как «Ворота Небесных Стражей», *Хэтхальмун* — «Ворота Избавления». В этих сооружениях размещают изображения четырех небесных стражей, контролирующих четыре направления и избавляющих вошедшего в них от страхов и забот обыденного суетного мира. Изображения стражей канонизированы. Страж востока держит меч, страж севера — лютню, страж запада — пагоду, страж юга — обвиняется драконом.

Помёнгак — колокольный павильон. *Помён* означает «чистый колокол». Здесь размещаются четыре инструмента: колокол, барабан, гонг и деревянная рыба. Эти музыкальные инструменты внушительных размеров используются во время утренней и вечерней служб.

Нугак — этот термин обозначал особые двухъярусные сооружения. Их первый ярус предназначался для прохода, второй служил залом для различных нужд, в том числе и для проповедей. Чаще всего это

сооружение возводится в качестве последних ворот на пути к главному павильону. Иногда эту функцию выполняет колокольный павильон.

Прочие сооружения

Поскольку с конца периода Корё пагоды¹³ утратили значение в композиции храма, мы их условно объединяем в одну группу с каменными фонарями¹⁴. Однако следует учитывать, что это справедливо по отношению к позднему периоду династии Ли, в то время как на ранних этапах развития буддийского строительства в Корее эти сооружения имели первоначальное значение.

АРХИТЕКТУРНО-КОНСТРУКТИВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Архитектурная конструкция едина практически для всех храмовых сооружений Кореи. Здания имеют деревянный каркас, скатные кровли и холодные деревянные полы. Конструктивное решение оставалось принципиально неизменным на протяжении столетий, в то время как отдельные его элементы претерпевали определенную эволюцию.

Меры длины

Общий размер сооружений традиционно определялся в *канах*. Термином *кан* обозначается один пролет между колоннами. Конкретные физические размеры сооружений определяются в соответствии с традиционной корейской мерой длины — *чхок*.

Наиболее древний из известных на сегодняшний день — это так называемый «чхок из желтых бобов», который состоял из 90 бобов желтого цвета и использовался в качестве меры длины в древнюю эпоху до периода Трех государств. Хотя более конкретных указаний на этот счет не обнаружено, исследователями Республики Корея выдвигается предположение о его величине $\approx 34,7$ см¹⁵.

Основываясь на анализе различных сооружений периода Трех государств и ряда исторических источников, был выявлен так называемый «когурёский чхок» (ок. 34,7 см). «Когурёский чхок» применялся

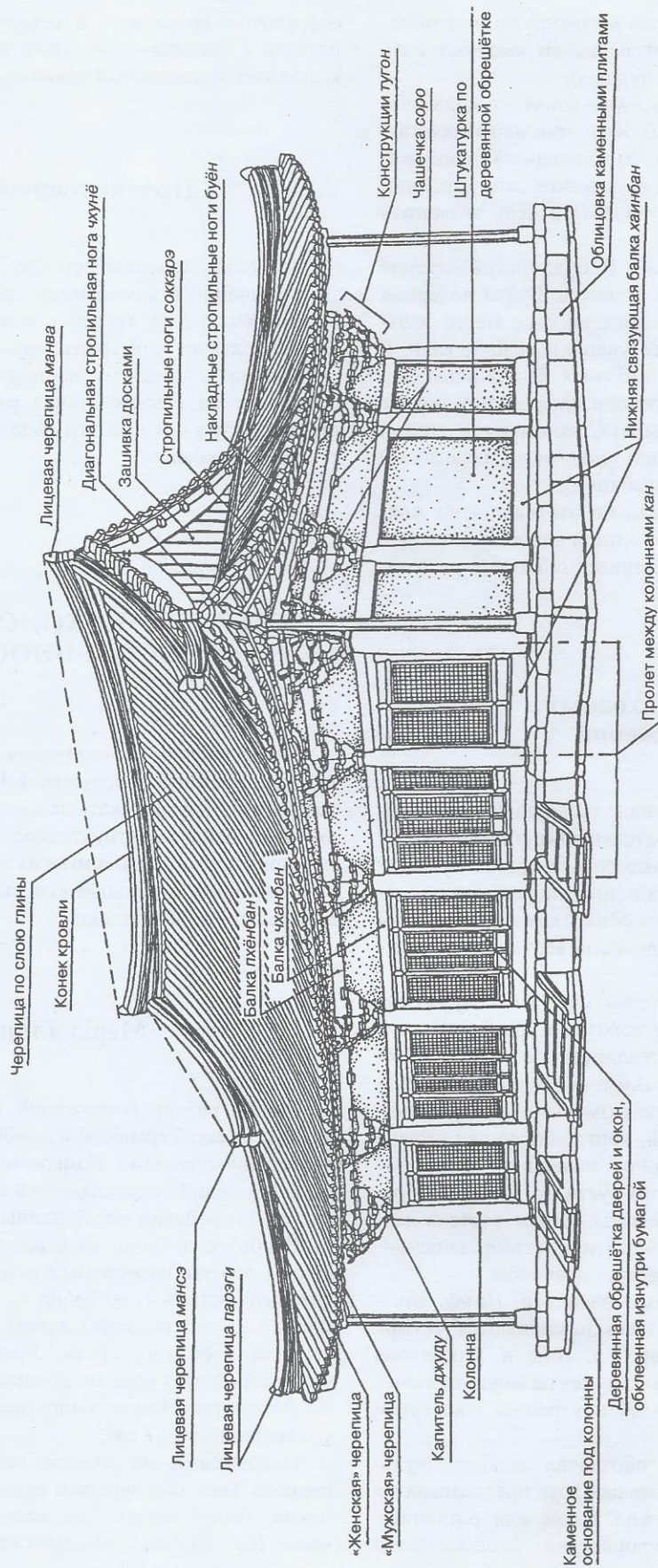

Рис. 22. Основные элементы конструкций павильона

при возведении таких сооружений, как пагода храма Чоннимса близ г. Пуё, крепости государства Пэкче на горе Пусосан, пагоды храма Хваннёнса, при разбивке городских кварталов древнего Пхеньяна и дворцового комплекса короля государства Силла, а также при сооружении храмов Хорюдзи и Ацукадера в Японии.

Аналогичным способом определен размер «танского чхока», применявшегося в период Объединенного Силла (ок. 29,8 см). С его применением связывается разбивка плана храма Пульгукса, пагод *Таботхан* и *Соккатхан* этого же храма, планы храмов Соккурам, Сачхонванса, Мандокса, безымянного храма близ д. Чхонгунни, павильона *Мурансуджон* храма Пусокса, а также Львиной пагоды храма Хваомса и ряда других сооружений.

В период династии Корё применяется «чунский чхок» (ок. 31,4 см). К числу сооружений, где использовалась эта мера, относится павильон *Кыннакджон* храма Понджонса, павильон *Чосадан* храма Пусокса, павильон *Тэунджон* храма Судокса, а также ворота *Гэксамун* в Каллыне. Все здания и сооружения периода династии Ли возводились с применением «ёндо чхока» (31,24 см). В настоящее время чхок равняется 30,3 см.

Элементы конструкций

Здание в большинстве случаев ставилось на стилобат, или выполненный целиком из каменных плит, или представляющий собой контур из подпорных стен, внутренняя часть которого заполнялась утрамбованным грунтом. В ряде случаев второстепенные сооружения возводились без стилобата, иногда его функции выполняют террасы, отделяющие находящиеся на разном уровне площадки храмового комплекса. В этом случае опоры под колонны устанавливаются непосредственно на грунт.

Первоначально пролеты лестниц, ведущих на стилобат, строились из обтесанного камня, а бортовые камни имели даже скульптурную обработку. С течением времени эти традиции были утрачены и лестницы начали сооружать из грубо пригнанных камней.

Для основания колонн использовали камень. В периоды Трех государств, Объединенного Силла и частично в период династии Корё им придавали скульптурную форму цветка лотоса или круглых дисков. Позднее в основания колонн устанавливаются необработанные каменные глыбы.

Колонны, как и остальные элементы деревянных конструкций, выполнялись из древесины хвойных пород и на ранних этапах развития буддийского зодчества Корей имели незначительный энтазис (например, павильон *Мурансуджон* храма Пусокса). Колонны

обрабатывались под круглое сечение. Однако в период династии Ли возникают постройки с колоннами, сохраняющими естественную форму ствола дерева, пошедшего на изготовление.

Продольные и внешние поперечные связующие балки обтесывались в форме бруса. Поперечные балки и прогоны кровли имели круглое сечение. Поперечные балки в период династии Ли, так же как и колонны, зачастую изготовлялись с сохранением естественной формы ствола дерева.

Полы в молитвенных павильонах, за редкими исключениями, делались из деревянных плах, что является одной из особенностей корейского культового зодчества. В Китае полы мостились в основном камнем или кирпичом, в Японии их покрывали циновками-татами.

Стены формировались из битой глины по деревянному каркасу из сплетенных ветвей. Поверхность гладко затиралась. Первоначально стены окрашивались в желтый цвет с тонкими зелеными и белыми филенками. Пример такой отделки можно встретить в наиболее древних сохранившихся постройках (павильон *Кыннакджон* храма Понджонса, павильон *Мурансуджон* храма Пусокса). Однако в период династии Ли этот прием сменяется многоцветной росписью на буддийские сюжеты. Глинобитные стеновые заполнения относятся к особенностям строительной техники в Корее. В Китае были распространены кирпичные стены, в Японии — легкие навесные каркасные щиты.

Крыша является одним из главных формообразующих элементов сооружения¹⁶. Различают несколько основных типов кровли¹⁷:

- *матпэ* — двухскатная кровля;
- *пхальджак* — четырехскатная кровля с двумя торцовыми фронтонами;
- *уджингак* — четырехскатная кровля с коньком;
- *само* — четырехскатная шатровая кровля;
- *пхальмо* — восьмискатная (восьмиугольная в плане) кровля.

Помимо этого, крыша может быть одно-, двух- и трехъярусной и т.д. Исходные типы кровли могут служить для создания самых различных форм кровель при перекрытии сложных в плане построек. Особое значение придается линии изгиба свеса кровли, имеющей кривизну как в вертикальной, так и в горизонтальной проекциях. Специфическая мягкая линия изгиба кровли относится к особенностям корейского традиционного зодчества.

Кровля выполнялась с обрешеткой по стропилам, на которую укладывался слой глины, в свою очередь покрываемый черепицей. Кровля имела сильные выносы. При этом необходимо отметить специфическое расположение стропильных ног в углах кровли, имевших веерообразный характер, в отличие от принятого в Японии взаимно перпендикулярного расположения. В стыках черепичной кровли возводились ребра из

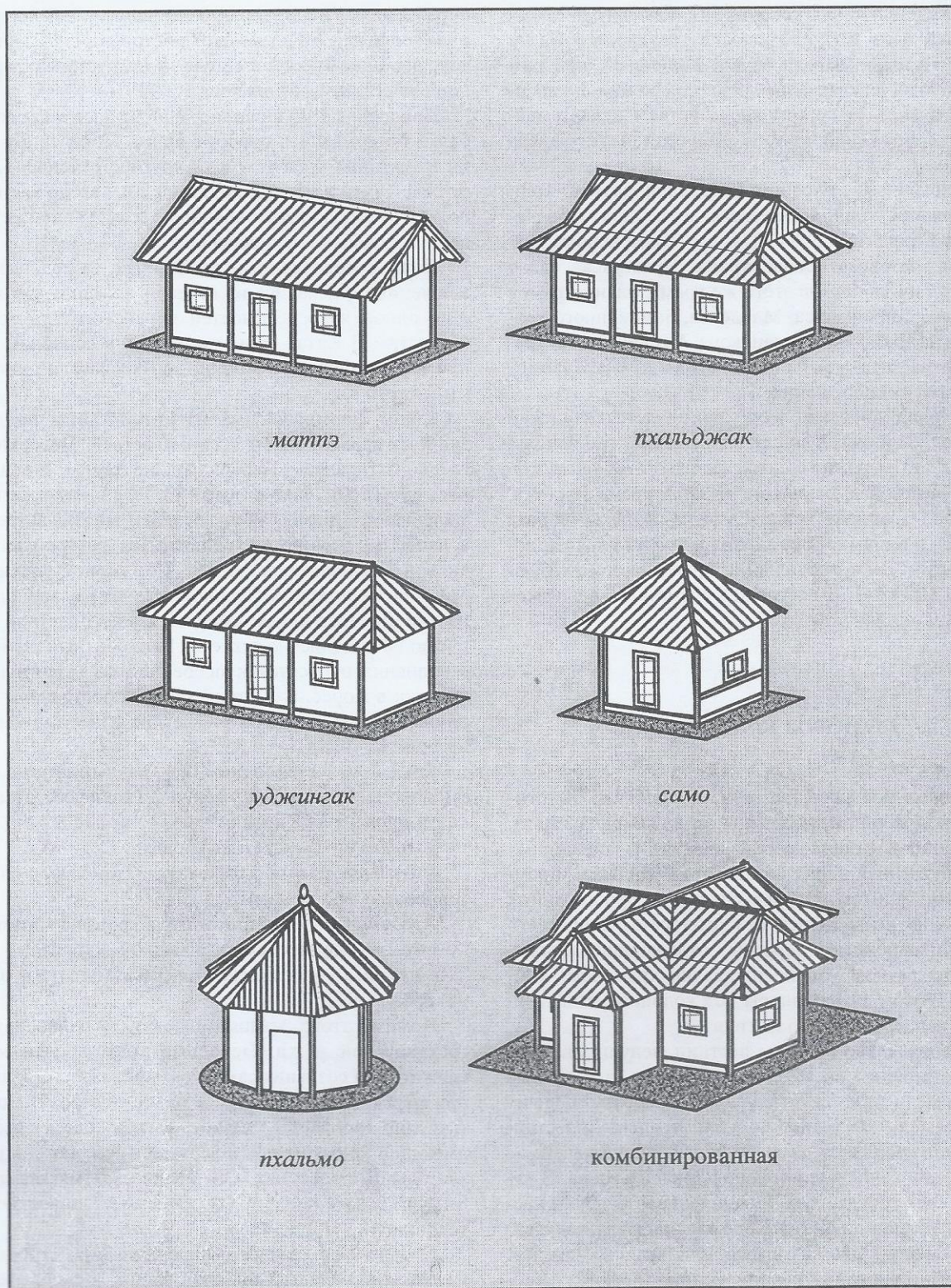

Рис. 23. Разновидности крыш

раствора, по которым в несколько слоев укладывалась черепица. Свесы черепичной кровли закрывались особой черепицей с круглыми торцами, имевшими декоративную отделку.

Черепица подразделяется на *ян* — мужскую, укладываемую выпуклой стороной вверх, и *ым* — женскую, укладываемую вогнутой поверхностью вверх. На коньке кровли иногда устанавливается черепица особой формы — *чхими*, несущая функцию магической защиты строения от злых сил. Характер декора торцевой черепицы позволил датировать отдельные раскопанные постройки (см. гл. 1), а также установить факт участия мастеров из корейского государства Пэкче в сооружении ряда японских храмов (храм Хорюдзи, храм Ацукадера). В орнаменте были обнаружены также следы влияния добуддийских верований (черепица с изображением улыбающегося лица в силласком храме Хыннюнса).

Конструкции *тугон*

Применение конструкций *тугон* не ограничивалось сооружениями буддийских храмов, данный архитектурный элемент следует рассматривать в контексте развития всего традиционного зодчества Кореи. Необходимо добавить, что свидетельства об использовании в древних сооружениях этой конструктивной системы встречаются задолго до проникновения буддизма в Корею.

Современными корейскими исследователями выделяются три разновидности конструкции *тугон*: *чусимпхо*, *тхапхо*, *иккон*, различающиеся по форме кронштейнов, ярусности, размещению относительно опоры и по некоторым другим признакам¹⁸. В соответствии с этим выделяются четыре этапа в развитии конструкций *тугон*¹⁹:

На первом этапе, в процессе развития деревянных структурных компонентов с доисторических времен, к периоду Трех государств постепенно формируется конструктивная система *тугон*, в которой вес кровли передается на опору через комплекс кронштейнов, позволяющих более равномерно распределять нагрузки, а также обеспечивающих значительный вынос кровли.

На втором этапе происходит становление разновидности *чусимпхо*. Исследования, базирующиеся на изображениях архитектурных сооружений и на когурёских фресках, сохранившейся бронзовой модели пагоды (музей Пусё) и других косвенных свидетельствах, позволили выделить следующие черты в конструкциях разновидности *чусимпхо* периода Трех государств и Объединенного Силла:

1. Большинство колонн имело энтазис с капителями или кубообразными элементами, снабжен-

ными прокладками. Эти капители и кубообразные элементы покрывались резьбой. Данные элементы применялись в архитектуре Когурё и Пэкче, но не использовались в Силла.

2. Сочленения кронштейнов устанавливались в основном на капителях колонн, но позднее в Объединенном Силла стали устанавливать дополнительные сочленения кронштейнов на балке, связующей опоры.
3. На связующей колонны балке иногда использовались Λ -образные подкосы.
4. В поздний период Объединенного Силла стали использовать развитые сочленения кронштейнов, имевшие несколько ярусов, опиравшихся друг на друга.
5. Концы кронштейнов имели в верхней части вертикальный обрез, который в нижней части переходил в скошенный.

Сохранившиеся здания периода династии Корё свидетельствуют о некоторых изменениях, произошедших в системе *тугон*:

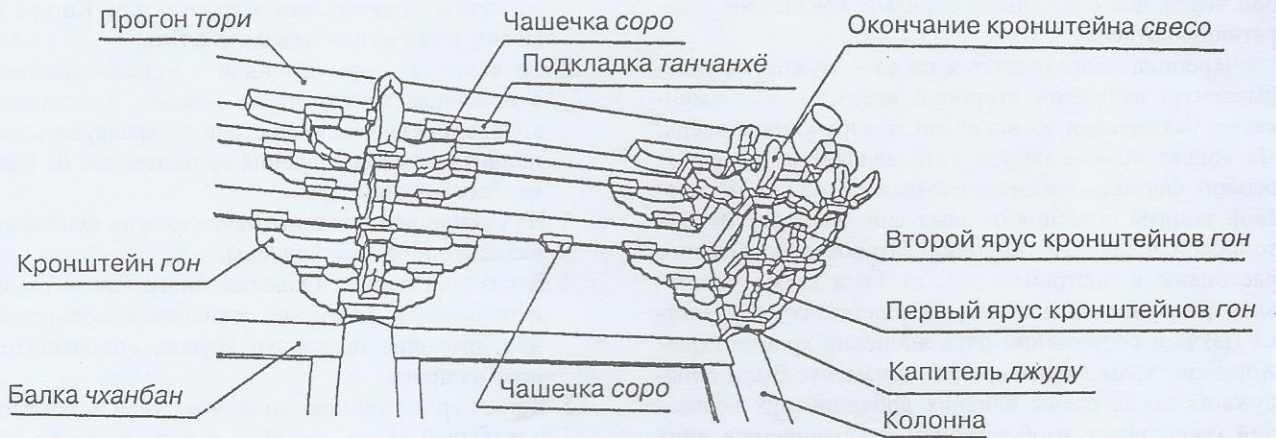
1. Форма кронштейнов изменилась, они стали более сложными по конфигурации, а окончания кронштейнов, выходящие на фасад, приобрели форму бычьего языка.
2. Появились два приема установки группы кронштейнов. В одном из них нижний кронштейн устанавливался на капители, в другом — проходил через верх колонны под капителью.
3. Большинство зданий выполняется без потолков.
4. Размеры здания становятся меньше, чем в предшествующий период.

Примерами использования в храмовом строительстве конструкций разновидности *чусимпхо* являются зал *Кыннакджон* храма Понджонса, главный павильон *Судокса*, павильон *Мурыансуджон* храма Пусокса и некоторые другие сохранившиеся сооружения. Ближе к периоду династии Ли кронштейны приобретают более сложные очертания, но обработка деталей выполняется грубее, а размеры и формы элементов конструкций стандартизируются.

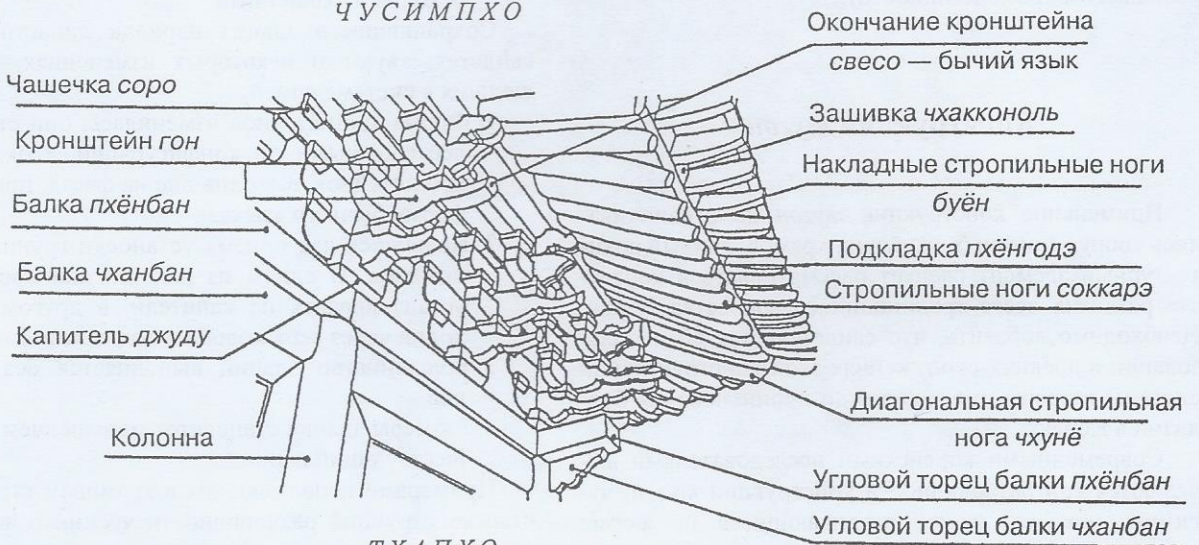
На третьем этапе происходит становление разновидности *тхапхо*, которая подразумевает установку дополнительных сочленений кронштейнов в пространстве между опорами. Она возникает в середине периода династии Корё в ходе постепенного развития конструктивных схем предыдущего периода и под влиянием вариантов конструкций, применяемых в сунском, а затем в юаньском Китае.

При сравнении *тхапхо* с *чусимпхо* можно отметить следующие различия:

1. Сочленения кронштейнов размещаются не только на опорах, но и между ними.
2. Между колоннами появляется связующая балка, на которую опираются дополнительные сочленения кронштейнов.

ЧУСИМПХО

ТХАПХО

ИККОН 1

ИККОН 2

Рис. 24. Разновидности конструкций тугон

3. Концы кронштейнов размещаются не только на опорах, но и между ними.
4. Количество ярусов кронштейнов увеличивается.
5. В интерьерах зданий обычно применяются потолки, в этом случае элементы конструкций, находящиеся выше потолка, выполняются упрощенно.
6. Энтазис колонн очень незначителен.

В качестве примера использования конструкций разновидности *txanxo* в храмовом строительстве можно привести главные павильоны храмов Понджонса, Камынса и некоторых других.

В поздний период династии Ли эта разновидность конструктивного решения становится чрезмерно декоративной и изощренной.

На четвертом этапе необходимость достижения минимальными средствами необходимого художественного эффекта приводит к появлению конструктивной разновидности *иккон*. На первый план выдвинулись критерии простоты исполнения и экономичности. По всей видимости, она представляла собой упрощенный вариант разновидности *чусимпхо*, которая использовалась при строительстве зданий второстепенного назначения. Существует ряд сооружений периода династии Ли с близкими к данному приему конструктивными решениями. На их примере можно проследить процесс изменения конструкций.

В конструкции *тугон* разновидности *иккон* кронштейны, имевшие форму птичьего крыла, были двух основных типов. В первом случае крылообразный, выступающий наружу кронштейн проходил через верхнюю часть колонны над капителью и непосредственно акцентировал основную балку. Во втором — выступающие наружу кронштейны имели форму двойного крыла, причем нижнее опиралось на колонну точно так же, как кронштейны первого типа, а второе крыло опиралось на нижнее и поддерживало основную балку.

Появление стиля *иккон* завершает эволюцию традиционной конструкции *тугон*. Общая характеристика сооружения определялась количеством пролетов по главному и боковым фасадам, типу кровли, количеству ее ярусов и стилю конструкций *тугон*. Например, павильон *Мурянсуджон* храма Пусокса представляет собой сооружение размером 5×3 кан, с одноярусной кровлей *пхальчак* и конструкциями *тугон* разновидности *чусимпхо*.

* * *

1. В процессе развития буддийского строительства в Корее сложилось несколько типов планировочных решений буддийских храмов. Из них можно выделить три основных: А — храмы с галереями, Б — храмы без галерей с единым центром, В — храмы

без галерей с несколькими планировочными подцентрами.

Тип А (храмы с галереями) имеет четыре подтипа: подтип А.1 — храм с одной пагодой и тремя молитвенными павильонами, возникший в государстве Когурё (период Трех государств); подтип А.2 — храм с одной пагодой и одним молитвенным павильоном, возникший в государстве Пэкче (период Трех государств); подтип А.3 — храм с двумя пагодами и одним молитвенным павильоном, возникший в Силла (период Трех государств); подтип А.4 — храм с несколькими дворами, существовавший во всех трех государствах.

Тип Б (храмы без галерей с единым центром) отличается от предыдущего типа А отсутствием галерей и тем, что возводится исключительно из камня. Имеется четыре подтипа планировочных решений этого типа храмов: подтип Б.1 — храм с одним молитвенным павильоном; подтип Б.2 — храм с одной пагодой и одним молитвенным павильоном; подтип Б.3 — храм с тремя молитвенными павильонами; подтип Б.4 — храм с одной (двумя) пагодами и тремя молитвенными павильонами; подтип Б.5 — храм с одним молитвенным павильоном и монашескими кельями.

Тип В (храмы без галерей с несколькими планировочными подцентрами) имеет четыре основных подтипа планировочных решений: подтип В.1 — с размещением второстепенных дворов параллельно главной оси комплекса; подтип В.2 — с размещением второстепенных дворов перпендикулярно главной оси комплекса; подтип В.3 — с размещением второстепенных павильонов позади главного, на периферии композиционного ядра; подтип В.4 — с размещением главных и второстепенных павильонов по периметру центрального двора.

Композиционная структура центрального ядра храмов типа В (без галерей с несколькими планировочными подцентрами) подразделяется на подтипы: Б.1 (храм с одним молитвенным павильоном), Б.2 (храм с одной пагодой и одним молитвенным павильоном), Б.3 (храм с тремя молитвенными павильонами) и Б.4 (храм с одной или двумя пагодами и тремя молитвенными павильонами). Подавляющее большинство храмов периодов Трех государств и Объединенного Силла, а также главный храм страны периода Корё принадлежат к типу А (храмы с галереями), который в дальнейшем больше не возводится. Начиная с периода Объединенного Силла начинают строиться храмы без галерей с единым компактным центром (тип Б), а с периода Корё — храмы без галерей с несколькими планировочными подцентрами (тип В).

2. Буддийские храмы Кореи по своей социальной значимости делились на четыре категории: 1) храмы национального значения; 2) храмы специального назначения (возводившиеся по королевским указам, но менее значительные по сравнению с храмами первой

категории); 3) главные храмы отдельных школ буддизма; 4) прочие храмы.

Планировочное решение храмов национального значения (первая категория) относится к подтипу А.4 (храмы с несколькими дворами и с галереями); храмов специального назначения (вторая категория) — к подтипам А.1 (храмы с галереями, одной пагодой и одним молитвенным павильоном), А.3 (храмы с галереями, двумя пагодами и одним молитвенным павильоном); храмов буддийских школ (третья категория) — к подтипам В.1 (с размещением второстепенных дворов параллельно главной оси комплекса), В.4 (с размещением второстепенных павильонов по периметру центрального двора); композиция прочих храмов (четвертая категория) относится к подтипам Б.1 (храмы с одним молитвенным павильоном), Б.2 (храмы с одной пагодой и одним молитвенным павильоном), Б.3 (храм с тремя молитвенными павильонами), Б.4 (храм с одной (двумя) пагодами и тремя молитвенными павильонами).

Отличительной особенностью архитектуры крупнейших комплексов буддийских храмов Кореи, особенно храмов третьей категории — главных храмов отдельных школ буддизма, — является одновременное применение нескольких планировочных приемов. Характер этих приемов и их соотношение друг с другом определяют индивидуальный облик конкретного храмового ансамбля.

3. В буддийских храмах использовались сооружения павильонного типа. На всем протяжении исторического развития конструктивное решение, основу которого составляли деревянный каркас с подкровельными конструкциями *тугон* и несколько типов

скатных черепичных крыш, оставалось принципиально неизменным.

Круглые кровли в Корею не применялись. Исходными формами для создания кровель более сложных очертаний служили пять основных их типов. Кроме этого, кровли могли иметь несколько (два, три, пять и более) ярусов.

4. Применение конструкции *тугон* позволяло равномерно распределять нагрузку от тяжелой черепичной кровли, обеспечивать значительный вынос и характерный изгиб свесов кровли, а также хорошее проветривание деревянных элементов конструкций (защита от гниения). Существует три разновидности конструкций *тугон*, отличающихся по характеру размещения ярусов кронштейнов относительно опоры и по форме кронштейнов: *чусимпхо*, *тханхо* и *иккон*. Конструкция типа *чусимпхо* зародилась в доисторические времена, задолго до проникновения буддизма в Корею, но окончательное ее становление относится к середине периода Корё, тогда же начинает использоваться *тханхо*. С начала периода династии Ли *чусимпхо* сходит на нет и появляется разновидность *иккон*.

Размеры зданий традиционно определялись в *канах* (термином *кан* обозначается один пролет между колоннами). Физические размеры зданий определялись в традиционной корейской мере длины *чхок*, которая в процессе своего существования претерпела ряд изменений. Общая характеристика сооружения могла быть дана через определение количества пролетов по главному и боковому фасадам, типу и количеству ярусов кровли и разновидности конструкций *тугон*.

Философия храма

КОСМОГОНИЯ
И СИМВОЛИКА БУДДИЗМА
В АРХИТЕКТУРЕ
КОРЕЙСКИХ ХРАМОВ

Рассмотрим несколько аспектов буддийского храмового строительства в Корее, вытекающих из буддийского канона: концепции храма в качестве *мандалы* и пути к *нирване*, а также влияние буддизма на декоративное убранство сооружений.

Молитвенные павильоны посвящаются различным божествам, но это не отражается на внешнем облике сооружений. Более того, павильоны буддийского храма в принципе неотличимы от дворцовых или других зданий общественного назначения. Тем более трудно определить с первого взгляда, какому именно божееству посвящается данный павильон. Ни форма кровли, ни характер общего конструктивного решения ничего не говорят о назначении сооружения, судить о котором можно только по вывешенной над входом надписи с названием павильона. Во всяком случае, отсутствие на месте разрушенного сооружения каких-либо других следов, кроме каменных оснований, весьма затрудняет идентификацию назначения постройки.

Архитектурный образ буддийского храма в определенном смысле формируется в некоем «литературном» пространстве, в котором место отдельного божества отмечается вывеской на павильоне. Сами надписи являлись произведением каллиграфического искусства, которое в восточноазиатской традиции ценилось чрезвычайно высоко. Таким образом, помимо чисто информативного назначения надписи играли также большую эстетическую роль в формировании архитектурного образа храма. Пространственное же построение буддийского храма действительно «прочитывается» в буквальном значении этого слова.

Концепция храма
как мандалы

Один из подходов к осмыслению пространства храма базируется на концепции *мандалы*¹, отразившей космогонический аспект буддийского учения.

В *Самгук юса* по этому поводу сообщается: «...[монах] Ыйсан основал десять главных храмов, включая Пусокса на горе Тхэбэксан, Пимараса в Вонджу, Хэинса в Кымджоне и Хваомса в Намаке, чтобы проповедовать буддизм на основе сутры *Хваом*. Кроме того, он изготовил изображение *мандалы*, чтобы она помещалась в храмах для обучения монахов в течение тысячи лет»². По всей вероятности, концепция *мандалы* была известна в Корее уже не позднее конца VII в. и имела существенное значение для школы *Хваом*, основателем которой являлся Ыйсан.

Композиция буддийских храмов Индокитая, относящихся к направлению *хинаяна*, жестко увязана с концепцией *мандалы*. Это предопределило двухосевую симметрию планов наиболее значительных комплексов и размещение сооружений, посвященных различным божествам, согласно месту, занимаемому ими в *мандале*. Наиболее ярким примером воплощения *мандалы* в архитектурных формах является храмовый комплекс Борободур на острове Ява. Аналогичная картина наблюдается в храмовых комплексах Тибета, где концепция *мандалы* была доведена до логического завершения.

В Корее схожие планировочные приемы прослеживаются в композиции храма Сачхонванса, а также пагод-ступ в храмах Тхондоса и Кымсанса. Однако все эти сооружения относятся к разряду уникальных, достаточно резко выделяющихся на фоне других памятников корейской буддийской архитектуры. Это является свидетельством, что формообразующие принципы композиции буддийского храма, заложенные в *мандале*, не получили, за некоторыми исключениями, прямого отражения в архитектуре буддийских храмов Кореи.

Формирование различных школ буддизма и возникновение главных храмов в период Объединенного Силла, на наш взгляд, дает возможность предположить, что в их композиции тем или иным образом отразились свойственные им характерные черты.

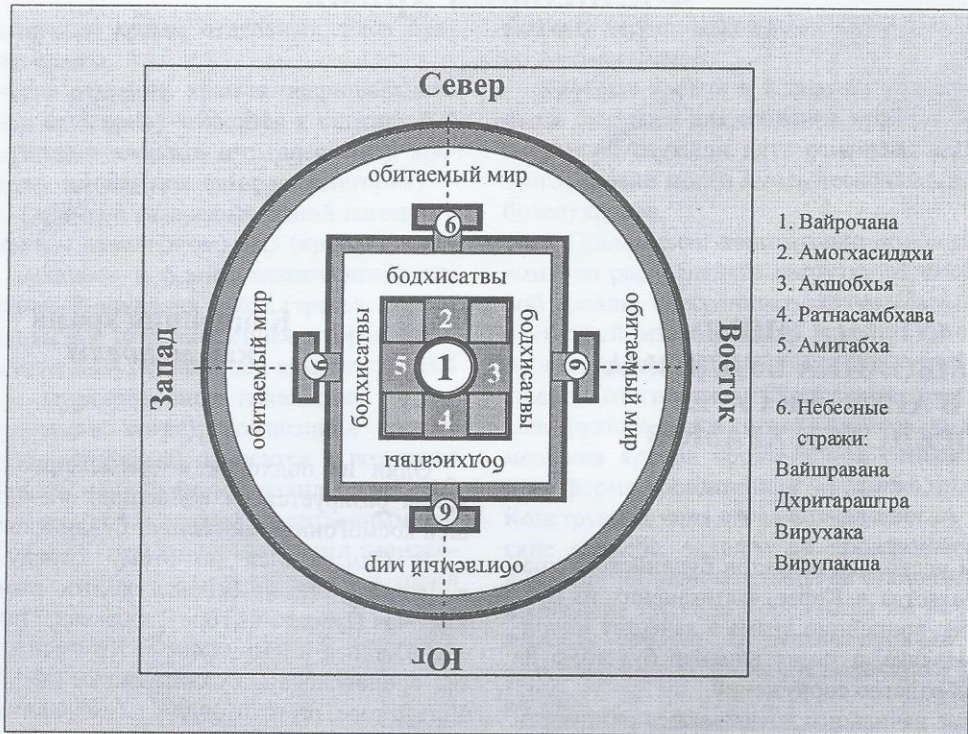

Рис. 25. Схематическое изображение мандалы

Рассмотрение этого вопроса дает возможность выяснить, каким же образом концептуальная модель корейского храма соотносится с религиозной догматикой. Действительно, самый поверхностный анализ композиций буддийских храмов Кореи позволяет выделить некоторые особенности планировочных решений, применяемых в храмах, относящихся к разным направлениям буддизма.

Начиная с периода Объединенного Силла буддийские храмы возводятся в горах, что ассоциируется с появлением в Корее школы Сон. Однако из приведенного выше отрывка из *Самгук юса* о строительстве десяти храмов монахом Ыйсаном ясно следует, что в это время храмы школы Хаом (принадлежащей к доктринальному направлению корейского буддизма — *кёджон*) также были построены (например, Пусокса, Хэинса и Хаомса). С падением династии Корё (1392 г.) там же, в горах, строятся храмы всех школ буддизма. Отличительной особенностью храмов школы Сон, обусловленной ее пренебрежительным, критическим отношением к буддийскому ритуалу и сакральным ценностям буддизма, было то, что в них пагоды возводились или небольших размеров, или же полностью отсутствовали. Однако и это вряд ли позволяет выделить храмы школы Сон, так как и в других храмах пагода постепенно утратила значение главного сооружения.

Для школы Мирык (Будды Майтрейи) характерно особое отношение к пагоде. Как уже отмечалось выше, в храмах Кымсанса и Тхондоса сохранились каменные пагоды, которые композиционно очень близ-

ки к тибетским ступам. Двухосевая симметрия, центрированность композиции храма Сачхонванса также связана с тем, что он был основан школой Юльджон, которая позднее была поглощена школой Мирык. Характерно, что единственная в Корее пятиярусная пагода сохранилась в храме Попджуса, также принадлежащем к этой же школе, в храмах которой главный павильон обычно посвящается Будде Майтрейе.

Влияние концепции Западного Рая Будды Амиды

Наиболее отчетливо в храмовой архитектуре проявились особенности школы Чонтхо (школа Чистой Земли Будды Амиды). Учение этой школы покоится на положениях «Сукхавати-сутры», что обусловило надделение особой сакральностью западного направления. Согласно этой сутре, рай Будды Амиды расположен на западе, поэтому павильон, посвященный этому божеству, зачастую располагается с западной стороны центрального ядра композиции. Примером этого могут послужить западный двор храма Пульгукса, ориентация храма Сокурам, расположение павильона *Кыннакджон* храма Понджонса, храма Силлыкса и т.д. Главный павильон храма этой школы обычно посвящается Будде Амиде. В случае если главный павильон храма посвящается Будде Шакьямуни, павильон, посвященный Будде Амиде, располагается с западной стороны.

Композиция храма как «путь к просветлению»

Для школы Хваом характерно, что главный павильон храма обычно посвящается Будде Вайрочане и именуется *Тэджоккванджон*. В догматах этой школы важное место отводится учению о «10 ступенях бодхисатвы»³. Исходя из этого, пути от первых ворот храма — *Ильджумун*, через вторые и третьи ворота комплекса к его главному павильону рассматриваются как процесс «очищения бодхисатвы», а сами ворота — как этапы этого процесса. В связи с этим в восприятии архитектурной композиции храма немаловажное значение приобретает сам процесс движения от первых ворот храма к расположенным в глубине молитвенным павильонам.

Вполне возможно, что эта концепция также изначально использовалась различными школами (подобный композиционный прием очень часто встречается в других храмах, не относящихся к школе Хваом) или же была заимствована позднее. По крайней мере именно в храмах школы Хваом такая композиция органично увязана с ее доктринальными особенностями и наиболее последовательно исполнена.

Выделение специфических черт храмов различных школ буддизма до периода Корё осложняется тем, что многие не дошли до наших дней. Другие же в ходе постоянных перестроек настолько трансформированы, что в настоящее время более точное вычленение компонентов, присущих храмам отдельных школ буддизма, не представляется возможным или же требует дальнейших углубленных исследований.

Любопытный пример представляет собой структура храма Пусокса. Несмотря на то что он был построен школой Хваом, набор сооружений и их наименования свидетельствуют о том, что в его композиции заложены принципы, более присущие секте «Чистой Земли» (Западного Рая Будды Амиды). Так, например, отсутствуют павильоны *Мурыансуджон* (Зал Нирваны)

этой секты, путь в „Чистую Землю“ разделен на три этапа, в свою очередь подразделенных на девять ступеней. Повторные перерождения в девяти различных ипостасях составляют основу учения о постижении Нирваны. Композиция храма Пусокса является прямым отражением положений этой доктрины. Так, весь участок членится на три уровня, последовательно возвышающихся друг над другом. Сами подпорные стены, отделяющие эти уровни, также членятся на три ступени. Завершение композиции многозначительно именуется „Залом Нирваны“⁴.

С другой стороны, если к девяти уровням, разделяющим участок храма после ворот *Сачхонванмун*, добавить отрезок пути до них от ворот *Ильджумун*, то этих «ступеней» получится 10. Таким образом, членение композиции храма Пусокса вполне можно интерпретировать, в соответствии с учением школы Хваом, как «10 ступеней бодхисатвы».

Более ясными представляются особенности храмов различных школ буддизма, возведенных в период династии Ли. Но и в этом случае некоторые затруднения вызваны тем, что в XVI в. правящая династия осуществила принудительное слияние различных школ буддизма, в результате которого произошло смешение их доктрин и возник так называемый синкретический буддизм.

Корейский исследователь Ким Бонрёль, исследовавший буддийские храмы периода династии Ли, выделяет два типа композиций, находящихся во взаимосвязи с доктринальными различиями отдельных школ буддизма: храмы синкретического буддизма, возводившиеся после XVII в. и ставшие со второй половины правления династии Ли основным типом буддийского храма в Корее, и храмы отдельных школ буддизма: Чонтхо (амидаизма), Майтрейи, Хваом (Аватамсака-сутры) и Чхонтхэ (Сутры Лотоса), которые строились до XVI в.

Приведенная таблица наглядно свидетельствует о том, что композиционное построение храмов различных школ буддизма обладает соответствующими

Название школы	Наличие пагоды	Количество главных павильонов	Количество композиционных подцентров	Характер композиционной оси
Чонтхо (школа Чистой Земли) Попсан, Мирык	0	2	2	параллельный пересекающийся под 90°
(школа Будды Майтрейи)	1	2	1	центральный
Хваом (школа Аватамсака-сутры)	1	2	несколько	
Чхонтхэ (Саддхарма-пундарика-сутра — Сутра Лотоса)	2	2	2	параллельный центральный
Синкретический буддизм	0	1	1	

и *Аннианмун* (Ворота Нирваны). Изображение Будды Амиды, в отличие от обычного расположения по центру павильона, помещено на западной стороне сооружения в полном соответствии с иконографией секты «Чистой Земли». Более того, «согласно доктринам

архитектурными характеристиками, увязанными с доктринальными особенностями учения данной школы»⁵. «Пространственное построение храмов школы Чонтхо (Чистой Земли) связано с положениями Сукхавати-сутры. Осевое построение храмов школы Майтрейи

отражает соблюдение религиозных заповедей этой школы. Храмы школы Хваом (Аватамсаки) отличаются подчеркнутой ориентацией в соответствии с идеей об устройстве мироздания»⁶.

В композиции храмов синкретического буддизма нашли отражение все приемы организации пространства, присущие храмам отдельных школ буддизма, однако в определенном соответствии с изменениями, произошедшими в доктринальной сфере. «В храмах синкретического буддизма можно выделить три иерархически соотносимые зоны зданий, посвященных соответственно Буддам, бодхисатвам и духам. Центральная зона является иерархически высшей, ее последовательными концентрическими окружностями охватывают зоны бодхисатв, затем архатов и духов»⁷. Помимо расстояния от композиционного центра иерархия сооружения выражается посредством возведения зданий на различных уровнях (в соответствии с топографией местности), а также ориентацией главных фасадов зданий.

Таким образом, мы можем констатировать, что догматика буддизма (в частности, иерархический аспект концепции *мандалы*) оказала существенное влияние на принципы пространственной организации храма. Эти принципы соответствовали доктринальным особенностям разных буддийских школ, существовавших в Корее до XVI в., но затем, с возникновением синкретического буддизма, нивелировались.

Буддийская символика в архитектурном декоре

Взаимосвязь между отдельными декоративными элементами в буддийском храмовом зодчестве и символикой буддизма прослеживается достаточно отчетливо. Наиболее ярко это отразилось в использовании в качестве декоративного мотива цветка лотоса. Лотос символизирует чистоту учения Будды, который часто изображается сидящим на пьедестале в форме лотоса. В периоды Трех государств, Объединенного Силла и частично династии Корё каменные основания колонн сооружений храмов высекаются в форме лотоса, а черепица украшается его очертаниями. Этот же мотив представлен в деревянной резьбе на дверях молитвенных павильонов в конце периода династии Ли и т.д. Использование этого декоративного элемента является одной из отличительных особенностей архитектуры именно буддийских храмов.

Вместе с буддизмом появилось изображение не встречающегося на территории Кореи животного — льва. Статуи львов располагались рядом с пагодой (храм Пунхванса) или высекались как часть пагоды или фонаря (храм Хваомса). В декоре буддийского храма широко использовалась буддийская свастика

(кор. *маль*), концы которой загнуты против часовой стрелки. В частности, форма свастики легла в основу геометрического орнамента декоративных экранов и дверей. Из буддийской архитектуры этот прием был перенесен в архитектуру корейских королевских дворцов.

В то же время представляется, что собственно буддийские мотивы мало использовались в архитектурном декоре. В частности, это проявляется в том, что одним из наиболее излюбленных украшений молитвенных павильонов служили разнообразные изображения дракона — персонажа древней добуддийской мифологии Восточной Азии.

К символике буддизма также восходит число ярусов пагод. В Корее строились 3-, 5-, 7-, 9-, 11- и 13-ярусные пагоды. Однако семантика этих чисел не совсем ясна, к тому же в *Самгук юса* сообщается о том, что каждый из девяти ярусов пагоды в храме Хваннёнса в столице Силла напоминал о вторжении одного из агрессоров — Японии, Китая, киданей, чжурчжэней и др.⁸ Таким образом, символика количества ярусов пагоды допускает интерпретацию не только буддийскую, а то, что оно выражено нечетными числами, может быть сопоставлено с существовавшими в древнекитайской философии представлениями о магических свойствах нечетных чисел (3, 5, 7, 9).

С догматикой буддизма связаны названия пагод *Соккатхан* и *Таботхан* храма Пульгукса, которые вытекают из содержания «Саддхарма-пундарика-сутры» (кор. Попхвагён). Согласно этой сутре, Табо («множество сокровищ») является другим именем Будды Прабхутаратна, предшественника Будды Шакьямуни, который однажды появился во время чтения Буддой Шакьямуни сутры «Саддхарма-пундарика» в пагоде *Таботхан* («пагода сокровищ») или *Чхильботхан* («пагода семи сокровищ»). Он пригласил Шакьямуни присоединиться к нему, и они уехали там вместе. Таким образом, пагоды *Соккатхан* и *Таботхан* символизируют двух Будд⁹. Однако парные пагоды в других храмах не имели специальных названий.

В целом приемы формообразования в архитектуре буддийских храмов Кореи значительно отличаются от принятых в странах Индокитая, Индии и Тибета. В значительной мере это обусловлено особенностями строительной культуры, сформировавшейся в Корее, в частности, применением конструкций *тугон*. В то же время в планировочной структуре корейского буддийского храма прослеживаются определенные черты, единые для всего буддийского мира. Буддийский храм представляет собой своего рода архитектурную интерпретацию *мандалы*. Молитвенные павильоны делятся на три категории: содержащие изображения будд, бодхисатв и архатов. Архитектурная иерархия находится в соответствии с иерархией божеств.

МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ОСНОВЫ АРХИТЕКТУРНОГО МЫШЛЕНИЯ

Зачастую при рассмотрении корейской традиционной архитектуры исследователи опираются в основном на такие понятия, как архитектоника, ритм, пропорции и т.д., выстраивая соответственно оценочную шкалу¹⁰. При этом подходе упускается из виду то, что формировавшаяся тысячелетиями культура выработала свой ряд понятий, категорий, систему мировосприятия и мироощущения, в рамках которой и происходило становление архитектуры. По этому поводу известный российский культуролог А.Я.Гуревич справедливо отмечает: «Человечество находится в постоянном движении, изменении и развитии, в разные эпохи и в различных культурах люди воспринимают и осознают мир по-своему, на свой собственный манер организуют свои впечатления и знания, конструируют свою, особую, исторически обусловленную картину мира»¹¹.

Безусловно, буддийская догматика является краеугольным камнем для осмысления архитектурного пространства храмов. Наряду с этим понимание буддийской архитектуры Кореи будет неполным без осмысления традиционной системы архитектурного мышления, базировавшегося на древнекитайской и древнекорейской философской мысли. Поэтому следует остановиться несколько подробнее на том, каким представлялось устройство мироздания в восточно-азиатской философской традиции¹².

Первооснова мироздания

В качестве единой первоосновы мироздания в традиционной мысли выступает «первоэлемент» («пневма») *ки* (кит. *ци*). При этом в традиционной философии Восточной Азии, на наш взгляд, не существует четкого разграничения между материальным и идеальным. Поэтому понятие *ки* включает психический и энергетический аспекты.

«Вся тьма (вещей) несет в себе *ым* и объемлет *ян*, проникнута *ки* и благодаря этому гармонична», — гласит древнекитайский философский трактат «Дао дэ цзин»¹³. Существует *ки* двух видов — *ым* (кит. *инь*) и *ян* (кит. *ян*).

Ым-ян (кит. *инь-ян*) представляет универсальную оппозицию: положительное–отрицательное, мужское–женское, светлое–темное, четное–нечетное и т.д. Противоборством этих двух начал определяются все изменения в мироздании. Однако в восточно-азиатской философской традиции противоположность *ым* и *ян* не носит абсолютного характера —

они находятся в постоянной связи и взаимозависимости.

«*Ки* обоих видов *ым* и *ян* извергается, чтобы стать ветром, поднимается, чтобы стать облаками, выпадает, становясь дождем, и движется в земле, становясь „жизненной энергией“ (*сэн ки*). „Жизненная энергия“, двигаясь в земле, дает рождение мириадам вещей. Если *ки* несомо ветром — оно будет рассеяно. Если *ки* окружено (по периметру. — В.Т.) водой — оно будет остановлено»¹⁴.

Концепция о существовании *ки* стала важнейшей предпосылкой для теоретического осмысления взаимоотношений архитектурного сооружения с универсумом, разработанного теорией *ихунсу* (см. следующий раздел настоящей главы).

Концепция пяти стихий

В традиционной философии феномен Природы составляют Пять элементов, или Пять стихий — Дерево (кор. *мок*), Огонь (кор. *хва*), Земля (кор. *тхо*), Металл (*кым*) и Вода (кор. *су*), которые обладают определенными характеристиками и постоянно взаимодействуют между собой, порождая или преодолевая (уничтожая) друг друга. Эти виды взаимосвязей имеют различную последовательность, но одинаково замыкают пять стихий в циклические структуры.

Если взаимодействие пяти стихий имеет характер взаимного порождения, то это считается положительным. Если в результате их взаимодействия объект оказывается в позиции преодолеваемого, то это считается негативным. Применительно к архитектуре любое сооружение должно находиться во взаимопорождающем типе связей с другими элементами архитектуры и природного окружения.

Восприятие времени

Краеугольным камнем развития европейской архитектурной традиции справедливо считают греческий ордер, который, однако, разорвал свою генетическую связь с деревом на самом раннем этапе своего развития. Корейский же эквивалент архитектурного ордера — система *тугон* сохранила свою неразрывную связь с деревом.

Этот момент стал определяющим для развития корейской архитектурной традиции в целом. Вместе с тем этот факт неизбежно провоцирует вопрос: в чем причина столь абсолютного предпочтения дерева в качестве строительного материала? Ведь история развития корейской архитектуры демонстрирует

Рис. 26. Взаимодействие пяти стихий

великолепные образцы владения техникой строительства из камня (платформы храма Пульгукса, пещерный храм Сокурам). Крепостная стена длиной в 1000 *ли* государства Когурё и строительство крепости Сувон в конце периода династии Ли подтверждают умение корейских строителей возводить крупномасштабные каменные сооружения. Тем не менее в корейской архитектуре камень или кирпич так и не стали основным строительным материалом.

Этот факт, по всей видимости, находит свое объяснение в сложившейся в корейской традиционной культуре системе мировосприятия и в свойственных ей представлениях о структуре пространства и времени.

В средневековых культурах выделялись две основополагающие концепции восприятия времени.

Одна из них — сформировавшаяся в архаичных культурах концепция циклического времени, базировалась на естественных временных циклах природы (четыре времени года; утро, день, вечер, ночь; молодость, зрелый возраст, пожилые годы, старость и т.д.). Деятельность архаического общества полностью зависела от циклических изменений природы, которым был подчинен и ритм жизни людей. В то же время другая связана с порожденными архаичными культурами мифами о возникновении мира, что становится первым толчком для осознания «линейного времени» как бесконечной череды никогда не повторяющихся событий, а возникновение мира становится точкой отсчета времени. Научная же концепция времени ассоциируется с математической линией, возникающей из ниоткуда и уходящей в бесконечность.

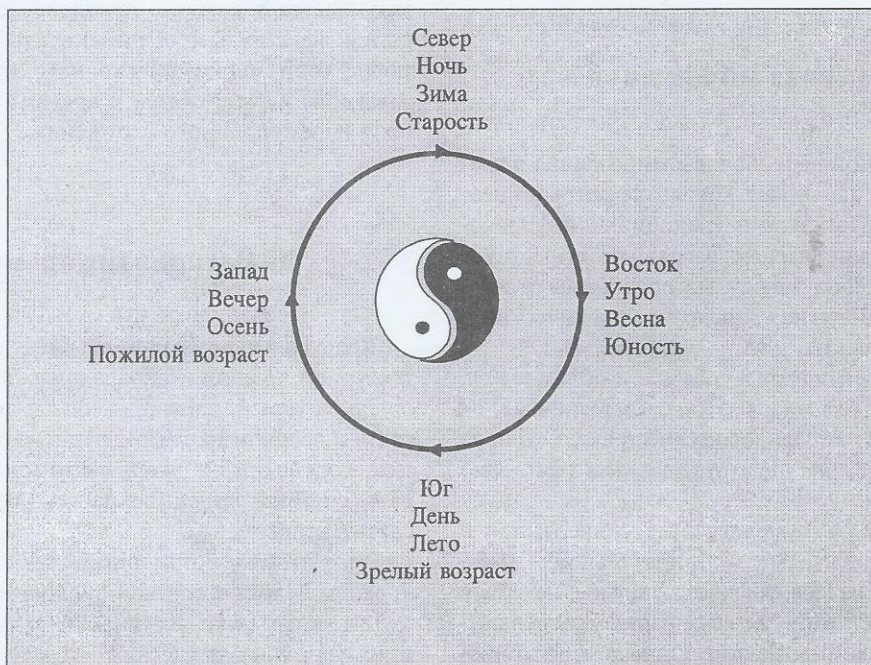

Рис. 27. Концепция циклического времени

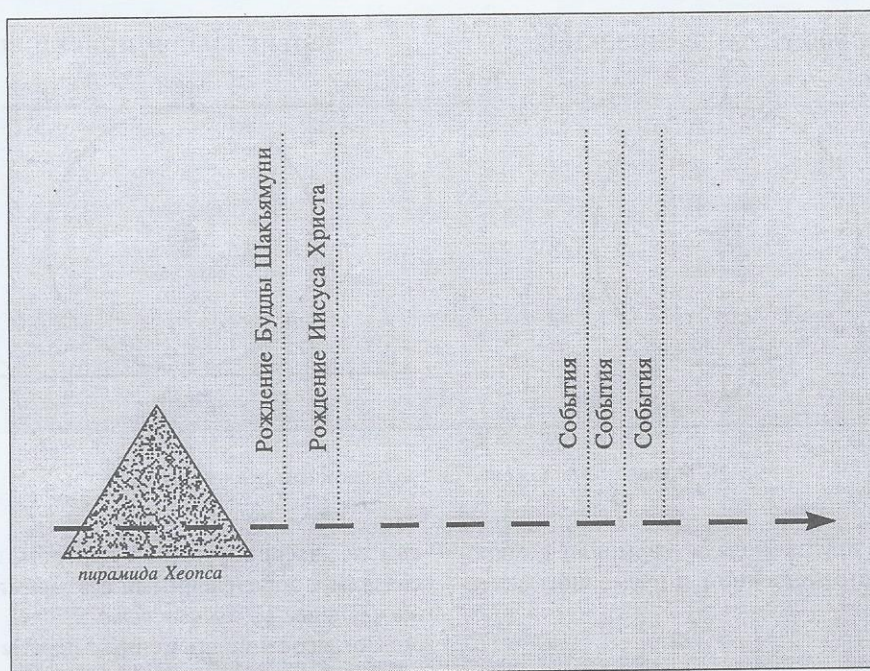

Рис. 28. Концепция линейного времени

Для корейской традиционной культуры характерно мировосприятие на основе циклического времени. Это может быть объяснено рядом причин.

Первая, по всей видимости, состояла в том, что социальная активность была взаимосвязана с природными циклами. Ритм жизнедеятельности корейского общества, в основном существовавшего благодаря сельскому хозяйству, был подчинен сезонным изменениям природы, и, следовательно, доминирующим стало восприятие времени как циклического. Следует отметить, что другие виды деятельности, например торговля, в меньшей степени зависели от сезонных циклов, но они не оказали существенного влияния на социальную и культурную жизнь средневекового корейского общества.

Другая причина коренится в традиционной для Кореи системе летоисчисления, базировавшейся на шестидесятилетнем цикле, которая достаточно подробно описывается в трудах отечественных этнографов, поэтому нет необходимости детально останавливаться на этой проблеме¹⁵. Следует лишь отметить наличие четко выраженных системных связей между категориями, используемыми для выражения времени, и другими понятиями и категориями классической философии, которые своеобразно согласовывали представления о пространстве и времени в единое целое.

Точками отсчета для *линейного времени* были легендарная дата основания древнего государства Чосон, а также даты основания корейских государств. Буддизм привнес новую точку отсчета, связанную с днем рождения Будды Шакьямуни. Тем не менее официальные хроники обозначали даты в соответст-

вии с династийным циклом (годом правления конкретного короля) и знаками шестидесятилетнего цикла. Смена девиза правления или восхождение на трон нового монарха также ассоциировались с началом нового временного цикла.

Корейская культура жила в согласии с глобальными циклами мироздания. Традиционная философия подчеркивала необходимость увязки каких-либо действий с *соответствующим* временем.

Доминирующее восприятие времени как цикла предопределило традиционное предпочтение дерева в качестве основного строительного материала. Дерево воспринимается как материал, чье существование ограничено определенным отрезком времени, и предстает как оппозиция камню, связываемому с понятием вечности. Жизнь деревянного строения сопоставима с жизнью человека. Сооружение возводится (рождается), функционирует (живет) и разрушается (умирает). Оно существует как бы в рамках собственного жизненного цикла.

Корейская архитектура, в отличие от европейской ритуальной архитектуры из камня или, например, египетских пирамид, не бросает вызов вечности. Осознание того, что жизнь есть нечто конечное, вело к тому, что возведение вечных строений практически никогда не ставилось в качестве главной цели. Буддизм оказал значительное влияние на традиционное мировоззрение в Корее, привнеся с собой концепцию мироздания как временной реальности в бесчисленных мирах Будды. Осознание хрупкости и непостоянства человеческой жизни предопределяло мироощущение древних корейцев. Вечность не была воспринята корейской культурой в качестве основной эстетической ценности.

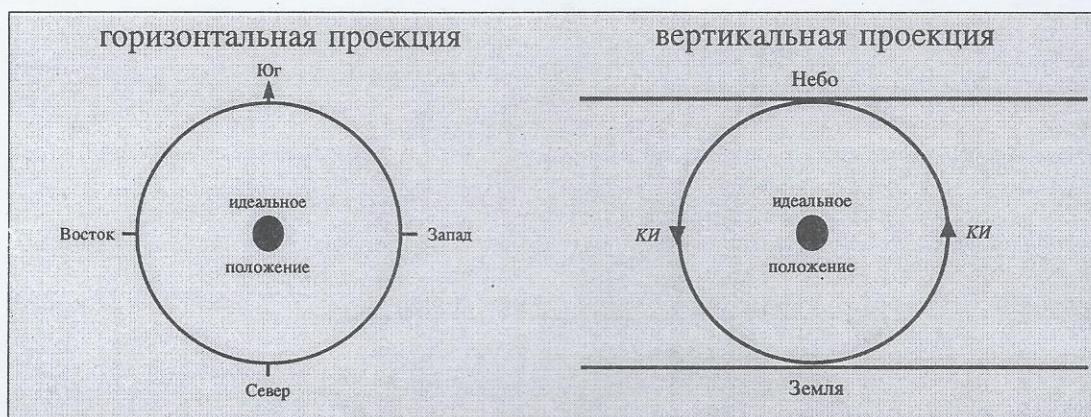

Рис. 29. Идеальное положение по традиционным представлениям

Здесь доминирует другая модель: гармония с мирозданием в его пространственном и временном аспектах.

Представления о структуре пространства

В отличие от свойственного западному мировоззрению понятия о «наивысшем», в традиционной восточноазиатской философии, и особенно в *пхунсу*, доминировало представление о «срединном» как о наиболее благоприятном положении, что, по всей вероятности, нашло отражение в самоидентификации Китая как «Срединного государства» (кит. *Чжунго*). Очевидно, эти традиции привели к меньшему, по сравнению с европейской архитектурой, развитию вертикальных композиций, так как значение главного объекта выделялось не столько высотой, сколько его центральным положением и соответствующей аранжировкой соподчиненных элементов.

В структуре пространства выделяют двадцать четыре направления относительно центра, т.е. 24 сектора окружности по 15° каждый. Четыре направления — восток, запад, юг и север — являются основными. Кроме этого, выделяются четыре промежуточных направления: северо-восток, юго-восток, юго-запад и северо-запад. Эти четыре промежуточных направления считаются зонами проникновения *ки* и соответственно имеют следующие наименования: северо-восток — Ворота Духов (*кви мун*), юго-восток — Ворота Земли (*чжи мун*), юго-запад — Ворота Человека (*ин мун*), северо-запад — Ворота Неба (*чхон мун*).

Следующее деление окружности имеет связь с 10 *небесными стволами* и 12 *земными ветвями* — категориями, применяемыми в традиционной циклической системе летоисчисления. Два из 10 *небесных*

стволов ассоциируются с центром, восемь остальных связаны с определенными секторами окружности, так же как и все 12 *земных ветвей*.

Согласование временных параметров мироздания, обозначаемых знаками традиционного циклического времяисчисления — *небесными символами*, и пространственных параметров, увязанных с направлениями по сторонам света, осуществляется посредством системы, именуемой *Намкап*.

В системе *Намкап* форма лунного серпа, интерпретированная в восьми триграммах «И цзина»¹⁶, связывается с положением луны на небесной сфере и, исходя из этого, с направлениями по сторонам света¹⁷. В традиционной философии существуют представления о том, что «на направлениях, связываемых с восемью триграммами, присутствие и влияние *ки* максимально возрастает в периоды, обозначаемые небесными стволами». Это положение служит исходным пунктом для определения благоприятного времени для тех или иных действий, в том числе для начала основных этапов строительства.

Число и мера

Особое внимание следует уделить тому, как понималось число в традиционных философских воззрениях. Существуют кардинальные различия между пониманием *числа* в эллинистической и восточноазиатской традициях. В выяснении этих различий большую роль играют исследования древнекитайского трактата «И цзин» («Книги перемен») ¹⁸. Не вдаваясь в обсуждение исторических фактов, касающихся появления, целей и использования этого трактата в Китае, следует отметить важную роль, которую он сыграл в развитии восточноазиатской философской традиции.

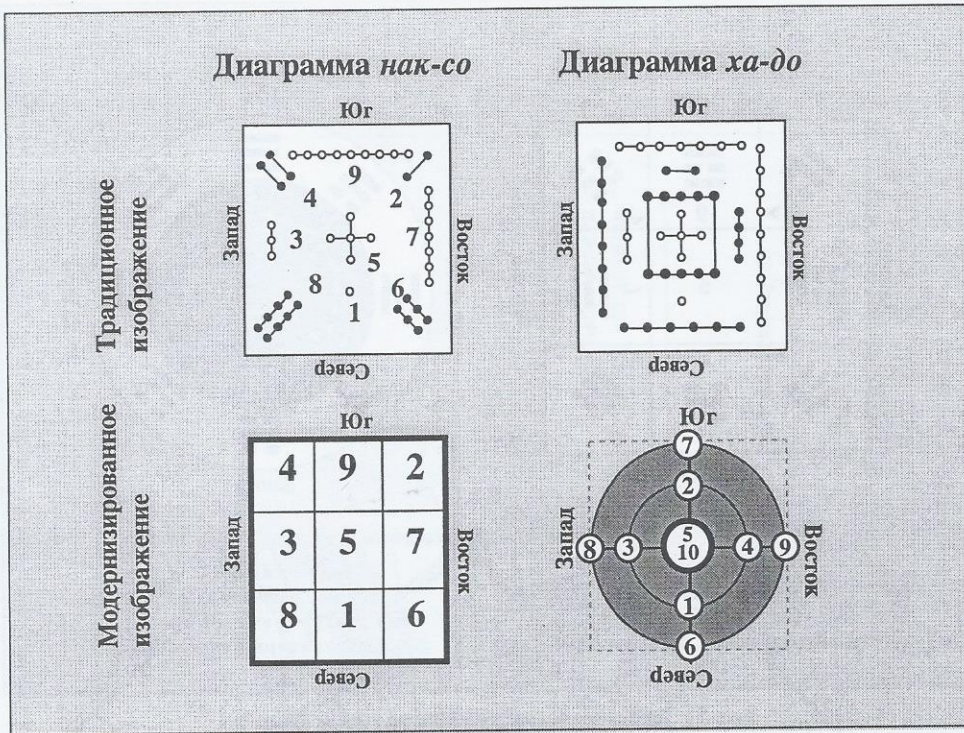

Рис. 30. Диаграммы ха-до и нак-со

Число в древней философии не было абстрактной обезличенной величиной. Прежде всего, оно представляло *определенный класс* явлений и наделялось качественными характеристиками. Будучи связанным с другими философскими категориями, оно являлось составной частью определенной нумерологической системы.

В этом плане наиболее яркими примерами здесь являются две символические диаграммы *ха-до* (кит. *хо-тхоу*) и *нак-со* (кит. *ло-шу*). Обе диаграммы содержат в себе квинтэссенцию древней космогонической модели.

Ха-до представляет собой нумерологическую систему, отражающую небесные принципы, в то время как *нак-со* — земные¹⁹.

Символическое значение *ха-до* лежит в расположении чисел от 1 до 10 по четырем сторонам света и в центре, образующем некое подобие креста. Таким образом, парно расположенные числа являются представителями пяти стихий и пяти направлений. 5 и 10 отмечают центр и стихию Земли, числа 1 и 6 — север и стихию Воды, 2 и 7 — юг и стихию Огня, 3 и 8 — восток и стихию Древа, числа 4 и 9 — запад и стихию Металла. Нечетные числа ассоциируются с «мужским» началом *ян*, в то время как четные — с «женским» *ым*. Соединение начал *ым* и *ян* дает рождение мириадам вещей. Таким же образом в пяти направлениях попарно соединены четные и нечетные числа, выражая символику созидательной потенции.

Представления о мифической силе чисел диаграммы *ха-до* нашли отражение в авантюрном романе позднего корейского средневековья «Сон в Нефритовом павильоне»:

«Тысяча воинов под черным стягом заняла позиции с северной стороны, две тысячи с красным стягом, разделившись на два отряда, — с южной стороны, три тысячи — три отряда по тысяче воинов в каждом — под зеленым стягом стали с восточной стороны (в тексте явно пропущено: четыре тысячи — четыре отряда по тысяче воинов — под белым стягом стали с западной стороны. — В.Т.). Шесть тысяч воинов в шести равных отрядах под черным знаменем заняли позиции с северной стороны, семь отрядов по тысяче воинов стали с южной стороны под красным стягом, восемь тысяч воинов под зеленым стягом, разбившись на восемь отрядов, прикрывали войско с восточной стороны. С запада Ян поставил девять отрядов по тысяче воинов. В центре под желтым стягом разместилось пять отрядов. Получалось расположение „света и тьмы по десяти направлениям“»²⁰.

Нак-со составлена из чисел от 1 до 9, расположенных вертикально в колонках и горизонтально в рядах, в результате чего образуется форма квадрата. Примечательно, что сумма чисел в вертикальных колонках, рядах и по диагонали дает число 15. Так же как и в *ха-до*, центр отмечен числом 5. Обращает на себя внимание то, что четные числа, занимающие угловые позиции в диаграмме, фиксируют промежуточные на-

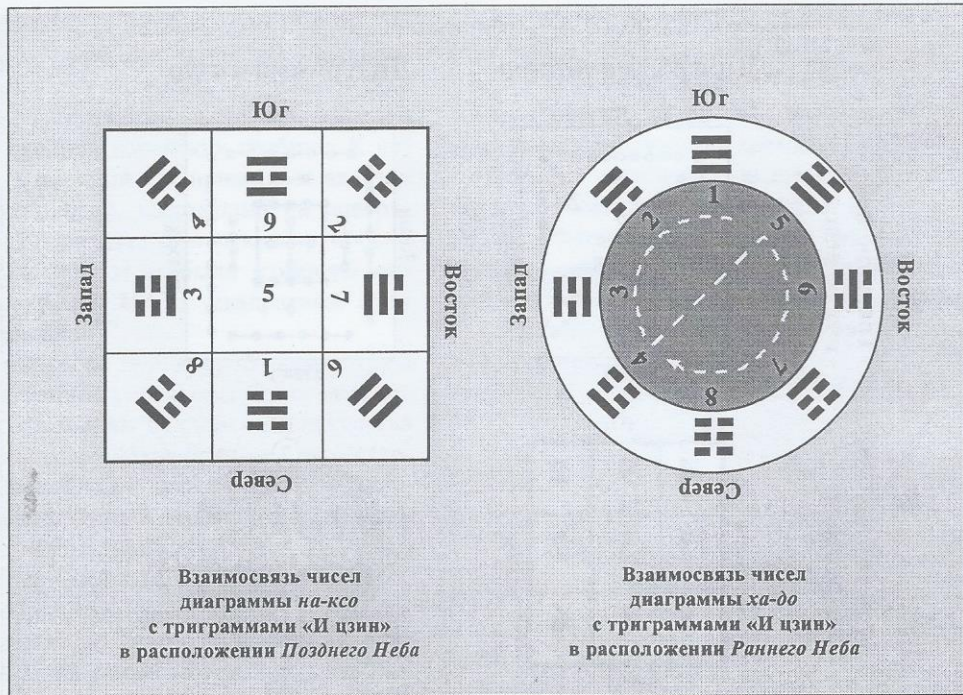

Рис. 31. Взаимосвязь чисел с триграммами «И цзин»

правления стран света и, будучи символически увязаны с концепцией *ым-ян*, отражают негативный аспект *ым*, ассоциируемый с четным числом.

Диаграмма *нак-со* взаимосвязана с восемью триграммами в расположении Позднего Неба, в то время как *ха-до* увязывается с триграммами в расположении Раннего Неба²¹.

Взаимосвязь восьми триграмм с нумерологическими системами *нак-со* и *ха-до*, несомненно, отражает качественно иное отношение к понятию числа в восточноазиатской традиции, по сравнению с эллинистической. Число увязывается с определенными природными закономерностями, или, вернее, с символическим значением природных феноменов. Число трактуется не как мера, а как средство классифицирования «феноменов» по определенным параметрам. Отсюда большое значение символической составляющей в противовес количественному значению числа.

Для традиционной архитектуры Китая, во многом служившей образцом для корейской архитектуры, характерным является применение так называемой «линейки Лу Баня»²² — приспособления, использовавшегося для выверения благоприятности размеров сооружения. Размеры «линейки Лу Баня» отличаются от обычно применявшейся шкалы. 1 *чи* «линейки Лу Баня» отличается от обычной шкалы и равен 1 *чи* (1 *чи* — 0,303 м), 4 *цуням* (1 *цунь* — 3,03 см) и 0,4 *фэня* (1 *фэнь* — 0,1 *цуня*), что приблизительно равняется 43,6 см в метрической системе. Линейка Лу Баня имеет восемь членений с определенными качественными характеристиками, приблизительно по

5,45 см, каждое из которых имеет специальное наименование²³: 1) богатство (кор. *джэ*, кит. *цэ*), 2) болезнь (кор. *бён*, кит. *бин*), 3) разлука (кор. *ли*, кит. *ли*), 4) справедливость (кор. *ый*, кит. *и*), 5) чиновник (кор. *гван*, кит. *гуань*), 6) разбой (кор. *джоль*, кит. *цэ*), 7) порча (кор. *хэ*, кит. *хай*), 8) основа (кор. *бон*, кит. *пэн*).

Из них первое, четвертое, пятое и восьмое членения считаются благоприятными. Это означает, что если размер сооружения или какого-либо его элемента кратен «футу Лу Баня», например 43,60 см, а остаток выпадает на одно из положительных членений, то размер сооружения или элемента является благоприятным.

Значение системы *тугон*

(Неоднородность пространства и времени =
однородность архитектурного языка)

Циклическое время не однородно. Оно имеет положительные и негативные фазы. Аналогично этому восприятие пространства в корейской традиции не связано с картезианской моделью пространства как трехмерного однородного континуума. Древняя теория *пхунсу* (см. далее) лишь определяет правила гармонизации человеческого существования в неоднородном пространстве. Тем не менее осознание неоднородности пространства и времени неизбежно

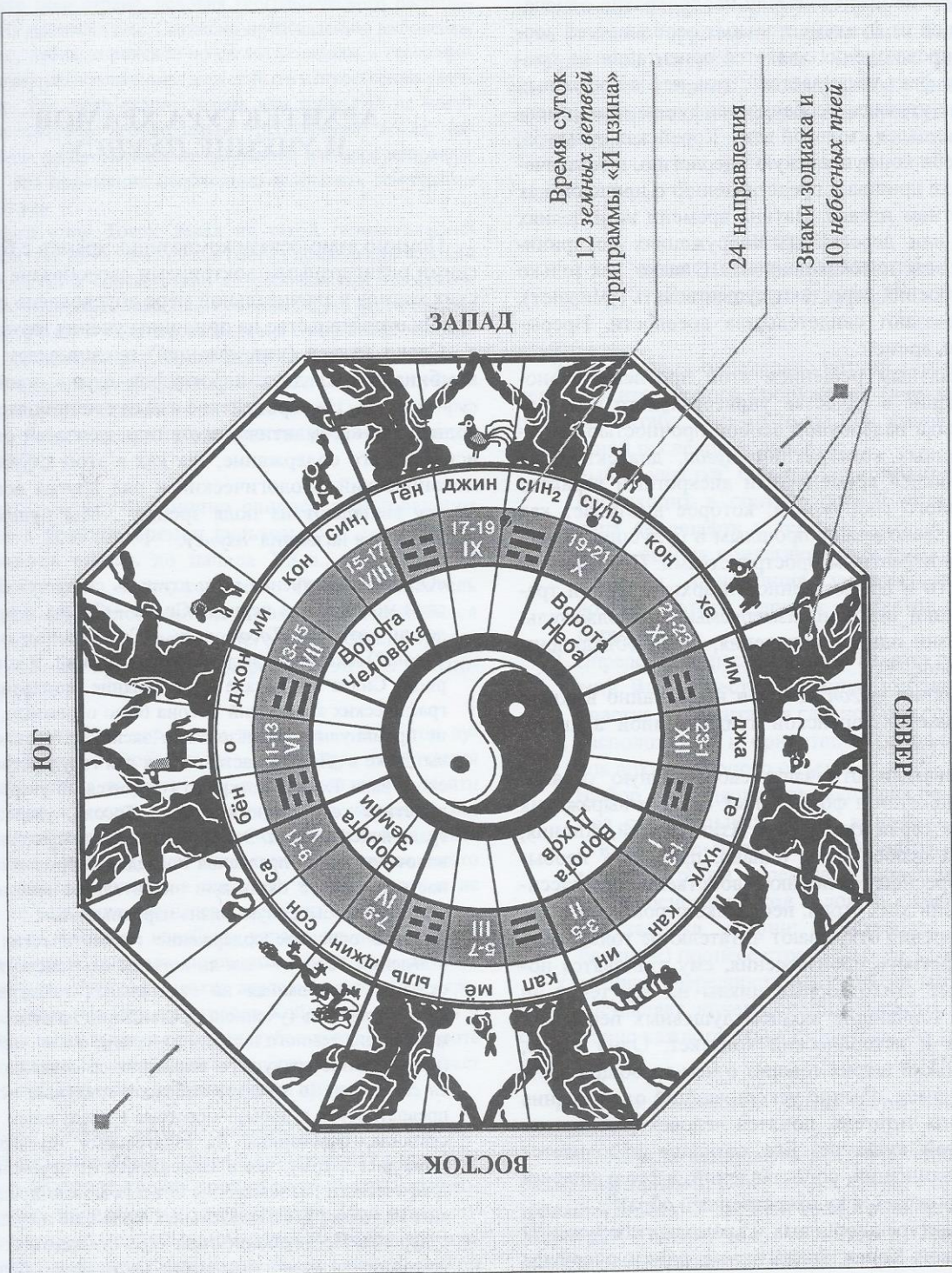

Рис. 32. Взаимосвязь пространственных и временных параметров мироздания (графическая интерпретация автора)

ведет к проблеме целостности и неразрывности культурной традиции. Концепция дискретных временных циклов также подрывает концепцию «золотого века».

Европейские исследователи неоднократно отмечали, что одной из фундаментальных особенностей восточного мировоззрения является ориентация на прошлое. Этот факт увязывается с тем, что в восточных социальных утопиях, особенно конфуцианских, именно там помещался «золотой век». Корейская культура, вобрав в себя конфуцианскую идеологию, в эстетическом смысле пришла к представлению о прошлом как об абсолютном идеале. Патина времени на изделиях искусства или деревянных сооружениях воспринимается как эстетическая ценность. Однако, как только древние строения перестают существовать (умирают), с ними исчезают свидетельства древности. Прерывается связь времен.

Кардинальным решением этой проблемы становится создание в качестве универсального архитектурного языка наделенной особой прочностью системы деревянных конструкций *тугон*, диалектически преодолевающей временный и дискретный характер архитектурного сооружения, которое выступает как связующее звено между прошлым и будущим, между реальным и идеальным пространствами. Посредством устойчивости и преемственности архитектурной традиции отрезки истории, измеряемые продолжительностью жизни одного поколения, были объединены в единое целое.

Конструкции *тугон* сыграли необычайно важную роль в развитии корейской традиционной архитектуры.

Исследователи отмечают своеобразную ограниченность сюжетов и формальных средств выражения в искусстве стран Восточной Азии (Китай, Япония, Корея). Эта особенность, однако, привела к необычайно интересному явлению, свойственному классической поэзии этих стран: несколько строк небольшого стихотворения открывают читателю не только мир этого конкретного произведения, ему становятся понятны целые стихотворные циклы на эту тему, он улавливает тончайшие нюансы душевных переживаний автора и исторический контекст. Одно слово, один маленький штрих говорят о чем-то общеизвестном. Этот намек, обычно ускользающий от внимания европейского читателя, понятен человеку, принадлежащему этой культуре. Его сознание наполняется сонмами ассоциаций, сопоставлений, в столкновении которых и рождается художественный образ²⁴.

В архитектуре дворцовых и храмовых сооружений средневековой Кореи аналогичные рамки очерчены применением конструктивной системы *тугон* (кит. *доугун*) — системы кронштейнов, перераспределяющих вес с кровли на опору. Применение ее ограничивалось сооружениями ритуального характера, дворцовыми павильонами и официальными учреждения-

ми. Сам факт применения конструкций *тугон* наглядно сигнализировал о важном предназначении данного сооружения.

АРХИТЕКТУРА ХРАМОВ И УЧЕНИЕ ПХУНСУ

Помимо взаимосвязи композиции храмов с буддийскими религиозными доктринами своеобразие корейских храмов в значительной мере обусловлено опорой при их строительстве на принципы учения *пхунсу*²⁵.

Слово *пхунсу* (кит. *фэншуй*) представляет собой комбинацию из двух иероглифов *пхун* — «ветер» и *су* — «вода». На европейские языки его принято переводить как «геомантия», что в определенной степени искажает его содержание, так как в этом случае космогонический, экологический и ряд других аспектов *пхунсу* выпадают из поля зрения²⁶. Мы будем придерживаться названия *пхунсу*.

«Основателем учения *чири пхунсол* считается буддийский монах конца периода Силла — Тосон, о произведении которого *Тосон пиги* („Сокровенные записки Тосона“) не сохранилось никаких сведений. В конце периода Силла и в начале Корё влияние геомантико-географических концепций Тосона было огромным, и ими не преминули воспользоваться эксплуататорские классы. Даже в „Десяти наставлениях для государства корёского вана Тхэджо“ открыто говорится об уверенности в истине геомантических идей Тосона, уверенности, граничащей с верой. Эти геомантические представления вплоть до конца правления последней королевской династии в Корее оказывали значительное мистическое влияние на обыденную жизнь народных масс.

Коротко основное содержание геомантических представлений Тосона — *ым ян точхамсол* (система предсказаний, основанная на гадательных гексаграммах), *ым ян сунёксол* (учение о предвидении на основе взаимодействия темного и светлого начал), *ым ян пибоксол* (предсказание грядущего воздаяния за содеянное), *ым ян свевансол* (о том, как избежать грядущих неудач и превратностей судьбы) — состоит в следующем. Предсказания, основанные на гадательных гексаграммах, сводились к тому, что в зависимости от перемены географического расположения объекта можно предугадывать не только участь отдельных людей, но и судьбы государства. Предсказание типа *чири сунёксол* исходило из той предпосылки, что выбор места может благоприятствовать или не благоприятствовать судьбе. Если местожительство и кладбище выбрано удачно, то человеку и его потомству не грозят несчастья; в противном случае виды на будущее могут быть не столь благоприятными. Смысл предсказания *свевансол* исчерпывался

утверждением, что, если человека или страну преследуют неудачи, значит, местоположение жилищ или кладбищ уже исчерпало свои счастливые возможности. В том же случае, когда судьба благоприятствует человеку или всей стране, условия географического расположения превосходны. Согласно предсказанию *пибоксоль*, место, неблагоприятное по своим условиям и географическому расположению, может быть искусственно улучшено. Так, если склоны холма или горы уже не могут удовлетворять необходимым требованиям, когда, например, ручьи меняют от наносного ила свое направление, это положение необходимо исправить земляными работами.

Особый упор Тосон делал на такой геомантический прием, как *пибо сатхабсоль* (метод приведения условий местности в соответствие с требованиями геомантии путем постройки башенки-кумирни). Суть этого приема заключалась в том, что возведение буддийских часовен или кумирни может компенсировать „слабые стороны“ того или иного географического расположения пункта. Это может служить в качестве наиболее удачного примера сочетания идей буддийского учения с геомантией»²⁷.

Учение *пхунсу* органично слилось с бытовавшим в Корее с древних времен культом гор. Эти поверья сохранились вплоть до начала XX в., а в сельской местности живы и по сей день. Русский писатель Н.Г.Гарин-Михайловский неоднократно сталкивался с этим явлением во время своего путешествия по северо-западным провинциям Кореи в 1898 г. В частности, он пишет:

«У человека (по корейским поверьям. — В.Т.) три души... Забота о второй душе — душе тела заключается в том, чтобы выбрать телу счастливую гору... Найти счастливое место — большой труд. По несколько раз приходится вырывать тело и переносить его на новое место... Нередко, если нашедший счастливое место для предков попадает в знать или богатство, тайно на это же кладбище уже несет кто-нибудь и своего предка. Но если владелец кладбища узнает, то дело нередко кончается и смертью виновного... Верстах в двух от Хойрёнга стоят два высоких деревянных столба с перекладинами. На них герб города Хойрёнга — два гуся и между ними вилы, вернее, трезубое копьё. Эти ворота поставлены от лучей злой горы. Это копьё пронизывает этот луч. Гуси же — эмблема весны и тепла»²⁸.

Смысл учения *пхунсу* состоит в том, чтобы посредством соблюдения определенных правил при возведении архитектурного сооружения достичь гармонии между человеком и универсумом. При этом, согласно *пхунсу*, масштаб сооружения не имеет принципиального значения. Им может быть могила, жилой дом, храм, деревня, город и даже целая страна.

По традиционным представлениям, присутствие потоков *ки* в земле связано с топографическими характеристиками местности. Дальнейшей предпосылкой для логических построений в *пхунсу* служило по-

ложение о том, что архитектурный объект (*жилище, храм, могила, город и т.д.*) должен быть расположен в таком месте, где происходит скопление *ки*, где небесное и земное *ки* находятся в постоянном взаимодействии и гармонии друг с другом. Таким образом, искомая территория должна быть безветренной (окруженной горами), чтобы избежать рассеивания *ки*. С другой стороны, необходимым условием являлось наличие водного потока, препятствующего истечению *ки*.

Алгоритм возведения сооружения согласно *пхунсу*

Учение *пхунсу* определяло четкий алгоритм возведения архитектурного сооружения (вне зависимости от его масштаба, будь то город или жилой дом) в определенной последовательности:

1. Выбор участка. Оценка конкретной территории происходит в соответствии с интерпретацией типа ландшафта в терминах *пхунсу*: определение и оценка прилегающих форм, их взаимоотношения, ориентация участка, направления водного потока и других элементов природного окружения.
2. Определение расположения архитектурного объекта. Выбор места в границах выбранного ранее участка и ориентация главной оси сооружения.
3. Расположение и ориентация основных элементов архитектурного объекта.
4. Выбор подходящего времени для основных этапов строительных работ: а) начало строительства и вскрытия земли; б) подготовка фундамента; в) рубка деревьев; г) определение положения оснований под колонны и дверной косяк; д) установка колонн; е) установка коньковой балки; ж) процесс строительства; з) отделка»²⁹.

Указанная очередность действий на первый взгляд не представляет ничего специфического, и поэтому содержание каждого этапа строительства требует расшифровки:

1. Выбор участка и анализ форм прилегающего ландшафта

Для анализа ландшафта в *пхунсу* использовались различные приемы. Один из них связан с применением названий планет. В древней космогонии пять планет — Меркурий, Венера, Марс, Юпитер и Сатурн именовались соответственно: звезда Вода, звезда Металл, звезда Огонь, звезда Дерево и звезда Земля. Поскольку в традиционных философских представлениях небесные явления имеют соответствующее отражение на Земле, концепция пяти планет метафорически увязывается с формами ландшафта.

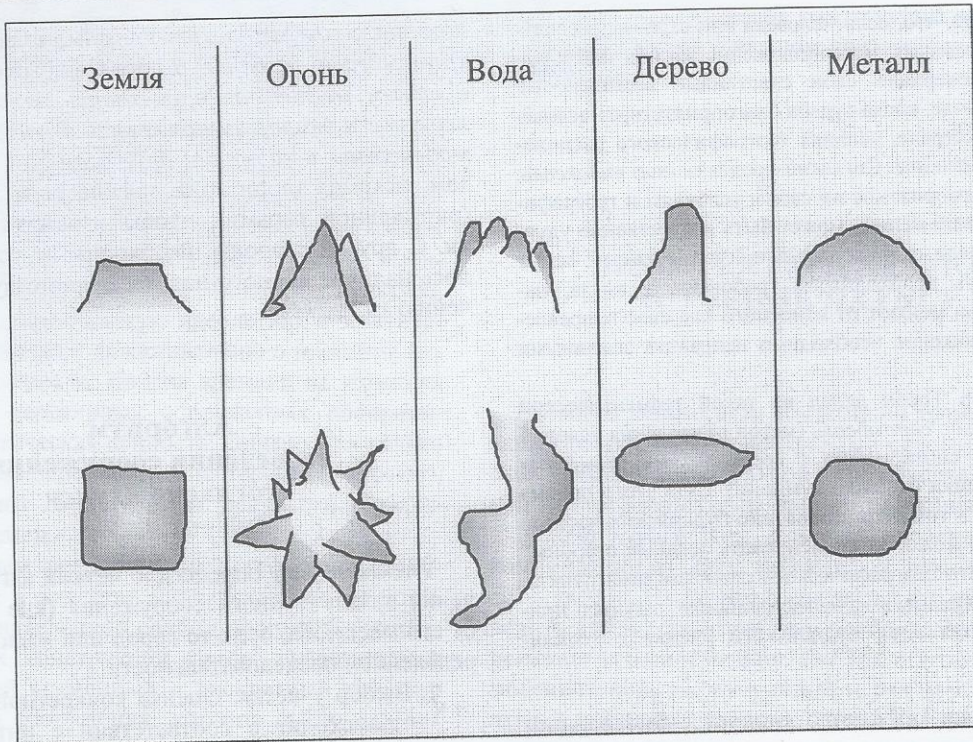

Рис. 33. Классификация форм гор по пяти стихиям

Таким образом, формы гор подразделяются на пять основных типов, соответствующих пяти стихиям, — это Дерево, Огонь, Вода, Металл и Земля. Каждый тип характеризуется определенными особенностями³⁰:

покатые склоны и округлый контур (гора Металл);
спрямленные склоны, напоминает дерево (гора Дерево);

слегка волнистый контур (гора Вода);

острые пики наподобие языков пламени (гора Огонь);

плоская вершина и контур основания, тяготеющий к квадрату (гора Земля).

Такая классификация увязывает расположение и формы гор с концепцией взаимного преодоления и взаимного порождения пяти стихий. Например, гора Дерево может быть благоприятной, если она расположена на севере, так как север принадлежит стихии Воды, а Вода порождает Дерево. В то же время связь между горой Дерево и стихией Металл, к которому принадлежит западное направление, относится к деструктивному типу взаимного разрушения. Таким же образом гора Огонь является благоприятной, если она расположена на юге, но не на севере.

Стороны света в соответствии с традиционной космогонией идентифицируются в системе *пхунсу* следующим образом: север — стихия Воды, восток — стихия Древа, юг — стихия Огня, запад — стихия Металла и центр — стихия Земли. По логике *пхунсу*, взаиморасположение гор относительно друг друга идеально в том случае, если они по типу идентичны

стихиям, к которым относятся стороны света. Иными словами, гора Вода должна быть на севере, гора Дерево — на востоке, гора Огонь — на юге, гора Металл — на западе и гора Земля — в центре. Только если горы находятся на достаточном удалении друг от друга, оценка территории происходит без учета их взаимного влияния³¹.

Ни один из пяти типов гор не является абсолютно положительным или отрицательным сам по себе, несмотря на то что в *пхунсу* достаточно подробно разработаны их характеристики.

Благоприятность места определяется исходя из взаиморасположения и, следовательно, взаимовлияния. Например, если гора, расположенная на востоке, определяется как гора Металл, на юге — как гора Огонь, то местность является неблагоприятной, так как стихия Огонь разрушает стихию Металл. Или если ближняя гора имеет форму Огня, а находящаяся сразу за ней идентифицируется как гора Металл, то местность также является неблагоприятной, так как в этом случае Огонь разрушает Металл. Напротив, если горы соответственно идентифицируются как гора Металл и гора Вода, то местность является благоприятной, так как Металл порождает Воду.

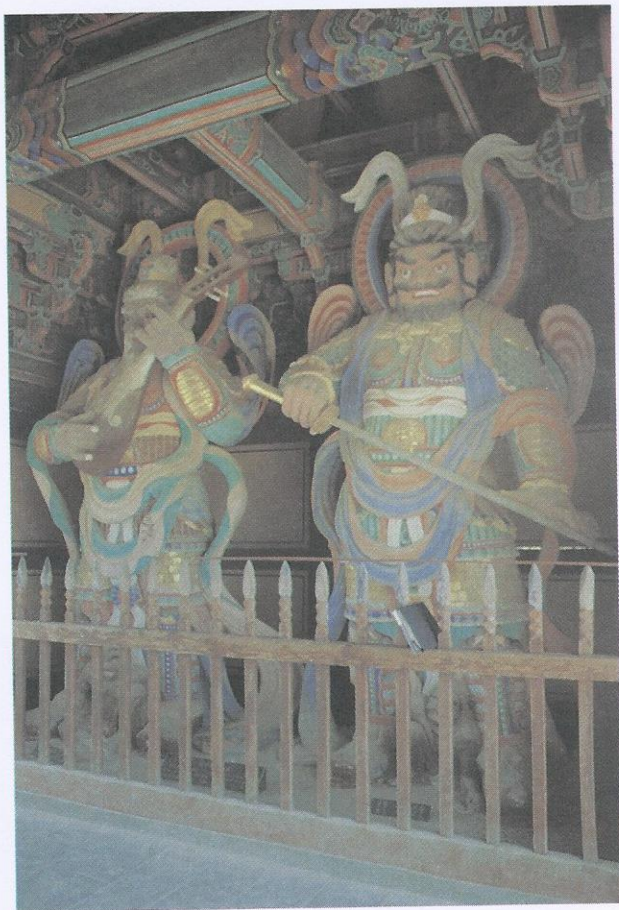
Кроме этого, даже если взаимное соотношение гор классифицируется как благоприятное, их размеры должны быть сбалансированы. Если какая-либо из них доминирует, то, следовательно, одна из пяти стихий является преобладающей. Например, если гора Металл на определенном направлении превосходит по размерам, формам и другим характеристикам

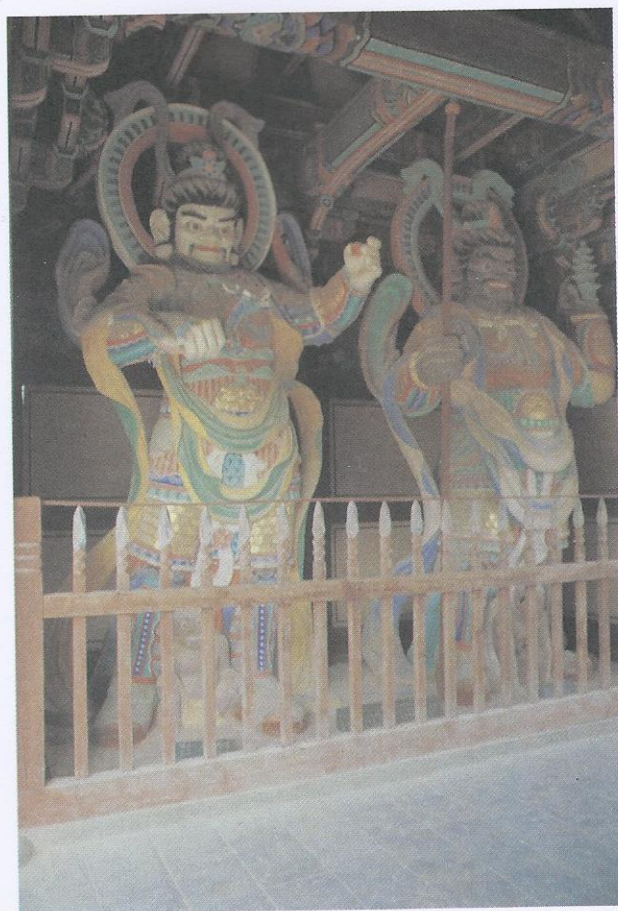
1. Остатки храма Камынса. Период Объединённого Силла

2. Храм Пульгукса близ Кёнджу. Период Объединённого Силла. 751 г.

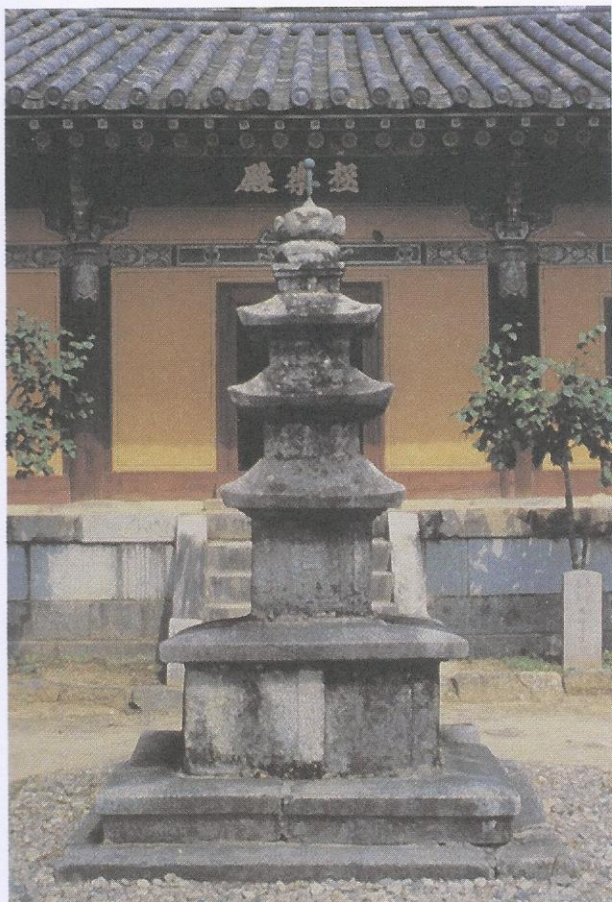
3. Храм Пульгукса. Небесные стражи Востока и Юга в воротах *Сачхонванмун*

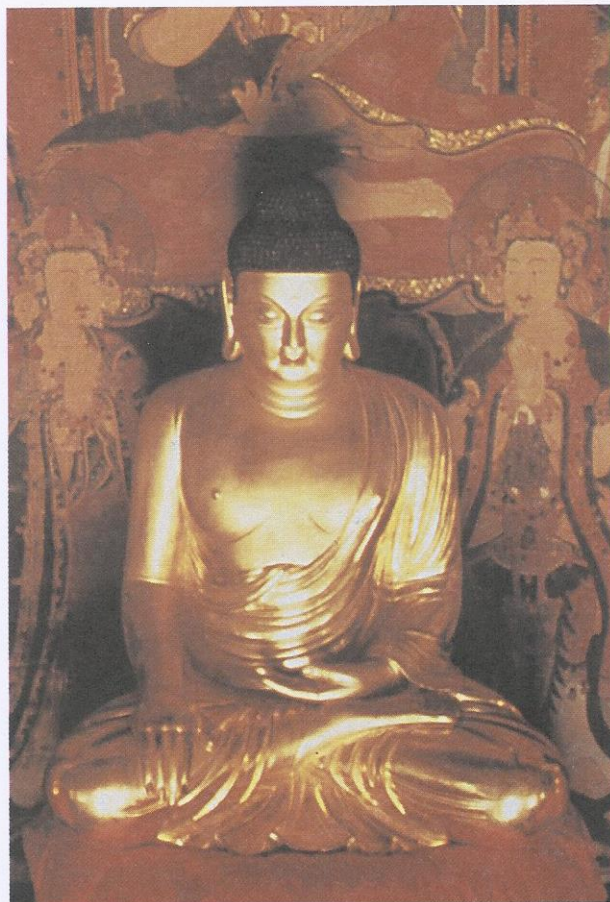
4. Храм Пульгукса. Небесные стражи Запада и Севера в воротах *Сачхонванмун*

5. Храм Пульгукса. Деталь конструкций *тугон* павильон *Тэунджон*

6. Храм Понджонса. Каменная пагода перед павильоном *Кыннакджон*

7. Храм Понджонса. Статуя Будды в павильоне *Тэунджон*

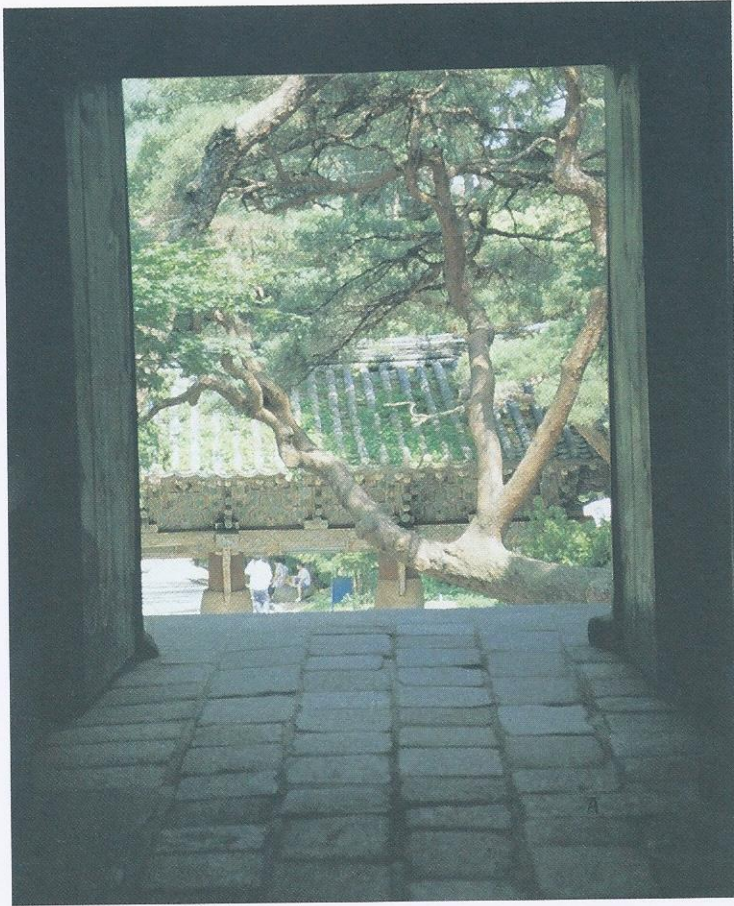
8. Храм Понджонса. Вид на павильон *Тэунджон* с лестниц главного входа

9. Храм Пусокса. Ворота *Аннъямун* и павильон *Мурыансуджон*

10. Храм Пусокса. Вид с верхней террасы перед павильоном *Мурыансуджон*

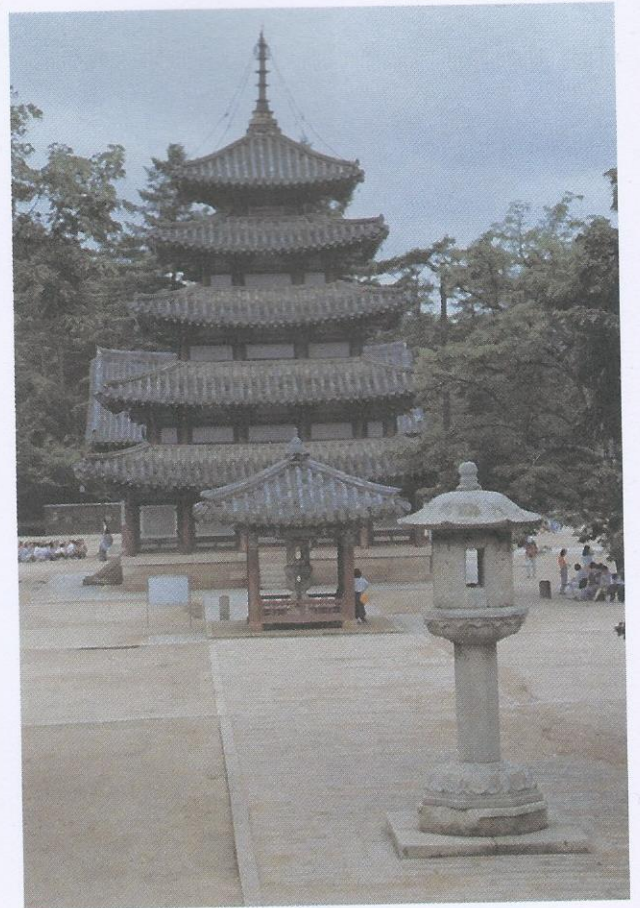
11. Храм Помоса. Вид из вторых ворот храма

12. Храм Помоса. Ворота *Ильчумун*

13. Храм Хваомса. Львиная пагода

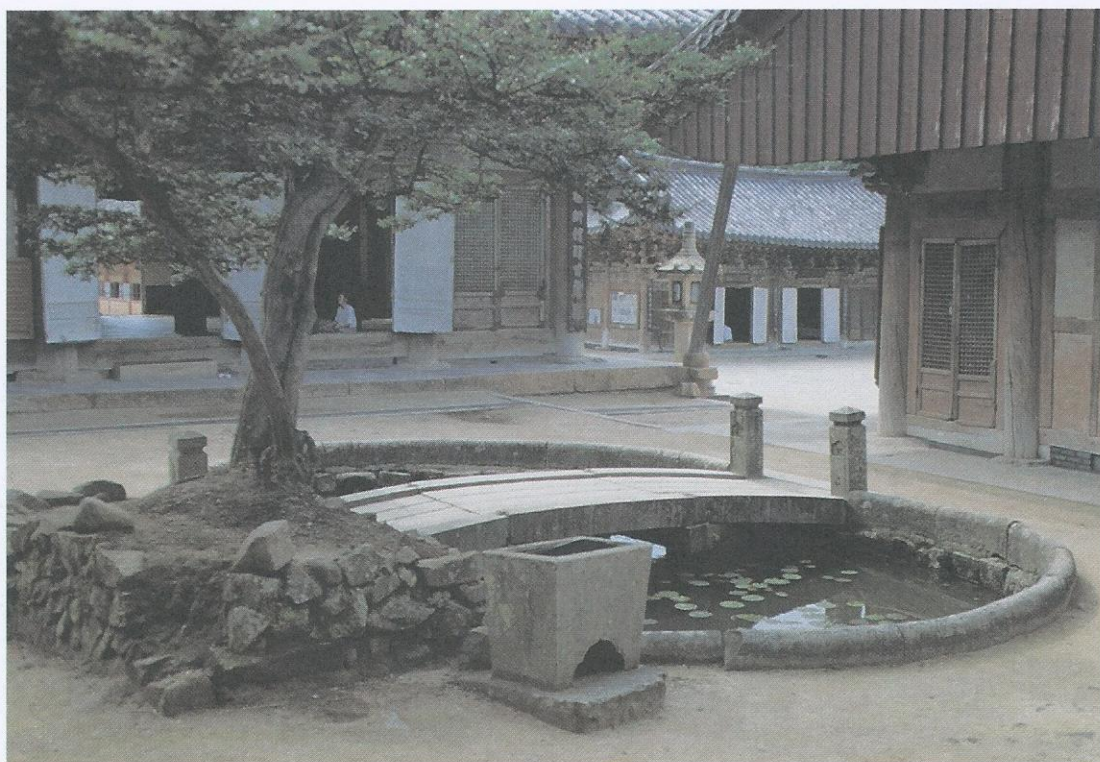
14. Храм Попчуса. Пятирусная пагода *Пхальсанджон*

15. Храм Хваомса. Двухъярусный павильон *Гакхваджон* (Буды Вайрочаны)

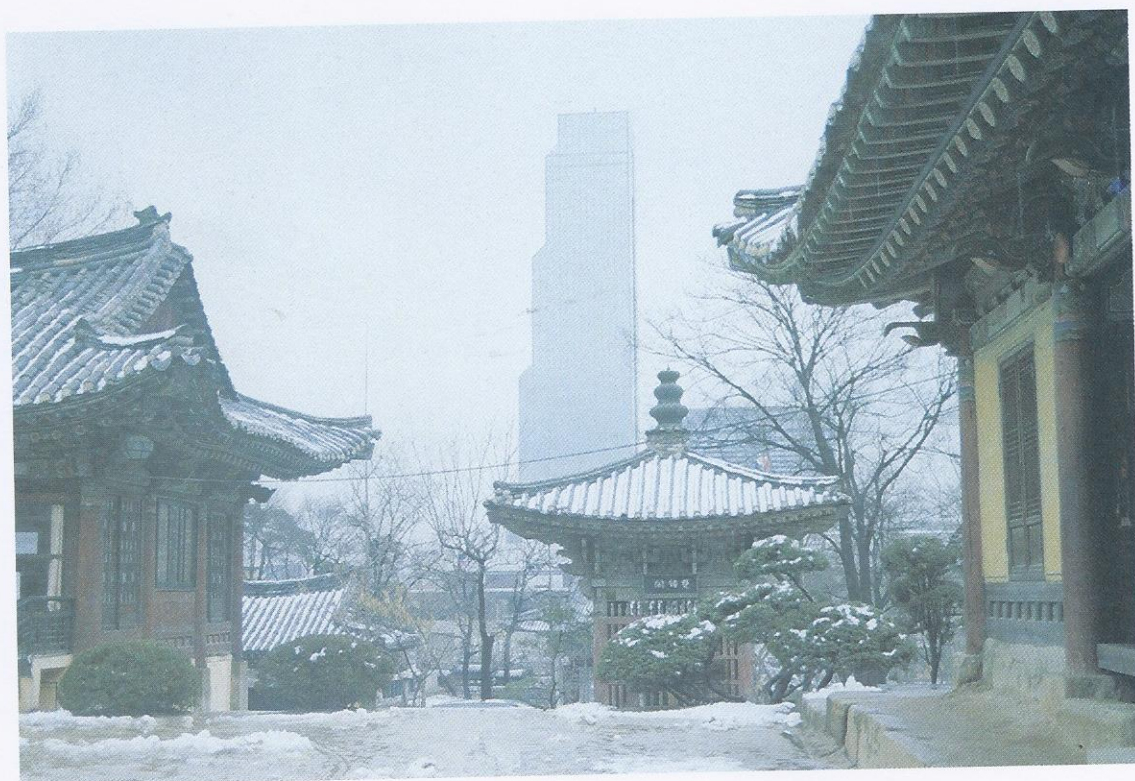
16. Храм Тхондоса. Павильон *Тэунджон*

17. Храм Тхондоса. Пруд Девяти Драконов

18. Храм Согванса. Входная часть

19. Сеульский храм Поньнса и силуэт Международного центра торговли

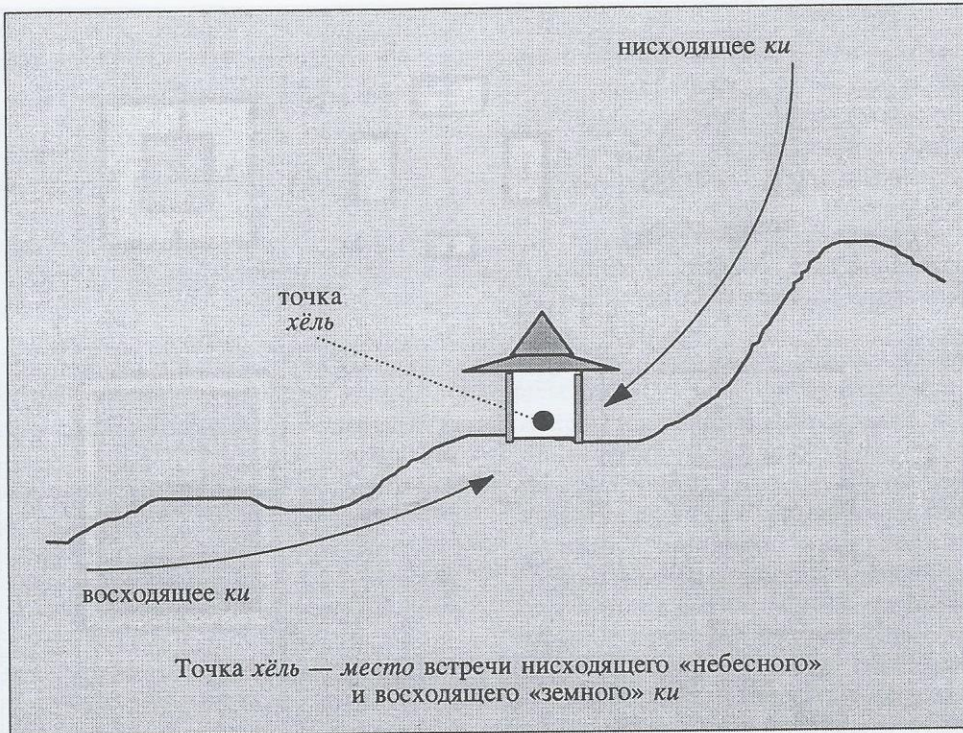

Рис. 34. Точка хэнь

остальные горы, то присутствие или сооружение какого-либо объекта, принадлежащего стихии Огонь в этом направлении, будет контролировать влияние стихии Металл, так как Огонь побеждает Металл.

Для анализа форм ландшафта, помимо названий пяти планет, в *пхунсу* часто применяется термин «дракон»³². Горы соотносятся с горным драконом, водный поток — с водным драконом. Горный дракон обладает важной функцией высвобождения «активного» *ки*, а также предохраняет *ки* от рассеивания ветром. Водный дракон блокирует движение *ки* и предохраняет его от растекания.

Горы описываются как различные виды драконов. Во-первых, чтобы место было благоприятным, каждая гора должна иметь вид «живого дракона», так как «мертвый дракон» не обладает способностью высвобождать *ки*. Во-вторых, дракон должен быть «подлинным», в противовес «фальшивому». В-третьих, он должен быть красивым, так как дракон уродливой формы неприемлем. Дракон должен располагаться в соответствующем направлении и позиции. Дракон в «искаженной позе» — неприемлем³³.

В то же время следует отметить, что характеристика форм драконов не является четко детерминированной, и это, скорее всего, относилось к области индивидуальной оценки мастера, практикующего *пхунсу*.

Выбор участка под строительство сводится к поиску такой ландшафтной ситуации, которая удовлетворяла бы рассмотренным выше требованиям к формам прилегающих гор, их взаимному расположению, наличию и направлению горного потока.

Еще один способ анализа формы гор связывается в *пхунсу* с концепцией девяти звезд, которые включают в себя семь звезд созвездия Большой Медведицы и две звезды, расположенные по соседству с ним. В этом случае названия звезд, принятые в древней астрономии, служат для обозначения формы горы.

2. Расположение сооружения на выбранном участке

Согласно учению *пхунсу*, чрезвычайно важное значение при размещении сооружений на выбранном участке имеет точное определение точки хэнь (кит. *сюэ*), в которой должна располагаться главная постройка. Буквальное значение этого слова — «пещера, нора». В *пхунсу* этим термином обозначается особая точка в пространстве, в которой происходит концентрация *ки*. «Активное *ки*» движется под земной поверхностью, и это отражается на топографии местности. Следовательно, существует возможность определить место максимальной аккумуляции *ки*, т.е. точку хэнь. Примечательно, что этот термин применяется в традиционной восточноазиатской медицине для обозначения аналогичных точек на теле человека при иглоукалывании. В метафизическом плане точка хэнь представляет собой место встречи нисходящего «небесного *ки*» и восходящего «земного *ки*». Применительно к формам природного ландшафта существует четыре стандартных вида точки хэнь: «гнездо», «щипцы», «грудь» и «выступ»³⁴. Пространство перед точкой хэнь именуется *Мэндан* — «Дворец света».

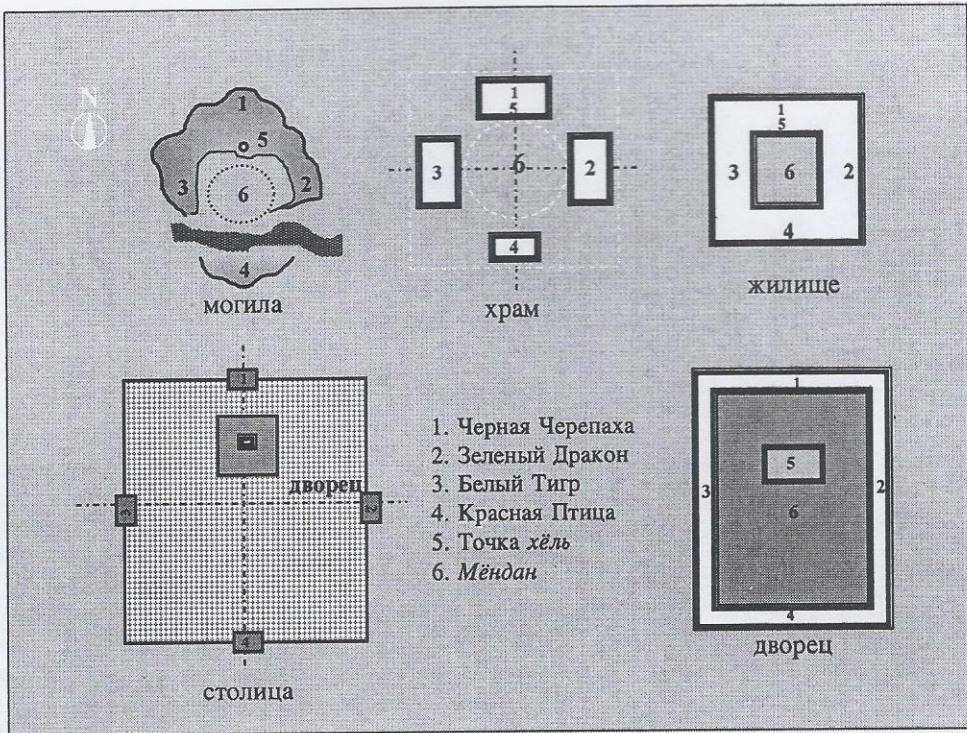

Рис. 35. Схемы планировки различных архитектурных объектов

В *пхунсу* существуют различные методы определения точек *хэнь* для «жилища живых» — *ян тхэк* и для «жилища умерших» — *ым тхэк*³⁵. Однако различия между ними носят непринципиальный характер. В случае *ым тхэк* («жилища для мертвых» — могилы) тело умершего воспринимает «активное *ки*» непосредственно от земли, что благотворно влияет на потомство умершего. В противовес этому архитектурные сооружения типа *ян тхэк* располагаются на земной поверхности и взаимодействуют с «активным *ки*» происходит опосредованно, вследствие чего большое значение придается правильному расположению, планировке самого сооружения и прилегающих построек. В противном случае циркуляция *ки* нарушится и благоприятный фактор не будет использован.

Принципы размещения сооружений на участке увязываются с древнекитайской космогонической моделью, включавшей в себя представления о Четырех Небесных Стражах, охраняющих Небесный Дворец:

- Зеленый Дракон (кор. *Чхоннён*) на востоке;
- Белый Тигр (кор. *Пэкхё*) на западе;
- Черная Черепаха (кор. *Хёнму*) на севере;
- Красная Птица (кор. *Чуджак*) на юге³⁶.

В ходе развития учения *пхунсу* эти термины, связанные с главными сторонами света, определение которых было важной составляющей всей процедуры³⁷, закрепились за не зависящими от ориентации по ним пространственными направлениями³⁸.

По традиционным представлениям, доминантным было южное направление, наделявшееся особо благо-

приятными свойствами³⁹. Поэтому главные входы в здания, главные оси храмовых и дворцовых комплексов и даже целых городов ориентировались в основном на юг. Промежуточные же направления — северо-восток, юго-восток, северо-запад, юго-запад — обладали отрицательными свойствами. На этих направлениях, считающихся неблагоприятными, влияние «земного *ки*» является наибольшим.

3. Расположение и ориентация основных элементов архитектурного объекта

В учении *пхунсу* выделяются следующие структурные элементы, расположение которых имело важное значение в пространственной организации архитектурного сооружения: ворота, главный и второстепенный павильоны, двор, кухня, колодец, туалет⁴⁰.

Важность значения ворот легко объясняется если использовать антропоморфную аналогию, уподобляющую весь комплекс человеческому телу, из которой следует, что «ворота — это рот дома»⁴¹. *Ки* проникает через ворота, отсюда расположение ворот — одна из ключевых точек во внутренней пространственной организации любого архитектурного сооружения. Различаются несколько типов ворот, соотносимых с различными уровнями в решении внутренних пространств:

- главные ворота (*тэмун*), относящиеся ко всему комплексу;
- средние ворота (*джунмун*), ведущие в центральную часть комплекса;

– внутренние ворота, ведущие во внутреннюю часть комплекса;

– главные двери, фиксирующие вход в главный павильон, зал;

– комнатные двери.

По учению *пхунсу*, циркуляция благоприятного (*ян*) и неблагоприятного (*ым*) *ки* обладает определенными особенностями. Благоприятное *ки* распространяется как по прямой, так и по кривой линии, тогда как неблагоприятное (и более тяжелое) *ки* распространяется только по прямой.

Эти представления обусловили характер расстановки храмовых ворот. В большинстве корейских храмов ворота располагаются не на одной линии, а с небольшими уступами в сторону (храмы Хэинса, Хваомса, Сонгванса), иногда их располагали под небольшим углом друг к другу (Пусокса, Ёнджуса, Помоса). В достаточно редких случаях, когда ворота храма устанавливались на одной прямой, проникновение вредного *ки* блокируется водным потоком, пересекающим эту линию (Попчуса, Магокса). В храме Ссангеса водный поток пересекает линию ворот дважды.

Главный павильон определяет композиционный и смысловой центр комплексов и располагается в точке *хэль*. Двор перед главным павильоном определяется в терминах *пхунсу* как *Мёндан*.

Расположение кухни или печи на участке и ориентация печного отверстия особенно важны при применении принципов *пхунсу* в планировке жилого дома. В общем, согласно *пхунсу*, кухня должна располагаться на неблагоприятном направлении относительно главного сооружения, но печное отверстие должно быть обращено на одно из трех благоприятных направлений.

Требования, предъявляемые к расположению колодца, таковы:

– он должен находиться на благоприятном направлении за пределами главного двора;

– колодец не должен иметь никакого запаха и должен быть удален от кухни и пруда;

– возле колодца не следует сажать цветы.

Туалет ассоциируется с загрязнением, и поэтому размещение его на участке считается негативным фактором, однако, чтобы свести его к минимуму, следует расположить туалет на неблагоприятных северовосточных направлениях, именуемых *кви-мун* — «Ворота духов», которые препятствуют проникновению «вредного *ки*»⁴².

4. Определение благоприятного времени для основных этапов строительства

Как уже упоминалось, в традиционной философии Восточной Азии представление о времени базируется на концепции хронологического цикла. Так как, согласно этим представлениям, время является качественно неоднородным, то выбор благоприятного мо-

мента для совершения какого-либо действия имеет очень важное значение. В равной степени это относилось к определению подходящего момента для начала основных этапов в сооружении объектов.

Наиболее элементарным требованием *пхунсу* к выбору времени строительства служило следующее указание: «Каждый год имеет двенадцать месяцев, и каждый месяц имеет фазы активного и пассивного *ки*. Только когда строительство производится в соответствии с фазой активного *ки*, благоприятное приходит и накапливается»⁴³.

Помимо этого, все рекомендуемые даты строительства не должны принадлежать стихии Земли. Это объясняется тем, что благоприятным для строительства является период, когда *ки* земли находится в экстремуме.

Как известно, четыре времени года — весна, лето, осень и зима — увязываются с соответствующими направлениями: восток, юг, запад и север. А саму дату строительства, обозначаемую парными иероглифическими знаками в традиционной циклической системе времяисчисления, тоже легко определить в соответствии с конкретным направлением по сторонам света, соответствующим этим знакам. Считается, что в случае совпадения этих направлений «энергия сезона» находится на подъеме и в этот момент строительство вести не следует. Отсюда один из дней под циклическими знаками *гё-ю*, рекомендуемыми для строительства в первом месяце весны по лунному календарю, принадлежит не восточному, ассоциируемому с весной, а противоположному — западному направлению. Считается, что таким образом ущерб, наносимый энергии сезона, сводится к минимуму.

Учение *пхунсу* оказало определенное воздействие на символику декора в традиционном зодчестве Кореи.

В этом смысле очень характерен пример сеульско-го дворца Кёнбоккун. Наличие на южном направлении горы Кванаксан, идентифицируемой как гора Огонь, с одной стороны, знаменует благоприятную ландшафтную ситуацию, так как Огонь горы сочетается с Огнем юга, но, с другой стороны, это означает угрозу пожаров. Поэтому возле *Канхвамун* — первых ворот дворцового комплекса — установлены изваяния мифических животных *хётхе*, пожиравших огонь, а в декоративном украшении комплекса большое место занимает символика, связанная с защитой от огня⁴⁴.

В архитектурном декоре (фрески, черепица) активно применялись изображения Четырех Небесных Стражей, которые свидетельствуют о наиболее древнем, основанном на мифологических представлениях периоде в формировании учения *пхунсу*.

В декоративном убранстве архитектурных сооружений значительную символическую нагрузку выполняет цвет. Желтый символизирует стихию Земли,

центр и гармонию; зеленый — стихию Древа, восток и весну, включая ассоциации с долгой жизнью, потенцией роста; юностью, процветанием; красный — стихию Огня, юг и лето, счастье, созидательную энергию, сексуальную потенцию жизни и света; белый — стихию Металла, запад и осень, неся негативное значение старости и увядания; черный — цвет стихии Воды, севера и зимы, одновременно увязывается с представлениями о смерти.

Пышноцветие буддийских храмов и дворцовых комплексов Кореи эпохи династии Ли при ближайшем рассмотрении складывается из тех же пяти основных цветов, образующих столь изощренную палитру. При этом доминируют зеленые и красные цвета, несущие наиболее благоприятную символическую нагрузку. Желтый употребляется для выделения наиболее значимых элементов росписи⁴⁵.

Проникновение учения *ихунсу* в Корею

Особое значение учения *ихунсу* для архитектуры буддийских храмов Кореи определило то, что воспринятый из Китая буддизм был уже в значительной мере трансформирован китайской культурой. Воздействие буддийской космогонии и религиозной практики на учение *ихунсу* весьма относительно. Тем не менее архитектура буддийских храмов в Корее, очевидно, была связана с учением *ихунсу* более сильно, нежели в Китае или в Японии. Так, большинство крупнейших храмов, такие, как Хэинса, Хваомса, Ссангёса, Пульгукса и т.д., были построены в полном соответствии с положениями учения *ихунсу*⁴⁶. Весьма показательно, что в Корее учение *ихунсу* часто практиковалось буддийскими монахами, тогда как в Китае оно по преимуществу находилось в ведении «мастеров *фэньшуй* (*ихунсу*)»⁴⁷.

Как упоминалось выше, большинство исследователей корейской традиционной архитектуры связывают проникновение *ихунсу* в Корею с появлением монаха Тосона⁴⁸ в конце периода Объединенного Силла. Однако имеется ряд существенных свидетельств в пользу того, что это учение применялось в корейской архитектуре гораздо раньше, начиная с конца периода Трех государств (I в. до н.э. — 668 г.).

Рассмотрим следующий пример. В 475 г. столица Пэкче — Намхансон (в р-не нынешнего Сеула) пала при вторжении Когурё. В том же году ван Мунджу (475–476) перенес столицу в г. Унджин (совр. Конджу), где был сооружен храм Тэтхонса. Предварительные исследования показали, что по масштабу он уступает только храму Мирыкса, построенному позднее в Иксане⁴⁹. Это свидетельствует о том, что храм Тэтхонса являлся храмом национального значе-

ния, в то время как остальные следует рассматривать как вспомогательные, второстепенные.

Из выясненных названий храмов обращают на себя внимание четыре: Намхёльса, Пукхёльса, Тонхёльса, Сохёльса, в которых повторяется иероглиф *хель*, буквальное значение которого — «нора, пещера».

Как уже отмечалось выше, в *ихунсу* этим термином обозначается особая точка в пространстве, в которой происходит концентрация *ки*. Расположение архитектурного сооружения в точке *хель* приносит процветание, так как человек вступает в резонанс с космическим мирозданием. И в самом деле, вблизи храмов Сохёльса и Намхёльса обнаружены пещеры, которые предположительно использовались в религиозных целях, однако это остается дискуссионным⁵⁰. Как мы уже отмечали, до сих пор не выяснено расположение храмов Пукхёльса и Тонхёльса.

В названия четырех храмов входят также иероглифы, обозначающие стороны света: *нам* — «юг», *пук* — «север», *тон* — «восток» и *со* — «запад». Это позволяет предположить существование какого-то центра, по отношению к которому храмы соответственно располагались на восточном, западном, южном и северном направлениях. Таким центром может служить храм Тэтхонса, по отношению к которому известные нам храмы Сохёльса и Намхёльса находились соответственно на западном и южном направлениях.

Изложенные факты позволяют сделать некоторые выводы:

остатки храмов Пукхёльса и Тонхёльса, по всей видимости, располагались соответственно к северу и востоку относительно Тэтхонса;

месторасположение Пукхёльса и Тонхёльса, возможно, связано с имевшимися поблизости пещерами естественного происхождения или ландшафтной ситуацией, в которой присутствует *хель*;

храм Тэтхонса и четыре храма (Тонхёльса, Намхёльса, Сохёльса, Пукхёльса) образовывали развернутую в пространстве структуру, центральными которой являлся храм Тэтхонса, а вспомогательными — четыре храма, фиксирующие четыре стороны света. Главный храм при этом по-прежнему располагается на равнине, в пределах городской застройки, в то время как расположение вспомогательных храмов свидетельствует о том, что при выборе места учитывались рекомендации на основе учения *ихунсу*.

Отмечая незначительный масштаб храмов близ г. Конджу и их расположение на горных склонах (а не на равнине), профессор Ким Сону приходит к выводу, что это было обусловлено политической и экономической слабостью Пэкче в рассматриваемый период, т.е. отсутствием возможности построить храмы в «полном объеме». Помимо этого, выдвигается предположение о том, что строительство храмов осуществлялось не правительством, а частными лицами, что

Рис. 36. Схема г. Конджу и его окрестностей

также могло послужить причиной меньшего масштаба сооружений⁵¹.

На наш взгляд, при таком подходе упускается еще одна деталь, не принятая во внимание корейскими исследователями: мелкие храмы, имевшие второстепенный и, очевидно, подчиненный характер относительно центра, которым являлся храм Тэтхонса, расположенный в столице, вместе с ним образовывали систему, корреспондирующую с космической моделью мира и отмечающую ключевые точки этой модели. Таким образом, наши представления о масштабе главного буддийского святилища Пэкче в этот период корректируются, так же как и представления о характере буддийского строительства в эту эпоху.

Следующим доказательством более раннего проникновения пхунсу в Корею может послужить храм Мирыкса. Как известно, после переноса столицы Пэкче в г. Пуё (538 г.) ван Му (600–641) планировал еще один перенос столицы в г. Иксан, где им был построен храм с тремя дворами, тремя пагодами и тремя павильонами. Обращает на себя внимание конфигурация ландшафта, в которую вписан храм. Горные отроги полукругом охватывают довольно плоский участок. Четко вырисовывающаяся на севере вершина с плоским участком в нижней части горы и мягко огибающими храм отрогами представляют собой поистине хрестоматийный пример места, где согласно пхунсу рекомендуется возводить архитектурное сооружение.

Храм, однако, располагается в месте, определяемом по пхунсу как *Мёндан*⁵². Тогда возникает вопрос,

каким образом в данной композиции была задействована точка хель? Однако и это становится ясным из хроники *Самгук юса*. В ней сообщается, что некогда здесь имелся небольшой храм Саджаса, при возвращении из которого перед ваном и его свитой внезапно возникли Три Будды Майтрейи (*Мирык*), воспарившие над находившимся там прудом. На этом месте и был построен храм Мирыкса⁵³.

Материалы раскопок также свидетельствуют о том, что в древности перед храмом существовал пруд, а кроме этого, через главный двор проходил небольшой канал, что, в соответствии с учением пхунсу, идентифицируется с таким понятием, как водный дракон.

Помимо приведенных примеров *Самгук юса* общает о том, что накануне падения государства Когурё, находившегося в северной части Кореи (т.е. до 668 г.) «даосские монахи из Китая бродили по Когурё, выверяя горы и реки и призывая добрых духов охранять их от злых сил. Они объявили, что старые городские стены Пхеньяна имеют форму старой луны, и приказали Нам Харёну построить вокруг старых новые городские стены в форме полной луны, назвав их Ёнонсон, чтобы они стояли тысячу лет»⁵⁴.

Все сказанное позволяет предположить, что проникновение учения пхунсу в Корею случилось гораздо раньше, чем это принято считать в современной исследовательской литературе. Мы относим это событие на конец V — начало VII в. и предлагаем выделить два этапа: на первом — отдельные элементы учения пхунсу использовались в сооружении второ-

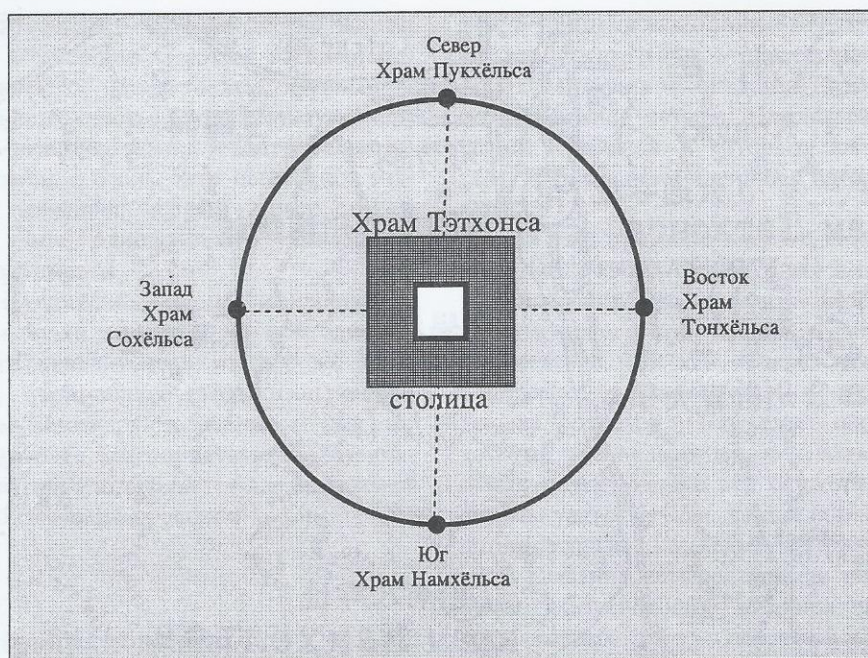

Рис. 37. Принципиальная схема расположения храмов в районе Конджу

степенных храмов (храмы Тонхёльса, Пукхёльса, Намхёльса и Сохёльса) в период, когда столицей Пэкче был Конджу (475–538), на втором — выбор участка для главного храма страны происходит в полном соответствии с учением *пхунсу* (храм Мирькса) в конце периода, когда столицей Пэкче был г. Пуё (538–660).

В данной работе не рассматривались вопросы, касающиеся возникновения и развития учения *пхунсу*, генезиса его терминологического аппарата и методики применения. Выделены лишь те его аспекты, которые имели прямое и косвенное отношение к специфике архитектурного мышления и оказывали влияние на развитие традиционной архитектуры Кореи.

Следует учитывать то, что более конкретная детерминация архитектурной формы, по всей видимости, происходит в иной сфере, в частности, в области ремесленных навыков, а в храмовом буддийском строительстве существенное значение имеет религиозная догматика буддизма. Несомненно, что в ряде положений учения *пхунсу* были зафиксированы практические требования, обусловленные климатическими условиями, бытовым укладом и другими реальными параметрами. Однако соображения такого рода, будучи включенными в целостную систему традиционных философских воззрений, приобретают чрезвычайно опосредованный, абстрактный характер.

В заключение следует еще раз подчеркнуть, что имеются все основания полагать, что в восточноазиатской архитектурной традиции учение *пхунсу* выполняло роль своеобразного теоретического аппарата для осмысления и формирования архитектурного сооружения. Продолжение исследования, несомнен-

но, будет способствовать более глубокому пониманию специфики становления и развития традиционной корейской архитектуры.

* * *

Буддийский храм является материальным воплощением существовавшего в представлениях его создателей умообразного образа архитектурного сооружения, на формирование которого оказали влияние как буддийская религиозно-философская традиция и буддийская космогоническая модель мира (*мандала*), так и традиционная восточноазиатская философия и аккумулировавшее древнекитайские космогонические представления учение *пхунсу*.

Эти компоненты концептуальной модели буддийского храма, как правило, взаимно дополняют друг друга, но в ряде случаев их сочетание представляется противоречивым. В отличие от буддийских храмов Индокитая и Тибета, в архитектуре корейских, за редким исключением, не наблюдается непосредственное отражение формообразующих принципов композиции, заложенных в *мандале*. В то же время концепция *мандалы* лежит в основе иерархии архитектурных сооружений храма, структурированной сообразно месту божества в буддийском пантеоне. Павильоны делятся на три категории: содержащие изображения архатов (людей, вступивших на путь личного спасения), бодхисатв (людей, познавших путь к нирване и ведущих по нему других) и будд (людей, достигших нирваны).

Определенное воздействие на композицию храмов оказала также концепция о «пути к нирване» и «Западного рая Будды Амиды».

Наряду с собственно буддийской составляющей большое влияние на храмовое зодчество оказало учение *пхунсу*, согласно которому архитектурное сооружение играло особую роль во взаимоотношениях человека с универсумом. Положение строения в пространстве, его ориентация и время строительства представляли своего рода систему знаков, наделенных определенным смыслом. При возведении архитектурного сооружения должны были в полной мере учитываться топографические характеристики местности, связь с которой имела три аспекта:

- функциональный, предопределенный практическим назначением здания;
- формальный, обусловленный конфигурацией и ориентацией элементов окружающего природного ландшафта;
- символично-метафизический, отражавший сложившиеся в традиционной культуре представления о мироздании.

В соответствии с учением *пхунсу* наиболее значимые элементы архитектурного комплекса (главный павильон, двор, колодец, кухня, туалет) наделяются специфическими характеристиками метафизического плана. Размерам сооружений, а также другим аспектам, связанным с понятием числа (количество колонн, интерколумниев, ярусов кровли и т.д.), придавалось символическое значение, не совпадающее с символикой числа в буддийской традиции.

Символика декоративных элементов по учению *пхунсу* (защитная и благоприятная) связана с древне-

китайской космогонической моделью мира и пересекается с буддийской символикой (лотос, лев, свастика и т.д.). Положенная в основу пространственной иерархии буддийского храма, концепция *мандалы* дополняется содержащимся в учении *пхунсу* требованием к расположению главного сооружения в точке *хэнь*, отмечающей место аккумуляции позитивной энергии.

Анализ архитектуры ранних буддийских храмов Пэкче (до 660 г.) в свете учения *пхунсу* дает нам возможность выдвинуть гипотезу о местонахождении двух не обнаруженных до настоящего времени храмов в районе г. Конджу (Пукхёльса и Тонхёльса). Одновременно результаты проведенного исследования позволяют нам отнести датировку проникновения учения *пхунсу* в Корею к гораздо более раннему периоду, нежели это было принято. Мы считаем, что это произошло не в конце IX в., как считалось прежде, а в конце V — начале VII в., т.е. примерно на три столетия раньше.

Общефилософские постулаты и религиозная догматика корейского буддизма составили теоретическую основу концептуальной модели буддийского храма. Благодаря учению *пхунсу* он вписывался в конкретную природную среду. Воплощение буддийского храма в реальных архитектурных формах осуществлялось посредством применения конструктивной системы *тугон*. Совокупность этих трех составляющих и определила своеобразие буддийской архитектуры Кореи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Начиная с середины VI в. история Кореи неразрывно связана с буддизмом. Буддизм оказал огромное влияние на развитие искусства, архитектуры и культуры Кореи в целом. С самого начала буддизм воспринимался как одна из сторон китайской культуры, авторитет которой, невзирая на все перипетии политических взаимоотношений с Китаем, оставался неизменно высоким на протяжении всей истории Кореи. Это обусловило сравнительно быстрое восприятие буддизма и, кроме того, предопределило его развитие в Корее главным образом в китаизированной форме «махаяны».

За 1500 лет своего развития буддийская архитектура проходит долгий и сложный путь становления. Исчезают с лица земли грандиозные ансамбли периода Трех государств. Растворяются в тумане прошлого великолепные многоярусные сооружения и пагоды, некогда определявшие облик древних столиц. Вытеснение буддизма с лидирующих позиций в официальной культуре периода династии Ли сопровождается развитием храмовых комплексов, размещаемых далеко в горах. От организации обширного ритуального пространства, вычленяемого в городской среде, архитектурные акценты смещаются в сторону живописного расположения храмовых построек и гармонизации композиции храма с природным окружением.

Расцвет буддийского строительства и всей культуры буддизма в Корее приходится на период правления династии Корё. Грандиозные комплексы, сооруженные в предшествующие периоды, поддерживались во всем их великолепии. Вся территория страны была усеяна многочисленными храмами, большими и малыми. Различные школы буддизма возводят собственные главные храмы, ставшие идеологическими и экономическими центрами этих течений корейского буддизма. В столице Кореи этого периода — г. Кэсон строится грандиозный комплекс, храм Ванхынса, в архитектуре которого отразилось все богатство планировочных и архитектурных приемов, выработанных в буддийской архитектуре Кореи за предшествующие периоды. Нашествия иноземных захватчиков обратили в пепел все это величие и роскошь, оставив лишь отдельные следы былого великолепия.

Приход к правлению династии Ли ознаменовал начало периода упадка официального буддийского строительства. Процесс храмового строительства все в большей степени сближается с традициями народ-

ного строительного искусства. Импджинская война, уничтожившая немногочисленные образцы буддийской архитектуры, которые уцелели в ходе других нашествий, и последовавшая вслед за этим в XVI в. унификация буддийских школ лишь усилили эту тенденцию.

Буддийская архитектура неразрывно связана со сложившимися представлениями о мироздании. Архитектурное мышление формируется в рамках, присущих традиционной системе мировоззрения понятий и логических построений.

Логика композиционного построения храма, согласно буддийской доктрине, предопределяет воплощение в композиции храма представлений об иерархии буддийского пантеона, отраженной в концепции *мандалы*, и осмысление пространств храма как *пути к просветлению, к нирване*.

Собственно буддийская составляющая в архитектуре храма представляется менее значительной, нежели влияние, оказанное учением *ихунсу*. Его теоретические постулаты способствовали разработке наиболее оптимальных вариантов соотношения природной среды и архитектурного сооружения, которому отводилась роль посредника во взаимоотношениях человека с универсумом. Зримо ощущаемое гармоничное слияние храма с природой отражает их столь же гармоничное взаимодействие и на метафизическом, концептуальном уровне.

Архитектура корейских буддийских храмов воплотила в себе многие особенности художественной культуры Кореи. Дошедшие до наших дней памятники храмового зодчества не только свидетели истории древней страны, но и прекрасные образцы вечно живого, не знающего границ искусства архитектуры. Их тонкий диалог с природным окружением, сомасштабность человеку и изящество декоративного убранства позволяют нам в полной мере ощутить обаяние малоизученной до сих пор системы художественного мышления, погрузиться в его загадочные глубины.

Секрет притягательности архитектурного образа буддийского храма таится главным образом в сокрытой от внешнего взора символической метафоре мироздания. Включение человека в ход обладающего иным ритмом и параметрами космического надличностного бытия составляет одно из самых волнующих и в то же время труднодоступных таинств древней корейской архитектуры.

Введение

¹ *Kim Duk-Whang. A History of Religion in Korea.* Seoul, 1988, с. 250.

² *Kim Sung-Woo. History and Design of Early Buddhist Architecture in Korea.* Ann Arbor, 1985, с. 249.

³ Датировка событий и периодизация корейской истории даны согласно традициям, установившимся в российской историографии Кореи. На русском языке по истории средневековой Кореи опубликовано два фундаментальных исследования: История Кореи. Пер. с корейского Ким Дюбона и др. Ред. и предисл. М.Пака. Т. 1. М., 1960; История Кореи (С древнейших времен до наших дней). М., 1974.

⁴ *Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Повествование о восточных иноземцах.* Т. 2. М.—Л., 1950.

⁵ Ряд ценных свидетельств об архитектуре Сеула, некоторых храмов и крепостей приводятся в работах: Поездка Генерального штаба полковника Карнеева и поручика Михайлова по Южной Корее в 1895–1896 гг. — По Корее. Путешествия 1885–1896 гг. М., 1958; *Ялов В. Корейская — запретная страна.* СПб., 1904; *Серовский В. Корейская.* СПб., 1909.

⁶ См. работы О.Н.Глухаревой: Искусство Кореи. — Всеобщая история искусств. Т. 1–6. Т. 2, кн. 2. М., 1961; Архитектура Кореи. — Всеобщая история архитектуры. Т. 1–12. Т. 1, 9. М., 1970–1971. Пещерный храм Соккурам. — Корейское классическое искусство. Сборник статей. М., 1972; Искусство Кореи с древнейших времен до конца XIX века. М., 1982.

⁷ Характеристика корейского зодчества дана в монографии в общих чертах. Так, не получили достаточного освещения анализ композиционных принципов в традиционном зодчестве, роль и значение конструктивной системы *тугон* и ряд других специфических аспектов, относящихся к архитектурной проблематике. Однако, несмотря на то что монография носит четко выраженный искусствоведческий характер, значение этой работы для изучения корейской архитектуры трудно переоценить.

⁸ Ее специфика слабо отражена даже в таких фундаментальных трудах, как *Чон Чин Сок, Чон Сок Чхоль, Ким Чхан Вон.* История корейской философии. Т. 1. Пер. с кор. А.Ушакова. М., 1966.

⁹ *Васильев Л.С. Проблемы генезиса китайской мысли.* М., 1989.

¹⁰ *Караетьянц А.М. Первоначальный смысл основных конфуцианских категорий. — Конфуцианство в Китае: проблемы теории и практики.* М., 1982.

¹¹ *Кобзев А.И. Учение Ван Янмина и китайская классическая философия.* М., 1983.

¹² *Джарылгасинова Р.Ш. Древние когурёсцы (к этнической истории корейцев).* М., 1972; *она же.* Этногенез и этническая история корейцев по данным эпиграфики («Стела Квангэтхвана»). М., 1979.

¹³ *Ким Бусик. Самгук саги. Летописи Силла.* Изд. текста, пер., вступит. ст. и коммент. М.Н.Пака. М., 1959; (Далее: *Ким Бусик.* 1959. Пер. М.Пака); *он же.* Самгук саги. Кн. 2. Летописи Когурё. Летописи Пэкче. Хронологические таблицы. Изд. текста, пер., вступит. ст. и коммент. М.Н.Пака. М., 1995. (Далее: *Ким Бусик.* 1995. Пер. М.Пака).

¹⁴ С.В.Волков в своей монографии «Ранняя история буддизма в Корее», единственной до сих пор специальной научной работе по корейскому буддизму IV–IX вв., отмечал: «В советской историографии до сих пор отсутствуют не только работы по истории распространения буддизма в IV–IX вв., но нет вообще ни одной научной работы по корейскому буддизму — ни философской, ни религиоведческой, ни тем более исторической» (*Волков С.В. Ранняя история буддизма в Корее.* М., 1985, с. 11). См. также о буддизме в Корее: *Крывелёв И.А. История религий.* Т. 2. М., 1988, с. 308–313.

¹⁵ *Сёкино Тадаси. Изучение корейской архитектуры.* Токио, 1904 (на яп. яз.).

¹⁶ *Сёкино Тадаси. Изучение остатков архитектурных сооружений досиллаского периода.* Токио, 1910 (на яп. яз.).

¹⁷ Сведения о восстановительных работах и раскопках приводятся по статье корейского исследователя Ким Донхёна. См.: *Ким Донхён. Изучение корейской архитектуры вчера и сегодня. — Сборник Корейского архитектурного научного общества.* 1986, № 132, с. 16–18 (на кор. яз.).

¹⁸ *Сёкино Тадаси. Корейская архитектура и искусство.* Токио, 1941 (на яп. яз.).

¹⁹ В Японии были опубликованы работы Фудзисима Гайдзиро (Исторический очерк по корейской архитектуре, 1930; Храм Понджонса на горе Чхондысан, 1934; Ворота *Гэксамун* в Канльене, 1937) (Канлын — временная резиденция чиновников, совершавших периодические инспекции в провинции). В Республике Корея была переведена и опубликована работа: *Фудзисима Гайдзиро. Рассуждения по истории корейской архитектуры.* Сеул, 1969.

²⁰ *Ёнэда Миёдзи. Корейская архитектура до начала эпохи Чосон.* Пер. с яп. Сеул, 1976 (на кор. яз.).

²¹ *Ким Донхён. Изучение корейской архитектуры...*, с. 17.

²² Отчет о реконструкции павильона *Кыннаджсон* храма Мувиса стал первой научной работой такого рода, выполненной корейскими специалистами.

²³ *Ким Инхо. Исследование планировки храма Хэинса.* Диссертация. Университет Чхочпу, 1959 (на кор. яз.).

²⁴ *Хён Чханхо. Исследование о Пак Джахоне. — Архитектура.* Кн. 4, вып. 1. Сеул, 1959 (на кор. яз.).

²⁵ Иллюстрированный каталог национальных сокровищ. Т. 5. Каменные пагоды. Сеул, 1961; Т. 6. Деревянные здания. Сеул, 1962 (на кор. яз.).

В библиотеке Института востоковедения РАН имеется аналогичное издание: *Искусство Кореи.* Т. 1–15. Сеул, 1973–75 (на кор. яз.).

²⁶ *Ким Джэвон, Юн Мубён. Отчет об исследовании остатков храма Камынса.* Сеул, 1961 (на кор. яз.).

²⁷ Отчет о реконструкции храма Соккурам. Сеул, 1963 (на кор. яз.).

²⁸ *Син Ёнхун*. Собрание записей о древних строениях. Сеул, 1964 (на кор. яз.).

²⁹ *Чан Гиик*. Словарь корейской архитектуры. Сеул, 1967 (на кор. яз.).

Следует обратить внимание на то, что некоторые определения, данные автором таким основополагающим понятиям, как, например, «архитектура» или «композиция», на наш взгляд, надлежит рассматривать как дискуссионные. В то же время необходимо отметить, что ценность этого энциклопедического словаря состоит в том, что в нем приведены наименования практически всех элементов деревянных конструкций. Здесь также даны пояснения некоторых терминов, употреблявшихся в древнем зодчестве, в частности в учении *пхунсу*, использовавшемся при строительстве в средневековой Корее. Что касается общетеоретических категорий, то эта работа представляется чрезвычайно важной, так как она служит отправной точкой для профессиональной дискуссии по архитектурной терминологии в Республике Корея.

³⁰ *Сон Джонмок*. Исследование влияния, оказанного учением *пхунсу* на формирование столицы. — Проблемы города. Сеул, 1973, ноябрь (на кор. яз.).

³¹ Проблемы влияния, оказанного на традиционную корейскую архитектуру Кореи учением *пхунсу*, рассматриваются корейскими учеными в следующих работах: *Ли Ёнбом*. Учение *пхунсу*. — История Кореи. Т. 6. Сеул, 1975 (на кор. яз.); *Ли Сантхэ*. Учение *пхунсу* в начале эпохи Чосон. — Исторические исследования. Вып. 39. Сеул, 1987, с. 203–256; *На Ханбом*. Исследование расположения и пространственной композиции корейских традиционных деревень. Диссертация. Сеул, Сеульский национальный университет, 1986 (на кор. яз.); *Пак Сиок*. Исследование взаимосвязи учения *пхунсу* и архитектурной планировки. Диссертация. Сеул, Университет Корё, 1978 (на кор. яз.); *Хён Дуён*. Исследование учения о «жилище для животных» в корейской архитектуре. Диссертация. Сеул, Университет Хон-Ик, 1979 (на кор. яз.); *Чве Бёнхон*. Тосон и учение *пхунсу* в конце периода Силла и в начале периода династии Корё. — Исследование истории Кореи, № 11. Сеул, 1975 (на кор. яз.); *Lee Sang-Hae*. Feng-shui: its Context and Meaning. Ithaka, 1986; *Yoong Hong-Kee*. Geomantic Relationship between Culture and Nature in Korea. Taibei, 1976.

³² *Lee Sang-Hae*. Feng-Shui..., p. 289.

³³ *Юн Джансон*. История корейской архитектуры. Сеул, 1976 (на кор. яз.).

Не меньшей известностью пользуется работа, опубликованная крупнейшим корейским исследователем Чан Гёнхо, длительное время возглавлявшим Институт исследования культурного наследия, головное исследовательское учреждение Республики Корея (см.: *Чан Гёнхо*. Корейская традиционная архитектура. Сеул, 1992, на кор. яз.).

³⁴ *Джон Ингук*. Исследование стиля в корейской архитектуре. Сеул, 1974 (на кор. яз.).

³⁵ Классификация стилей конструктивной системы *тугон*, принятая автором, в настоящее время оспаривается, так как помимо упоминаемых в этом исследовании стилей *чусимпхо* и *тханхо* другие исследователи выделяют еще стиль *иккон*. Мы придерживаемся точки зрения последних.

³⁶ *Ким Донук*. История архитектурного ведомства в Корее. Сеул, [б.г.] (на кор. яз.).

³⁷ *Ким Хонсик*. Исследование идей *сирхак* в архитектуре. Сеул, 1972 (на кор. яз.).

³⁸ *Ан Ёнбэ*. Внешнее пространство в корейской архитектуре. Сеул, 1978 (на кор. яз.).

³⁹ *Ким Бонрёль*. Исследование композиции и размещения молитвенных павильонов в храмовой архитектуре эпохи Чосон. Сеул, 1989 (на кор. яз.).

⁴⁰ *Kim Sung-Woo*. History and Design...

⁴¹ *Ли Минсок*. Исследование формы кровли в древней корейской архитектуре. Диссертация. Сеул, Университет Корё, 1980 (на кор. яз.).

⁴² К работам этого плана относятся: *Ким Сонсу*. Исследование конструкций *тугон* эпохи Чосон. Сеул, 1981 (на кор. яз.); *Ли Ронги*. Правила сочленения конструкций *тугон* в корейской деревянной архитектуре. Кванджу, 1984 (на кор. яз.); *Ли Чониль*. Исследование изменения конструкций *тугон* в древней корейской архитектуре. Кванджу, 1982 (на кор. яз.).

⁴³ Научные отчеты о результатах раскопок остатков храмов, обследований существующих построек, ходе и характере проводимых реставрационных мероприятий представляют собой наиболее полные и достоверные источники сведений по корейской архитектуре. Помимо графических материалов по результатам обмеров, многочисленных фотографий, здесь приводятся исторические сведения по исследуемому объекту из весьма авторитетных исторических источников (династийные хроники, описания провинций, храмовые хроники и т.д.).

⁴⁴ Подобные несоответствия графических материалов были выявлены при натурном обследовании храмов Хэинса, Пульгукса, Соккурам, Кысанса, Мирькса, Тхондоса, Помоса, Ссангёса, Хаомса, Тхэанса, Силлыкса, Чогёса, Хвагёса, Понджонса, Пусокса, Понвонса и ряда других, выполненных автором в периоды пребывания в Корее в 1990–91 и 1996 гг. Этот факт ставит под сомнение точность обмерных чертежей, приводимых корейскими исследователями до 1975 г. Наибольшей достоверностью обладают материалы, публикуемые Институтом исследования культурного наследия (Мунхваджэ ёнгусо).

Глава 1

¹ *Ким Ёнджун*. Исследование гробниц с настенной живописью периода государства Когурё. Пхеньян, 1958 (на кор. яз.).

² Летописная хроника *Самгук саги* («Исторические записи Трех государств») была создана в 1145 г. выдающимся военным и политическим деятелем Кореи периода Корё — Ким Бусиком. Это наиболее ранний из сохранившихся исторических памятников. *Самгук саги* построена по образцу китайских династийных хроник и включает основные летописи, хронологические таблицы, описания и биографии. Вся летопись состоит из 50 *квонов* (*цзюаней*), из которых 12 занимают летописи Силла, 10 — летописи Когурё, 6 — летописи Пэкче, 3 — хронология, 9 — описания и 10 — биографии. М.Н.Пак отмечает, что для изучения ранней истории Кореи это сочинение имеет такое же значение, как, например, «Повесть временных лет» для истории древней Руси (*Пак М.Н.* Летописи Силла и вопросы социально-экономической истории Кореи. — *Ким Бусик*. 1959. Пер. М.Пака, с. 8).

³ Здесь и далее фрагменты из *Самгук саги* Ким Бусика даются по изданию: *Ким Бусик*. 1995. Пер. М.Н.Пака, с. 79; см. также: *Ким Бусик*. *Самгук саги*. Пер. на совр. кор. яз. и коммент. Ли Бёндо. Сеул, 1983. Т. 1, с. 329 (на кор. яз.). (Далее: *Ким Бусик*. 1983. Пер. Ли Бёндо).

⁴ Летопись *Самгук юса* (Забывшие деяния Трех государств) была написана буддийским монахом Ирёном (XIII в.) и является вторым по значению после *Самгук саги* источником

сведений по ранней истории Кореи и по существу единственным источником по ранней истории корейского буддизма. В отличие от *Самгук саги*, являвшейся официальной летописью, произведение Ирёна относится к жанру неофициальных хроник.

⁵ *Ким Бусик*. 1995. Пер. М.Н.Пака, с. 80; см. также: *Ким Бусик*. 1983. Пер. Ли Бёндю. Т. 1, с. 330; *Июон*. *Samguk yusa*. Transl. by Na Tae-Hung, Gratton K. Mintz. Seoul, 1972, p. 177.

⁶ *Ким Бусик*. 1995. Пер. М.Н.Пака, с. 81; см. также: *Ким Бусик*. 1983. Пер. Ли Бёндю, т. 1, с. 330.

⁷ *Ким Бусик*. 1995. Пер. М.Н.Пака, с. 81; см. также: *Ким Бусик*. 1983. Пер. Ли Бёндю, т. 1, с. 323, 330.

⁸ *Ким Бусик*. 1995. Пер. М.Н.Пака, с. 90; см. также: *Ким Бусик*. 1983. Пер. Ли Бёндю, т. 1, с. 338.

⁹ *Июон*. *Samguk yusa*, p. 193–197.

¹⁰ Краткую информацию о результатах раскопок ранних буддийских храмов Кореи и публикациям см. в Приложении.

¹¹ См. Приложение.

¹² См. Приложение.

¹³ Корейский исследователь Ким Сону излагает эту гипотезу следующим образом: «Прямых свидетельств о том, что храм, обнаруженный близ д. Чхоннамни, является храмом Кымганса, построенным ваном Мунджу в 498 г., не существует. Однако в географическом описании *Тонгук ёджи суннам* (книга 15), составленном в XV в., в части, посвященной историческим находкам в районе Пхеньяна, зафиксировано, что Кымганса располагался в районе д. Чхоннамни. Это подтверждается тем, что население района из поколения в поколение передавало сведения о факте принадлежности данного участка храму Кымганса. Топоним Кымган использовался в этом районе для названия реки, долины и т.д. Таковы по крайней мере косвенные свидетельства в пользу идентификации этого храма как Кымганса. В *Корёса* («Истории династии Корё») сообщается о том, что ван Сукджон на седьмом году правления (1102 г.) посетил Кымганса и осмотрел остатки разрушенной пагоды. Из этого по меньшей мере можно заключить, что в Кымганса существовали эти остатки, и они были настолько значимы, что ван посетил эти места. Кроме этого, из текста вытекает, что пагода была разрушена до начала периода династии Корё. Таким образом, представляется вполне убедительным отождествление остатков храма в Чхоннамни с храмом Кымганса. Значение подобного вывода заключается скорее в установлении даты сооружения этого храма, нежели в выяснении точного наименования. Остатки храма близ д. Чхоннамни, следовательно, можно датировать 498 г. (*Kim Sung-Woo*. *History and Design...*, p. 94–95).

¹⁴ См. примеч. 44 к данной главе.

¹⁵ См. Приложение.

¹⁶ *Ким Донхён*. Остатки когурёского храма Чхоннынса. — *Чонтхон мунхва*, 1983, август, № 133, с. 49 (на кор. яз.).

¹⁷ *Kim Sung-Woo*. *History and Design...*, p. 101.

¹⁸ *Мурата Дзиро*. Планировка ранних буддийских храмов Китая. Токио. 1966, с. 415 (на яп. яз.).

¹⁹ *Июон*. *Samguk yusa*, p. 205.

²⁰ Древняя китайская архитектура. Гонконг, 1982, с. 94–96 (на кит. яз.).

²¹ См. Приложение.

²² *Ким Бусик*. 1995. Пер. М.Н.Пака, с. 153; *Июон*. *Samguk yusa*, p. 178; *Ким Бусик*. 1983. Пер. Ли Бёндю. Т. 2, с. 48.

²³ *Июон*. *Samguk yusa*, p. 178.

²⁴ *Ким Бусик*. 1995. Пер. М.Н.Пака, с. 172.

²⁵ Так, например, отмечается деятельность монаха Кёмика, изучавшего буддизм в Китае, а затем в Индии (526 г.) у проповедника Педартха. По возвращении в Корею (531 г.) он был

принят ваном Соном и впоследствии с помощью 28 знаменитых буддийских монахов закончил 72 тома переводов буддийских сутр в храме Хюнгюна. См.: *Kim Duk-Whang*. *A History of Religion in Korea*. Seoul, 1988, p. 105; *Ли Ронхва*. Общая история корейского буддизма. Т. 1–3. Сеул, 1980, т. 1, с. 36 (на кор. яз.).

²⁶ *Ким Бусик*. 1995. Пер. М.Н.Пака, с. 176, 180.

²⁷ *Kim Duk-Whang*. *A History of Religion...*, p. 107.

²⁸ *Ким Бусик*. 1983. Пер. Ли Бёндю. Т. 2, с. 71; *Июон*. *Samguk yusa*, p. 143–144.

²⁹ История Кореи. М., 1974.

³⁰ Результаты археологических исследований в районе совр. г. Пуё детально излагаются в работах корейских исследователей. См.: *Чан Гёнхо*. Исследование архитектуры буддийских храмов государства Пэкче. Сеул, 1988, с. 26–49 (на кор. яз.); *Kim Sung-Woo*. *History and Design...*, p. 152–167.

Эти сведения можно обобщить следующим образом: известны 26 храмов, построенных в период, когда г. Саби (совр. г. Пуё) был столицей Пэкче (538–660). Расположение некоторых из них, таких, как Тоянса, Пэксоса, Чхиракса, Понганса, пока не установлено, 20 храмов обнаружено в районе г. Пуё, из них восемь не имеют установленных наименований. Идентификация названий храмов происходила главным образом посредством анализа надписей, имеющихся на остатках черепицы или на основе данных, содержащихся в исторических хрониках. Среди храмов с установленными названиями — Кымганса (следует отличать от когурёского Кымганса), Имганса, Чхонванса, Чхоннимса, Кваннымса, Кёнёнса, Ванхымса и Чхонёнса. Остатки четырех храмов в районе г. Пуё были исследованы, к ним относятся находившиеся в деревнях Кунсури и Тоннамни, а также остатки храмов Кымганса и Чхоннимса. Помимо этого, были проведены раскопки храма Мирькса в г. Иксане (в 35 км к югу от г. Пуё). Участки большинства необследованных храмов застроены или используются под поля. Несмотря на то что были обнаружены различные архитектурные детали (черепица, базы колонн и т.д.), в большинстве случаев они изменили первоначальное положение, поэтому установить расположение зданий, не говоря уже о планировке храма в целом, оказалось невозможным.

³¹ К 12 храмам, упоминаемым в исторических хрониках, относятся Хыннёнса, Чонджиса, Панныёнса, Пукхельса, два Тонхельса, Чумиса, Сохельса, Намхельса, Манильса, Сувонса, Тэтхонса (*Kim Sung-Woo*. *History and Design...*, p. 145).

³² Расстояние от пещер до храма различное. Так, например, храмы Намхельса и Сохельса расположены более чем в 100 м от пещер, а храм Чумиса — в двадцати. Пещеры естественного происхождения, но вполне вероятно, что они использовались в религиозных целях. Храм Манильса расположен рядом с двумя пещерами. В одной из них была обнаружена статуя сидящего Будды. Помимо этого, вокруг пещер были обнаружены различные каменные изделия. Однако датировка находок весьма затруднительна.

Пещера Чумиса достаточно мала и не содержит каких-либо следов человеческой деятельности, за исключением нескольких камней, образующих основание каменного святильника или подиума. В пещере Сохельса, расположенной приблизительно в 100 м от основного участка, были обнаружены несколько черепиц эпохи государства Пэкче, каменное изваяние сидящего Будды и несколько камней от основания пагоды. В пещерах храма Намхельса не найдено каких-либо предметов искусственного происхождения.

Подробное описание обнаруженных остатков в р-не г. Кёнджу см.: *Чан Гёнхо*. Исследование архитектуры..., с. 7–48; *Пак Ёнджин*. Исследование остатков храмов Сохельса и Намхельса близ г. Конджу. Конджу, 1966 (на кор. яз.).

³³ Храм упоминается в *Самгук юса* (см.: *Ilyon. Samguk yusa*, p. 235). Из текста следует, что этот храм уже существовал в годы правления вана Чинджу (576–579), т.е. до объединения Кореи государством Силла (668 г.).

³⁴ *Чан Гёнхо*. Исследование архитектуры..., с. 23.

³⁵ См. Приложение.

³⁶ См. там же.

³⁷ См. там же.

³⁸ *Юн Мубён*. Кымганса. Сеул, 1969, с. 47 (на кор. яз.).

³⁹ См. Приложение.

⁴⁰ См. там же.

⁴¹ *Kim Sung-Woo. History and Design...*, p. 163.

⁴² См. Приложение.

⁴³ Исследование остатков западной пагоды храма Мирькса было проведено Ким Хонсином, опубликовавшим результаты своих работ в 1979 г. Из результатов этой работы наибольший интерес представляет графическая реконструкция первоначальной формы каменных пагод храма. См.: *Ким Хонсик*. Отчет об исследовании западной пагоды и проект восточной пагоды остатков храма Мирькса в Иксане. Сеул, 1979 (на кор. яз.).

⁴⁴ Ценные сведения об архитектуре японских буддийских храмов этого периода, а также о влиянии, оказанном на становление архитектуры буддийских храмов Кореи (в особенности эпохи Пэкче), содержатся в работах японского исследователя Судзуки Какити (см.: *Suzuki Kakichi. Early Buddhist Architecture in Japan. Tokyo, 1970*).

Помимо сведений, приводимых о храме Ацукадера, большой интерес представляют данные о некоторых других храмах, строительство которых связывается с участием мастеров из Пэкче. В частности, сообщается о том, что в то же время, когда был построен храм Ацукадера (ок. 600 г.), по указу принца Сётоку-тайси (573–622) были возведены еще четыре храма. К ним относятся знаменитый храм Ситэннодзи в Осака, а также первый Хорюдзи (или Вокакусадера) и Тотибанадера. Дата строительства Ситэннодзи не определена, за исключением того, что он был сооружен в правление императрицы Суйко (592–628). На его участке, так же как и в храме Ацукадера, была обнаружена черепица стиля Пэкче. На месте учебного павильона, который был сооружен несколько позднее пагоды и главного павильона, в слое глины был обнаружен отпечаток кровельных конструкций.

⁴⁵ *Suzuki Kakichi. Early Buddhist Architecture...*, p. 434.

⁴⁶ Там же. Аналогичные сведения приводил отечественный историк М.В.Воробьев (см.: *Воробьев М.В. Древняя Корея. Историко-археологический очерк. М., 1961, с. 107*).

⁴⁷ На территории храма была обнаружена черепица, характер декоративного решения которой указывает на то, что ее изготовили мастера государства Пэкче.

⁴⁸ *Kim Sung-Woo. History and Design...*, p. 176.

⁴⁹ *Suzuki Kakichi. Early Buddhist Architecture...*, p. 50.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ *Kim Duk-Whang. History of Religion...*, p. 108.

⁵² *Ким Бусик*. 1959. Пер. М.Н.Пака, с. 128.

⁵³ *Ilyon. Samguk yusa*, p. 179.

⁵⁴ *Ким Бусик*. 1959. Пер. М.Н.Пака, с. 128.

⁵⁵ Там же, с. 129; *Ilyon. Samguk yusa*, p. 185–191.

⁵⁶ *Ким Бусик*. 1959. Пер. М.Н.Пака, с. 129.

⁵⁷ Строительство храма было завершено в 644 г. (см. там же, с. 131).

⁵⁸ Храм начал строиться в 553 г. и построен в 556 г. (см. там же, с. 132, 134).

⁵⁹ Там же, с. 134, 136, 140, 146.

⁶⁰ Там же, с. 158, 164.

⁶¹ *Ilyon. Samguk yusa*, p. 71, 80, 205, 214.

⁶² Результаты обследования остатков разрушенных храмов государства Силла приведены в одной из книг серии, посвященной архитектуре храмов Кореи, выпускаемой Институтом буддийских исследований. См.: *Остатки разрушенных храмов Силла. — Храмы Кореи*. Сеул, 1974 (на кор. яз.). В опубликованных материалах приведены сведения об археологических находках на территории обнаруженных храмов.

На месте храма Рёнхынса (г. Кёнджу, р-н Нэнамён, квартал Хваннамни) было несколько обломков черепицы. На месте храма Ёнмёса (г. Кёнджу, р-н Нэнамён, квартал Боанни) были открыты остатки каменного изваяния. В храме Чхонванса (г. Кёнджу, р-н Нэнамён, квартал Тхамни) были обнаружены следы пагоды. Все эти находки были сдвинуты с первоначального месторасположения, так как территория использовалась под рисовые поля. На участках храмов Синванса (г. Кёнджу, р-н Нэнамён, квартал Тхамни) и Самнанса (д. Сонгонни) были обнаружены парные опоры — *танган чиджо*, которые обычно располагаются перед храмом и используются под флагшток, отмечая нахождение храма. Расположение храмов Эгонса (р-н Нэнамён, д. Квантени), Ёнгёнса (р-н Нэнамён, д. Соанни) установлено предположительно. На каждом из этих участков трехъярусная каменная пагода. Однако эти сооружения относятся к более позднему периоду (середина XI в.). Другие следы первоначальных построек обнаружены не были.

⁶³ См. примеч. 67.

⁶⁴ См. Приложение.

⁶⁵ *Ilyon. Samguk yusa*, p. 214–215.

⁶⁶ См. Приложение.

⁶⁷ *Ким Бусик*. 1959. Пер. М.Н.Пака, с. 132. В *Самгук юса* приводится аналогичная легенда (см.: *Ilyon. Samguk yusa*, p. 198).

⁶⁸ *Ilyon. Samguk yusa*, p. 207.

⁶⁹ Там же, p. 209–210.

⁷⁰ Там же, p. 209.

⁷¹ Там же, p. 210.

⁷² Там же, p. 210–211.

⁷³ *Ким Бусик*. 1959. Пер. М.Н.Пака, с. 146.

⁷⁴ Детальное описание пагоды храма Пунхванса приводит О.Н.Глухарева. См.: *Глухарева О.Н. Искусство Кореи. М., 1982, с. 57–58*.

⁷⁵ См.: *Гу чжунго цзяньчжоу*. Древняя китайская архитектура. Гонконг, 1982, с. 62 (на кит. яз.).

⁷⁶ См. Приложение.

⁷⁷ *Kim Duk-Whang. A History of Religion...*, p. 116 (к сожалению, автор не указывает источник приведенного в цитируемом отрывке количества храмов — 808).

⁷⁸ *Ли Коон, Пак Сольсан*. Древние храмы в горах. Сеул, 1982 (на кор. яз.).

⁷⁹ В танском Китае сложились следующие направления: школа буддизма Тяньтай цзун (кор. Чхонтхэ, яп. Тэндай) была основана монахом Чжи (583–597) в период правления династии Суй. Идеологический акцент установлен на «Садхарма-пундарика-сутре» («Сутра Лотоса Благого Закона») (кор. *Попхвангён*) и некоторых других доктринах махаяны. Школа являлась ведущей в Китае VIII и XI вв.;

школа Саньлунь (Саньлунь цзун, кор. Самнон) имеет очень ранние корни (334–416), но полностью оформилась как самостоятельное направление в VII в.;

школа Чань (Чань цзун, кор. Сон, яп. Дзэн) была основана в Китае полуполюгендарным индийским монахом Бодхидхармой, действовавшим в первой половине VI в. (династия Лян). Полностью оформилась в самостоятельное направление в VII в., однако ранее по сравнению с другими школами не была влиятельной. Начиная с IX в. чань-буддизм становится

главным направлением буддизма в Восточной Азии. Отличительной особенностью является антисхоластическая направленность; большое внимание уделяется медитации и развитию интуитивного сознания;

эзотерическая школа Ми цзю (Ми цзун, кор. Мильджон) была популярной в середине правления династии Тан. В Корею больше известна как Чжэньян цзун (кор. Джинон). Это направление более связано с индийским и тибетским эзотерическим, тантрическим буддизмом. Акцентируется магический и церемониальный аспекты буддизма. Философское содержание учения этой школы в наиболее концентрированной форме отражается в мандале;

школа Хуаянь (Хуаянь цзун) базируется на положениях Аватамсака-сутры («Сутра цветочной гирлянды»). Школа сформировалась в самостоятельное направление в VI—VII вв. Принадлежит к двум школам доктринального направления буддизма;

школа Люй цзун (Винайя) (кор. Юльджон) имела большое влияние во время правления династии Суй в Китае и в период Трех государств в Корею;

школа Фасян цзун (кор. Попсан) — школа Дхармалакшаны — заложена знаменитым Сюань-цзаном (600–664) в поздний танский период, однако это направление не имело большого влияния.

Подробнее см.: *Reischauer E.O., Fairbank J. East Asia: the Great Tradition. Boston, 1958, p. 214–220; Китайская философия. Энциклопедический словарь. М., 1994, с. 333–334, 265–266, 439–440, 226–227, 382, 383, 196–198, 351.*

⁸⁰ Первым проповедником школы Юльджон был монах Чаджан, живший в период Трех государств, основавший знаменитый храм Тхондоса (*Kim Duk-Whang. A History of Religion...*, p. 122).

⁸¹ Там же, p. 119–121.

⁸² Школа Мильджон, в свою очередь, подразделялась на две школы: Сининджон (или Мундуру — ср. Мандала) и Джинонджон. Как раз первая из них и была связана с воздвижением храма Сачхонванса, а затем совершением в нем тайного обряда, после которого направившиеся к берегам Кореи китайские войска были разбиты поднявшимся в море штормом (там же, p. 121).

⁸³ Школа Хваом распалась на два враждующих течения, центрами которых являлись храм Пусокса (на г. Пугак) и храм Хваомса (на г. Чирисан) (там же, p. 120, 134).

⁸⁴ Ким Докван называет учение монаха Вонхё — Попсонджон. В учении Вонхё о Чистой Земле соединились положения сутры Саддхарма пундарика, положенной в основу школы Чхонтхэ, а также сутры Нирваны (там же, p. 123).

⁸⁵ Там же, p. 112.

⁸⁶ Таблица приводится с сокращениями, т.е. без указания имени основателя школы, а также периодов силаских королей (см. там же, p. 123). Из перечисленных в таблице храмов Самнанса, Онсанса и Кёнбокса не дошли до наших дней.

⁸⁷ Таблица приводится с сокращениями, т.е. без указания имени основателя школы, а также периодов силаских королей (см. там же, p. 129; *Волков С.В. Ранняя история...*, с. 85).

⁸⁸ К храмам VII в. отнесены лишь те, которые были сооружены после объединения Кореи в 668 г. Если включить те храмы, которые были сооружены до этой даты, то их количество достигает 25. В таком случае количество идентифицированных храмов, относящихся к каждому столетию, будет пропорционально действительному количеству храмов, возведенных в каждом веке.

Из 12 храмов второй половины VII в. три воздвигнуты в горах. К ним относятся Пусокса, Тхондоса и Хваомса. Эти храмы действуют и в настоящее время. Однако их первоначальный облик едва ли можно восстановить, так как они многократно перестраивались, восстанавливались после разрушения захватчиками и ни в одном из них не сохранилось первоначальных сооружений.

Из 13 храмов VIII в. четыре также возведены в горах. К ним относятся Кымсанса, Кальханса, Попджуса и Пэкюльса. Исследования этих храмов наталкиваются на аналогичную проблему, что и с храмами VII в. В целом это справедливо по отношению практически ко всем действующим храмам.

Из восьми храмов IX в. ни один не был сооружен с замыкающей пространство галереей. См.: *Ли Коон, Пак Сольсан. Древние храмы в горах...*

⁸⁹ *Ким Бусик. 1959. Пер. М.Н.Пака, с. 249.*

⁹⁰ *Волков С.В. Ранняя история...*, с. 62.

⁹¹ *Лиоон. Samguk yusa, p. 98.*

⁹² См. Приложение.

⁹³ См. там же.

⁹⁴ *Ким Бусик. 1959. Пер. М.Н.Пака, с. 205.*

⁹⁵ *Лиоон. Samguk yusa, p. 99.*

⁹⁶ См. Приложение.

⁹⁷ *Ким Бусик. 1959. Пер. М.Н.Пака, с. 199.*

⁹⁸ *Лиоон. Samguk yusa, p. 100.*

⁹⁹ Там же, p. 109.

¹⁰⁰ См. Приложение.

¹⁰¹ В английском варианте перевода *Samguk yusa* начало строительства Пульгукса датируется 742 г. (см.: *Лиоон. Samguk yusa, p. 382*). Согласно храмовым хроникам, основание храма произошло в VI в. (хроника храма опубликована в книге «Храмы Кореи». Кн. 1, Пульгукса. Сеул, 1974, с. 15–19, на кор. яз., подготовленной Исследовательским институтом корейского буддизма. Возможно, в 751 г. храм Пульгукса был построен на руинах некогда существовавшего более древнего храма. Даты строительства храма приводятся нами по результатам исторических и археологических исследований храма Пульгукса корейскими специалистами. См.: Доклад о реставрации храма Пульгукса. Сеул, 1973, с. 26–27 (на кор. яз.).

¹⁰² Детальное описание композиции храма и архитектуры пагод *Соккатхан* и *Таботхан* приводится в работе О.Н.Глухаревой (см.: *Глухарева О.Н. Искусство Кореи, с. 77–79*).

¹⁰³ О.Н.Глухарева ошибочно указывает название западной лестницы как «Мост Голубых и Белых облаков» (там же, с. 78).

¹⁰⁴ Детальное описание храма Соккурам и находящихся в нем скульптур приводится О.Н.Глухаревой (см. там же, с. 80–85).

¹⁰⁵ *Ким Донхён. Исследования корейской архитектуры вчера и сегодня. — Сборник научных работ Корейского архитектурного научного общества. Сеул, 1986, сентябрь, № 132, с. 16–18 (на кор. яз.).*

¹⁰⁶ Отчет о реконструкции храма Соккурам. Сеул, 1963 (на кор. яз.).

¹⁰⁷ При описании скульптур Соккурама О.Н.Глухарева называет центральную фигуру Будды — Буддой Шакьямуни, что, на наш взгляд, является неверным. Анализ иконографических особенностей изображения, т.е. положения рук (*мудра*), приводит нас к выводу, что статуя изображает Будду Амиду — Будду Западного рая. В частности, статуя Будды Амиды в храме Пусокса имеет абсолютно идентичные иконографические признаки (см.: *Глухарева О.Н. Искусство Кореи, с. 84, 224*).

¹⁰⁸ Согласно содержанию надписей на каменной плите, обнаруженной среди остатков храма, ныне хранящейся в Национальном музее (г. Сеул), а также сообщению *Samguk yusa*, храм служил резиденцией выдающегося деятеля корейского буддизма — монаха Вонхё (ум. в 686 г.) (см.: *Лиоон. Samguk yusa, p. 312*).

¹⁰⁹ См. Приложение.

- ¹¹⁰ Suzuki Kakichi. *Early Buddhist Architecture...*, p. 86.
- ¹¹¹ Kim Дженхи. Основные принципы восстановления и реконструкции городов КНДР. Канд. дис. М.: МАРХИ, 1953, с. 19 (рукопись).
- ¹¹² К 70 храмам, сооруженным в районе Кэгёна (г. Кэсон), относятся: Попванса, Ваннюнса, Чуанса, Ирвольса, Нэджэсоквон, Оджэсоквон, Сагонса, Чонсонса, Сиджукса, Синынса, Монсосо, Вондонса, Чиджанса, Тэхынса, Киёдан, возведенные до основания г. Тхэджо при династии Корё (до 918 г.); Анхваса, Поджэса, Кэгукса, Менсонса, Кванынса, Ихёкса, Нэчхонванса, возведенные после основания г. Тхэджо при династии Корё; Попынса, Кыйпонса, Хохваса, Юамса, Самгоса, построенные в период правления вана Кванджона (950–975); Хэндукса, Чингванса, Хонхоса, Чонсуса, Монданса, Мёрюнса, Хванмёнса, Косана, Поквонса, Пурынса, Ёнхынса, Сипванса, Квонджонса, Джынсанса, Хэанса, Консонса, Собунса, Чаунса, Суннынса, Тэунса, Хонвонса, Мёдонса, Пономса, Плджеса, Тонмльса, Понсонса, Инвёнса, Хынванса, сооруженные после вана Кёнджона (после 976 г.).
- ¹¹³ Kim Duk-Whang. *A History of Religion...*, p. 131.
- ¹¹⁴ Об учении пхунсу подробнее см. гл. 3.
- ¹¹⁵ В конце периода Объединенного Силла и в начале периода правления династии Корё различные школы корейского буддизма делились на два основных направления: догматический буддизм (кёджон) и медитативный (сонджон). В свою очередь, в кёджон выделяют пять основных школ. При этом существуют различные мнения о том, какие именно школы входили в эту пятерку, так как на самом деле их количество превышало названное число. Поскольку в задачи нашего исследования не входит обсуждение данной проблемы, мы просто перечислим те школы, которые по тем или иным причинам причислялись к ведущим школам догматического буддизма. К ним относятся: Намсан (Юльдзон, Попсан), Попсон (Джундо, или Чоньхо), Ёльбан, Хваом (Вонён), Сихын. К школам медитативного буддизма Сон причисляют школы девяти гор: Каджисан, Сильсасан, Сагульсан, Тоннисан, Саджасан, Сонджусан, Поннимсан, Хыйянсан, Сумисан. Школы Чоге и Чонтхэ занимали промежуточное (в теологическом смысле) положение между этими двумя основными направлениями. При этом школа Мильджон, не вошедшая в список пяти главных школ, какое-то время пользовалась симпатиями ванского двора, однако эту школу относят к направлениям догматического буддизма, так как магический и ритуальный аспект этого учения в Корее был менее ярко выражен, нежели в Китае, Японии и Тибете. Главный храм этой школы буддизма — Соёнса был основан на горе Самгаксан в правление вана Чонджона (1035–1046). (Kim Duk-Whang. *A History of Religion...*, p. 166–169).
- ¹¹⁶ Там же, p. 161.
- ¹¹⁷ Два главных подразделения буддизма — доктринальный (кёджон) и медитативный (сонджон) — имели различные системы ранжирования. Для монахов первого направления существовали ранги Тэсон, Тэдок, Тэса, Джиндэса, Самджынса, Согва и Сындон, для монахов второго — Тэсон, Тэдок, Тэса, Джиндэса, Самджондэса, Сонса и Тэсонса. Последние ранги — Сындон и Тэсонса являлись самыми высокими для буддийского монашества. Позднее (19-й год правления вана Кванджона, 950–975 гг.) были введены звания Ванса («Ванский наставник») и Кукса («Государственный наставник»).
- ¹¹⁸ Kim Duk-Whang. *A History of Religion...*, p. 135.
- ¹¹⁹ История Кореи. Т. 1, с. 176–177.
- ¹²⁰ Здесь и далее информация о буддийских храмах, расположенных на этой территории, помимо особо оговоренных случаев приводится по компилированным из японских источ-

ников сведениям, опубликованным в Республике Корея Исследовательским институтом корейского буддизма. См.: Корейские храмы. Т. 1–18, Сеул. 1976–1990; Т. 17. Храмы Северной Кореи. Сеул, 1978 (на кор. яз.).

¹²¹ Joo Nam-chul. *Buddhist Temple Architecture in Korea*. — Koreana. 1989, vol. 3, № 1, p. 27.

¹²² Kim Seong-jin. *Pusoksa mon amour*. — Koreana. 1989, vol. 3, № 1, p. 4–5 (легенда приводится с сокращениями).

¹²³ Kim Бусик. 1959. Пер. М.Н.Пака, с. 197.

¹²⁴ Сведения о постройках храма приводятся согласно натурному обследованию храма, выполненному автором в 1991 г., и материалам, опубликованным корейскими исследователями. См.: Храмы Кореи. Т. 2. Храм Пусокса. Сеул, 1976 (на кор. яз.).

¹²⁵ Эта гипотеза была выдвинута корейским исследователем Юн Хисаном в ходе семинара, посвященного проблемам традиционной корейской архитектуры, состоявшегося в университете Хон-Ик в июне 1991 г.

¹²⁶ Краткая информация по этим сооружениям приводится в справочнике по традиционной архитектуре, подготовленном Ким Бонрёлем. См.: Ким Бонрёль. Корейская архитектура. Сеул, 1985, с. 75, 98–99, 223–225, 226–227 (на кор. яз.).

¹²⁷ В тексте название храма дано в корейском произношении. См.: Древняя архитектура Китая. Гонконг, 1982, с. 65–66 (на кит. яз.).

¹²⁸ Joo Nam-chul. *Buddhist Temple Architecture...*, p. 28.

¹²⁹ Kim Duk-Whang. *A History of Religion...*, p. 185.

¹³⁰ О пхунсу см. подробнее гл. 3 наст. книги.

¹³¹ К одиннадцати школам относились: Чоге, Чонджи, Чонтхэ Соджа, Чонтхэ Попсан, Хваом, Домун, Джэун, Джундо, Синин, Намсан и Сихын. После сокращения осталось семь школ: Чонтхэ (объединившая Чонтхэ Соджа и Чонтхэ Попсан), Чоннам (объединившая Чонджи и Намсан), Чоге, Хваом, Джэун, Джунин (объединившая школы Джундо и Синин) и Сихын (см.: Kim Duk-Whang. *A History of Religion...*, p. 189–190).

¹³² Там же.

¹³³ Joo Nam-chul. *Buddhist Temple Architecture...*, p. 28.

¹³⁴ На месте храма теперь находится сеульский Парк Пагоды. В центре парка стоит 13-ярусная пагода храма Вонгакса. Ее нижние три яруса имеют квадратное сечение. Каждый ярус отделен карнизами, высеченными в форме традиционных черепичных кровель. Детали декора воспроизводят деревянные конструкции. Стены ярусов заполнены каменной резьбой на буддийские сюжеты.

¹³⁵ Kim Duk-Whang. *A History of Religion...*, p. 222–226.

¹³⁶ Там же.

¹³⁷ Основные постройки храма Тхондоса в существующем на сегодня виде были сооружены или реконструированы: ворота Ильджумун — ориентировочно XIX в., ворота Чхонванмун — XVII–XVIII вв., ворота Пуримун — ориентировочно XVII–XIX вв., павильон Тэунджон — 1644 г., колокольный павильон Чонгору — 1686 г., павильон Кыннакбоджон — XVII в., павильон Мансеру — 1644 г., павильон Ёнсанджон — 1704 г., павильон Яксаджон — 1704 г., павильон Хванхвагак — 1899 г., павильон Кванымджон — дата не установлена, ориентировочно после XVII в., павильон Ёнхваджон — 1725 г., павильон Тэгванмёнджон — 1725 г., павильон Хэджанбогак — ориентировочно конец XIX в., павильон Сёджонпизак — 1706 г., Мёнбуджон — 1888 г., павильон Имджинджон — 1677 г., павильон Самсонгак — 1935 г., павильон Самсингак — 1863 г., каменная трехъярусная пагода перед восточным фасадом павильона Тэунджон — 1020 г., каменная пагода Понбалътхан — период Корё. Главное сооружение комплекса — пагода Саритхан — впервые была

сооружена в 646 г. и подвергалась реконструкциям в 1377, 1603, 1652, 1705, 1743 и 1823 гг.

¹³⁸ Основные постройки храма Хэинса в существующем на сегодняшний день виде были сооружены или перестроены: павильон *Тэджоккванджон* — 1817 г., павильоны *Судараджон* и *Понподжон* — 1488 г., павильон *Кугванну (нугак)* — 1878 г., павильон *Мёнбуджон* — 1873 г., павильон *Ымджинджон (Наханджон)* — 1817 г., павильон *Чхусольдан* — 1817 г., павильон *Хэнхэдан (Чосадан)* — 1899 г., павильон *Кёнхаквон (Кёнходжон)* — 1892 г., павильон *Куксадан* — 1855 г., ворота *Хэтхальмун* — 1817 г., ворота *Понхвамун* — 1817 г., ворота *Ильчумун* — XX в.

¹³⁹ Основные постройки храма Хваомса были сооружены заново или перестроены: павильон *Тэуджон* — 1636 г., павильон *Гакхванджон* — 1701 г., павильон *Вонтходжон* — 1703 г., *Поджеру (нугак)* — 1827 г., павильон *Мёнбуджон* — 1630 г., павильон *Наханджон* — 1795 г., павильон *Ёнсанджон* — 1874 г., павильон *Самджон* — 1836 г., павильон *Токджанджон* — 1630 г., колокольный павильон *Унгогак* — 1918 г., павильон *Чонмутан* — 1798 г., павильон *Манвольдан* — 1985 г., ворота *Кымганмун* — дата строительства неизвестна, ворота *Ильчумун* — 1630 г.

¹⁴⁰ Храм Ссангёса был основан школой Сон в IX в. Основные постройки храма были сооружены и реконструированы: павильон *Тэунджон* — 1735 г., павильон *Самсонгак* — ориентировочно XVII–XIX вв., павильон *Мёнбуджон* — 1710 г., *Соллудан* (жилой павильон) — дата строительства неизвестна, павильон *Наханджон* — 1641 г., ворота *Ильчумун* — 1641 г. (капит. ремонт — 1977 г.), ворота *Кымганмун* — 1641 г. (капит. ремонт — 1979 г.), ворота *Чхонванмун* — 1825 г. (капит. ремонт — 1978 г.), мемориальная стела *Чингансонса Тэжонтхаппи* — 850 г.

Глава 2

¹ При некоторой спорности такого подхода к композиции буддийских храмов Кореи он достаточно широко используется в корейских исследованиях (см., например: *Юн Джансон. История корейской архитектуры.* Сеул, 1983 (на кор. яз.); *Ан Ёнбэ. Внешнее пространство в корейской архитектуре.* Сеул, 1988 (на кор. яз.); *Джон Ингук. Исследование стиля в корейской архитектуре.* Сеул, 1974. Т. 9; *Kim Sung-Woo. History and Design...*, а также в японских (*Сёкино Тадацу. Корейская архитектура и искусство.* Токио, 1941 (на яп. яз.); *Ёнэда Миёдзи. Исследования корейской архитектуры до начала эпохи Чосон.* Сеул, 1976). В силу установившейся научной традиции мы сочли необходимым посвятить ему небольшой раздел нашего исследования, в котором композиция буддийских храмов Кореи также рассматривается в рамках такого подхода.

² Эта точка зрения поддерживается Джон Ингуком, Юн Джансопом, Ан Ёнбэ и Ким Сону.

³ Корейский исследователь Син Ёнхун в результате смешения в одну группу храмов национального значения и специального назначения выделяет шесть типов композиций, что, на наш взгляд, является спорным. С другой стороны, вполне справедливым представляется выделение композиции храма Сачхонванса в отдельную разновидность. См.: *Син Ёнхун. Архитектура храмов.* — Архитектура Кореи. Т. 13. Сеул, с. 174.

⁴ Наиболее последовательно такого рода классификация разработана Джон Ингуком.

⁵ Особенно отчетливо это прослеживается на каменных пагодах периода Корё, что, по всей видимости, связано с тем,

что и сам центр буддийского строительства переместился в г. Кэсон, исторически связанный с государством Когурё (см.: *Архитектура Кореи.* — Каменные пагоды).

⁶ См. примеч. 12 к данной главе.

⁷ См. примеч. 11 к данной главе.

⁸ Доклад о реставрации храма Пульгукса..., с. 26–27.

⁹ См.: *Сон Ильхо. Исследование традиционного «МИ»-образного (образующего в плане квадрат) жилища.* Сеул, 1982 (на кор. яз.).

¹⁰ По этому поводу О.Н.Глухарева пишет: «Буддийская скульптура, прежде чем достигнуть Северного Китая и Кореи, прошла сложный и долгий путь своего становления в Индии и Центральной Азии. Иконография будизма была уже достаточно разработана в первые века н.э. Традиционно буддийские атрибуты, символика, а также канонические образы и даже позы и условные жесты (мудра) были установлены в IV–V веках» (*Глухарева О.Н. Искусство Кореи,* с. 47).

¹¹ Слово *нахан* произошло от санскр. *архат*.

¹² Особенности архитектуры жилых строений храмов обусловлены в первую очередь применением оригинальной системы подпольных каналов, служащих для отопления (кор. *ондоль*). В связи с этим выделяются две группы помещений: *мару-пан* и *ондоль-пан*. Термином *мару-пан* обозначают неотапливаемые помещения с деревянным покрытием, а также открытые террасы с деревянным полом. *Ондоль* — отапливаемые помещения. Каналы выкладывали камнем или кирпичом, поверх которых укладывался слой утрамбованной глины, а затем вся поверхность обклеивалась несколькими слоями промасленной рисовой бумаги. Деревянные конструкции жилых павильонов выполнялись либо без применения системы *тугон*, либо в наиболее упрощенном ее варианте — *иккон*. Стены возводились из битой глины и штукатурились. Внутренняя поверхность также обклеивалась бумагой. Деревянные части оставались неокрашенными. В целом жилые павильоны буддийского храма аналогичны традиционному жилищу.

¹³ Пагода — китайская модификация «ступы». Ступа, как объясняют сами буддийские источники, — это, во-первых, *мандала*, где обитают все будды, во-вторых, это мавзолей для телесных останков земных будд (*нирманакая*). В ступу помещают три вида останков или их символ: дхарани, шарил, изображение умершего (*Герасимова К.М. Традиционные верования тибетцев в культовой системе ламаизма.* Новосибирск, 1989, с. 248). Согласно легендам, Будда завещал, чтобы его прах после сожжения был разделен на восемьдесят тысяч частей и отправлен во все стороны света. В пагодах хранятся частицы праха Будды. В Корее наибольшее распространение получили каменные пагоды, в отличие от кирпичных китайских и деревянных японских.

¹⁴ Фонарь — каменные светильники символизируют свет учения Будды. Первоначально устанавливались возле алтаря, но позднее их стали располагать рядом с храмом. Разнообразная форма и орнаментация этих сооружений делает их довольно важными в пространственной композиции храма.

¹⁵ Здесь и далее о размерах *чхока* и примеры его применения в корейских постройках приводятся по Юн Джансопу (см.: *Юн Джансон. Исследования корейской архитектуры...*, с. 249–273).

¹⁶ Блестяще проанализирована форма «китайской» кровли в работе советского востоковеда В.Н.Ткачева, рассматривающего ее происхождение от шатров кочевников. В работе выработанное в ходе развития конструктивное решение кровли оценивается с точки зрения целесообразности. Так, например, изгиб кровли, по мнению автора, был направлен не только на улучшение проветривания конструкций, но и предупреждал

провисание сильно вынесенных ее углов. Помимо обоснования формы крыши более рациональным восприятием ветровой нагрузки, автор также отмечает влияние, которое было оказано эстетическими предпочтениями, сложившимися в китайской культуре, которое он иллюстрирует на примере традиционной живописи. Несмотря на то что анализ был проведен на китайском материале, все выводы автора можно в равной мере отнести и к корейской традиционной архитектуре (см.: *Ткачев В.Н.* Морфология «китайской крыши». — Семнадцатая научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы докладов. Ч. 2. М., 1986, с. 64–69).

¹⁷ В данном случае корейские исследователи ввели в научный обиход традиционные наименования типов кровли. См.: *Пак Онгон.* Пояснения к истории корейской архитектуры. Сеул, 1989, с. 181 (на кор. яз.).

¹⁸ См. примечания 35, 36, 43 к Введению; *Чан Гёнхо.* Исследование стилей в корейских деревянных конструкциях и их характеристика. Токио, 1983, с. 51–59 (на яп. яз.).

¹⁹ Выделение этапов по Чан Гёнхо (см.: *Чан Гёнхо.* Исследование стилей, с. 53).

Глава 3

¹ *Манда́ла* (санскр. круг, диск, круглый, круговой и т.д.) — «один из основных сакральных символов в буддийской мифологии... Наиболее универсальна интерпретация мандалы как модели Вселенной. Космологическая интерпретация мандалы предполагает, что внешний круг обозначает всю вселенную в ее целостности, очерчивает границу вселенной, ее пределы в пространственном плане, а также моделирует временную структуру вселенной. Стороны квадрата, вписанного во внешний круг, моделируют основные направления, пространственные координаты вселенной, точки входа которых в обитаемый мир заслуживают особого внимания и охраны. Поэтому нередко именно в этих местах квадрата, в Т-образных воротах, помещаются так называемые „локапалы“ или „махараджи“ — „великие цари“: Вайшравана — на севере, Дхритараштра — на востоке, Вирухака — на юге, Вирупакша — на западе. Тантрийские ритуальные мандалы соответственно изображают четырех дхьяни Будд — Амогхасиддхи, Акшобхья, Ратнасамбхава, Амитабха. В этом случае в центре обычно помещается Вайрочана» (Мифы народов мира. Энциклопедия в двух томах. М., 1987. Т. 2, с. 100–101).

² *Pyon. Samguk yusa*, p. 311.

³ Это учение анализируется в работе российского востоковеда А.Н.Игнатовича. См.: *Игнатович А.Н.* Десять ступеней бодхисатвы. Психологические аспекты буддизма. Новосибирск, 1986, с. 69–90; см. также: Китайская геомантия. Сост., вступит. ст., коммент. и указ. М.Е.Ермакова. СПб., 1998.

⁴ *Kim Seong-jin.* Pusoksa mon amour. — Koreana. 1989, vol. 3, № 1, p. 13–14.

⁵ *Ким Бонрёль.* Исследование композиции молитвенных павильонов и планировки храмов эпохи Чосон. Сеул, 1989, с. 186–188 (на кор. яз.).

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ *Pyon. Samguk yusa*, p. 207–208.

⁹ *Kim Sung-Woo.* History and Design..., p. 268.

¹⁰ *Глухарева О.Н.* Искусство Кореи...; *Ким Дженхи.* Архитектура корейского народа. — Советская архитектура, 1962, № 2; *Юн Джонсон.* История корейской архитектуры...; *Ан Ёнбэ.* Внешнее пространство...; *Ким Чонги.* Деревянная архитектура Кореи. Сеул, 1980 (на кор. яз.); *Ко Юсон.* Очерки

истории корейской архитектуры. Сеул, 1964 (на кор. яз.); *Kim Sung-Woo.* History and Design...

¹¹ *Гуревич А.Я.* Категории средневековой культуры. М., 1972, с. 15–16.

¹² Краткое изложение древнекитайских представлений о мироздании содержится в работе российских востоковедов Л.П.Сычёва и В.Л.Сычёва (см.: *Сычёв Л.П., Сычёв В.Л.* Китайский костюм. Символика. История. Трактовка в литературе и искусстве. М. 1975).

¹³ *Кобзев А.И.* Учение Ван Янмина и китайская классическая философия. М., 1983. В цитируемом отрывке (пер. А.И.Кобзева) китайское произношение слов *инь*, *ян* и *ци* изменено на корейское: *ым*, *ян* и *ки* соответственно.

¹⁴ *Lee Sang-Hae.* Feng-shui..., p. 45.

¹⁵ См., например: Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. Годовой цикл. М., 1999, с. 117–122.

¹⁶ Древнекитайский трактат «И цзин» исследуется в работе советского востоковеда Ю.К.Щуцкого (см.: *Щуцкий Ю.К.* Китайская классическая «Книга перемен». М., 1960).

В основе «И цзин», состоящего из 64 графических символов, или гексограмм, и соответствующих пояснений, восемь триграмм, обозначающих явления природы, с которыми древние китайцы сталкивались в повседневной действительности: небо, гора, огонь, ветер (дерево), водоем, земля, гром, вода. Имеющие два стандартных положения, триграммы в позиции, именуемой «Раннее Небо», отражали небесные принципы, а в позиции «Позднее Небо» — земные. Соотношение горизонтальных черт — непрерывных, обозначающих *инь* (кор. *ым*) (темное начало) и прерывных, обозначающих *ян* (светлое начало) — раскрывает динамику бытия. Согласно теории «Книги перемен», весь мировой процесс представляет собой чередование ситуаций, происходящее от взаимодействия сил света и тьмы.

¹⁷ Корейский исследователь Ли Санхэ дает следующее изложение системы *Намкан*: «...триграмма *джон* ☰, отражающая полноту силы *ян*, связывается с формой полной луны в ночь на пятнадцатый день лунного календаря, когда она находится на направлении *кан*. Следовательно, эта триграмма увязывается с „небесным стволом“ — *кан*. В текстах *пхунсу* говорится, что на „пятнадцатый день лунного месяца“ триграмма *джон* ☰ получает „небесный ствол“ *кан* в час *суль* („час собаки“ с 19 до 21 ч.). Таким же образом триграмма *кон* ☷, отражающая максимум силы *ым*, является символом новой луны на первый или старой луны на тринадцатый день лунного календаря, которая скрывается на направлении *ыль*. Триграмма *джин* ☱, которая обозначается одной линией *ян* (непрерывной) снизу и двумя линиями *ым* (прерывными) сверху, является символом луны на третий день, связанным с направлением *гён*. На восьмой день первой четверти месяца луна появляется на направлении *джон*, и ее форма связывается с триграммой *тхэ* ☲, обозначаемой двумя линиями *ян* снизу и одной линией *ым* наверху. На восемнадцатый день луна появляется на направлении *син* и символизируется триграммой *сон* ☶. На двадцать пятый день луна исчезает на направлении *бён* и символизируется триграммой *кан* ☵. Таким образом, шесть из восьми триграмм увязываются с формой луны и направлениями «небесных стволов». Оставшиеся две триграммы *кам* ☱ и *ли* ☲ объясняются следующим образом: триграмма *кам* символизирует сущность луны, в то время как *ли* выражает сущность солнца. Они также увязываются с „небесными стволами“ *му* и *ки* в той же последовательности. В соответствии с триграммой *кам* луна на вечер последнего и первого дня лунного месяца восходит с направления *му*. Триграмма *ли*, символизирующая солнце, согласуется с направлением *ки*» (*Lee Sang-Hae.* Feng-shui..., p. 214–215).

- ¹⁸ См. примеч. 43 к данной главе.
- ¹⁹ *Lee Sang-Hae. Feng-shui...*, p. 243–251.
- ²⁰ Сон в нефритовом павильоне. Пер. Г. Рачкова. М., 1982, с. 211–212.
- ²¹ См. примеч. 43 к данной главе.
- ²² Лу Бань — персонаж китайской народной мифологии. Покровитель плотников и строителей. Его именем назван древний трактат по строительству «Лу Бань цзин» (см.: Мифы народов мира. Т. 2, с. 74–75).
- ²³ Деления «линейки Лу Баня» также увязываются со звездами:
- первое (Богатство) ассоциируется со звездой Алчный Волк и соответственно с неожиданным приобретением богатства четырех видов;
 - второе (Болезнь) — со звездой Большие Ворота и с расчуженной пустую жизнью;
 - третье (Разлука) — со звездой Сохранение Жизни и с отъездом из родных мест, разлукой;
 - четвертое (Справедливость) — со звездой Гражданская Музыка и с близостью к сюзеру;
 - пятое (Чиновник) — со звездой Военная Музыка и с появлением людей, одаренных литературными талантами, что означает возможность занимать высокие государственные посты;
 - шестое (Разбой) — со звездой Чистоты и Целомудрия и с жизнью в отставке в провинции;
 - седьмое (Порча) — со звездой Разбитая Армия и с неожиданными бедствиями;
 - восьмое (Основа) — со звездами Правая Опора и Левый Помощник и соответственно с приобретением золота и серебра (*Lee Sang-Hae. Feng-shui...*, p. 302). Естественно, такая буквальная трактовка символики равномерной шкалы «линейки Лу Баня» бытует на уровне народных поверий, тем не менее на метафизическом уровне деление членений на благоприятные и неблагоприятные сохраняется.
- ²⁴ Чрезвычайно показателен в этом плане анализ традиционной китайской поэзии, который приводится советским востоковедом И. Смирновым во вступительной статье к своим переводам из китайской классики (см.: Яшмовые ступени. Пер. И. Смирнова. М., 1989, с. 5–32).
- ²⁵ См. примеч. 31 к Введению.
- ²⁶ *Yoong Hong-Kee. Geomantic Relationship...*
- ²⁷ *Чон Чин Сок, Чон Сок Чхоль, Ким Чхан Вон. История корейской философии.* М., 1966, с. 55–56.
- ²⁸ *Гарин-Михайловский Н.Г. Из дневников кругосветного путешествия.* М., 1949, с. 110–111, 118, 129.
- ²⁹ *Lee Sang-Hae. Feng-shui...*, p. 119.
- ³⁰ *На Ханбом. Исследование расположения...*, с. 25–32; *Lee Sang-Hae. Feng-shui...*, p. 80–93.
- ³¹ *На Ханбом. Исследования расположения...*, с. 27.
- ³² Там же, с. 35; *Lee Sang-Hae. Feng-shui...*, p. 120.
- ³³ *Lee Sang-Hae. Feng-shui...*, p. 153.
- ³⁴ *На Ханбом. Исследование расположения...*, с. 37.
- ³⁵ *Yoong Hong-Kee. Geomantic Relationship...; Lee Sang-Hae. Feng-shui...*, p. 80–93.
- ³⁶ Эти представления отразились в декоративном убранстве корейских гробниц, обнаруженных в Китае (р-н Тунгоу) и

вокруг Пхеньяна, в которых были обнаружены изображения Зеленого Дракона (*Чхоннён*), Белого Тигра (*Пэжэ*), Черной Черепахи (*Хёнму*) и Красной Птицы (*Чуджак*) (*Глухарева О.Н. Искусство Кореи...*, с. 29–31).

³⁷ Интересно отметить, что основной причиной, обусловившей появление компаса в Китае, являлась необходимость определения сторон света в качестве одной из операций практического применения учения *пхунсу* (кит. *фэншуй*). В Европе же появление компаса было вызвано развитием морской навигации.

³⁸ *Lee Sang-Hae. Feng-shui...*, p. 182.

³⁹ Стрелка (вернее, ручка ковша) в китайском компасе показывала на юг, а не на север, как в европейском компасе. На картах и любых рисунках, связанных с указаниями расположения элементов по сторонам света, юг изображается в верхней части листа.

⁴⁰ *Lee Sang-Hae. Feng-shui...*, p. 291.

⁴¹ Там же.

⁴² При применении принципов учения *пхунсу* в планировке жилой усадьбы наибольшее значение придается трем элементам: воротам, павильону и кухне. В зависимости от расположения этих трех элементов и их комбинаций относительно друг друга выделяют восемь типов, в свою очередь объединенных в два класса: «Четыре Восточных Дома» (*Тон Са Тхэж*) и «Четыре Западных Дома» (*Со Са Тхэж*). Такая классификация объединяет различные варианты компоновки жилого дома, прежде всего по метафизическим характеристикам выделенных элементов. Данный вопрос детально рассматривается в работах исследователей Республики Корея (см. примеч. 31 к Введению).

⁴³ *Lee Sang-Hae. Feng-shui...*, p. 284.

⁴⁴ См. примеч. 30 к Введению.

⁴⁵ По материалам натуральных исследований корейской традиционной архитектуры, выполненной автором в 1990–1991 гг.

⁴⁶ То же.

⁴⁷ По совету общепризнанного патриарха учения *пхунсу* в Корею монаха Тосона ван Тхэджо (основатель династии Корё) предпринял строительство 3500 различных сооружений, включая храмы и пагоды по всей стране. Этот грандиозный проект был выполнен в соответствии с учением *пхунсу* (*Kim Duk-Whang. History of Religion...*, p. 131).

⁴⁸ *Чхэз Бёнхон. Тосон и учение пхунсу...; Чон Чин Сок, Чон Сок Чхоль, Ким Чхан Вон. История корейской философии...*, с. 5; *Глухарева О.Н. Искусство Кореи...; Yoong Hong-Kee. Geomantic Relationship...*

⁴⁹ Храм Мирькса. Предварительный отчет о раскопках. Сеул, 1982 (на кор. яз.).

⁵⁰ *Пак Ёнджин. Исследование остатков храмов Сохёльса и Намхёльса близ г. Кончу. 1986* (на кор. яз.); *Kim Sung-Woo. History and Design...*, p. 145–147.

⁵¹ *Kim Sung-Woo. History and Design...*, p. 48.

⁵² По материалам натуральных обследований корейских храмов, выполненных автором в 1990–1991 гг.

⁵³ *Цуон. Samguk yusa...*, p. 143–144.

⁵⁴ Там же, с. 196.

ПРИЛОЖЕНИЯ

БУДДИЙСКИЕ ХРАМЫ ПЕРИОДА ТРЕХ ГОСУДАРСТВ И ОБЪЕДИНЕННОГО СИЛЛА

(краткая археологическая информация
по избранным храмам)

Название храма	Краткое описание	Основной источник
Период Трех государств (I в. до н.э. — 668 г.)		
Государство Когурё (37 г. до н.э. — 668 г.)		
Храм близ д. Вонори	Остатки сильно повреждены, так как находились на культивируемом участке, и композиция храма прослеживается с трудом. Название и дата строительства не установлены. Здесь были обнаружены глиняные статуэтки Будды и обломки черепицы, относящиеся к периоду Когурё, но в то же время присутствует множество предметов, принадлежащих к более позднему периоду Корё (935–1392). Вероятнее всего, храм был восстановлен в период Корё на месте ранее существовавшего храма.	<i>Койдзуми Акио</i> . Обследование остатков разрушенного храма близ д. Вонори, где была обнаружена глиняная статуэтка Будды. Токио, 1937 (на яп. яз.).
Храм близ д. Санори	На участке было найдено более двадцати различных образцов черепицы когурёского периода. Название и дата сооружения не установлены. Основание пагоды выявляется прилегающим замощением из грубо обтесанных каменных плит. Внутри контура замощения основания под колонны не были обнаружены. Прямоугольные фундаменты двух зданий расположены симметрично относительно главной оси с восточной и западной сторон. Среди остатков западного сооружения было обнаружено несколько гранитных оснований под колонны. Длина одной стороны восьмигранного основания пагоды составляет 8 м. Длина боковых павильонов составляет 25,8 м, ширина — 12,6 м. Размеры северного павильона, более значительные по сравнению с боковыми сооружениями, не были установлены.	<i>Сайто Тадаси</i> . Обследование остатков архитектуры Когурё близ д. Санори. Когаку дзаси. Пхеньян, 1940, январь, с. 81 (на яп. яз). <i>Сайто Тадаси</i> . Культура древней Кореи и Японии. Токио, 1981, с. 43 (на яп. яз.).
Храм (Кымганса?) близ д. Чхоннамни	Место было исследовано в 1938 г. Участок культивировался, поэтому имеющиеся остатки были сильно повреждены. Тем не менее планировка храма прослеживается достаточно отчетливо. Центральная пагода с окружающими ее тремя павильонами определяла главный фокус композиционного построения храма. Эта группа сооружений, включая ворота, размещена на довольно значительном по размерам участке и образует квадрат со стороной около 100 м. Южные ворота открывали подходы к восьмигранной в плане пагоде значительных размеров (ширина основания — 30,3 м). С востока и с запада к ней примыкали два небольших павильона, а с северной стороны находился самый крупный по размерам главный павильон. За ним на некотором удалении размещались еще три небольших сооружения. Контур замощения выявляет наличие восьмигранной пагоды в центральном участке. Внутри этого контура было обнаружено несколько каменных оснований под колонны с квадратными заглаблениями, которые были расположены с определенным интервалом. Расположение их по периметру пагоды позволило предположить, что они служили основанием под окружающую пагоду террасу или галерею. Размеры одной стороны основания пагоды составляют 9,5 м, а диаметр — 23 м. Участок основания внутри контура пагоды полностью деформирован, поэтому данных о конструкциях или структуре пагоды не выявлено. На южной и западной сторонах замощения, более уцелевших, обнаружены следы ступеней и замощения, соединяющих пагоду с окружающими зданиями. Предполагается наличие идентичных подходов с северной и восточной	<i>Койдзуми Акио</i> . Обследование остатков разрушенного храма близ д. Чхоннамни. Пхеньян. Токио, 1937 (на яп. яз.).

	<p>сторон пагоды, однако из-за сильных повреждений участка их следы не обнаружены.</p> <p>Размеры восточного и западного павильонов определены по сохранившимся каменным основаниям. Остатки восточного павильона сильно повреждены, камни замощения и пять оснований под колонны остались только с восточной стороны. Северная и восточная стороны западного павильона прослеживаются по сохранившемуся каменному основанию. Длина западного павильона составляет 21 м, а ширина — 12 м.</p> <p>Северный павильон, самый крупный из трех, очерчен замощением по периметру. Длина этого павильона — 32,46 м, ширина — 19,18 м. К югу от пагоды обнаружены следы ворот.</p> <p>К северу от описанной группы сооружений обнаружены остатки еще трех строений: одного покрупнее — по центру и двух небольших — по бокам (с севера и востока). Участок восточного здания частично замощен кирпичом. Центральное сооружение этой группы строений, вероятно, выполняло функции учебного павильона. Предполагается существование еще одного небольшого строения с западной стороны, хотя в ходе произведенных раскопок его следы не были обнаружены ввиду значительных повреждений участка. В этом случае симметрично расположенные сооружения могли бы соответствовать колокольному павильону и хранилищу сутр.</p> <p>Назначение небольшого строения на северной стороне не определено. Не обнаружены также остатки от вспомогательных сооружений типа монашеских келий или обеденного павильона, однако предполагается, что они должны быть расположены вокруг главных сооружений комплекса.</p>	
<p>Храм Чхоннынса (пров. Джунхвагун, д. Джинбари)</p>	<p>Участок храма обращен на юг и занимает значительную территорию — его глубина с юга на север достигает 132,8 м и протяженность с востока на запад — 223 м.</p> <p>Развитие участка на север блокируется горным массивом, оставляя свободным широтное направление. В отличие от храма в Чхоннамни его планировка разбивается галереями на несколько замкнутых дворов. Галереи, проходящие в меридиональном направлении, рассекают участок на пять секций. Центральная и наиболее широкая из них, в свою очередь, разрезается галереями на три двора.</p> <p>В первом дворе располагались восьмигранная пагода и два главных павильона. Три павильона вокруг восьмигранной пагоды, расположенные в первых двух дворах центральной части комплекса, отражают достаточно устоявшуюся композиционную схему когурёских храмов (так же как и в храмах близ Чхоннамни и Санори). Однако весьма значительное отличие заключается в том, что северный павильон отсечен галереей от пагоды с двумя другими павильонами и расположен вместе с колокольным павильоном и хранилищем сутр в едином пространстве второго двора.</p> <p>В третьем дворе располагался учебный павильон. Предполагается, что в северо-восточной части комплекса за учебным павильоном находилась резиденция настоятеля храма. К западу от него находится сад с камнями. Назначение зданий в боковых дворах, за исключением большого строения, расположенного к западу от хранилища сутр, остается неопределенным. Здесь были обнаружены остатки очага, что свидетельствует об использовании этого сооружения в качестве обеденного павильона.</p> <p>Здание в северо-восточном углу, по всей видимости, является общежитием для монахов.</p> <p>Планировка храма в целом тяготеет к симметрии, однако эта симметрия довольно относительна. Павильон к западу от пагоды немного крупнее, чем расположенный на восточной стороне. Пагода слегка смещена от главной оси комплекса. Исследователям не удалось определить, было ли это сделано преднамеренно или же первоначальная симметричная композиция была со временем трансформирована.</p> <p>Два павильона по сторонам от пагоды были предназначены для статуй Будды. Расположение оснований под колонны доказывает, что внутреннее пространство этих сооружений было достаточно вместительным для статуи. Назначение зданий в следующем дворе было также определено без особых затруднений. Исходя из характера расстановки колонн в восточном сооружении, расположенном во втором дворе, предполагается, что оно служило колокольным павильоном (тяжелый колокол требовал специального сооружения). Западное строение второго двора отличается тем, что колонны расставлены очень близко к краю платформы, очевидно, с целью увеличения внутренней площади здания.</p>	<p>Ким Донхён. Остатки когурёского храма Чхоннынса. — Чонгхон мунхва. 1983, № 133, с. 48–54 (на кор. яз.).</p>

	<p>Это сооружение идентифицируется как хранилище буддийских сутр. Расстанов-ка колонн в центральном здании не определена из-за сильных разрушений основания. Оно немного больше по размерам, нежели боковые, и, вероятно всего, служило для размещения изображения Будды.</p>	
<p>Государство Пэкче (18 г. до н.э. — 600 г.)</p>		
<p>Храм Тэтхонса (г. Конджу, р-н Панджукдон)</p>	<p>Раскопки храма показали, что размер учебного павильона достигал 53 × 25 м. Это превышает размеры аналогичных построек в г. Пуё, что говорит о весьма значительном масштабе сооружений. Довольно неопределенные следы главного павильона и пагоды не позволили определить их размеры. Расстояние между учебным и главным павильонами составляет 43 м.</p>	<p>Чан Гёнхо. Исследование архитектуры буддийских храмов государства Пэкче. Сеул, 1980, т. 1, с. 21. Kim Sung-Woo. History and Design of Early Buddhist Architecture in Korea. Ann Arbor, 1985, с. 149–151.</p>
<p>Храм близ д. Кунсури</p>	<p>Участок обращен на юг. По центральной оси последовательно расположены пагода, главный павильон и учебный павильон. Размеры основания пагоды приблизительно 46 × 46 чхок (1 чхок = 0,303 м) ≈ 14,4 × 14,4 м. Главный павильон (90 × 60 чхок ≈ 27,3 × 18,2 м) смещен к северу от геометрического центра участка. На его месте было обнаружено несколько каменных оснований под колонны квадратной формы. В центре пагоды, на глубине приблизительно 2 м под землей, обнаружено основание под центральный столб с размерами ≈ 0,9 × 0,9 м (3,1 × 3,1 чхок); следовательно, пагода достигала довольно значительных размеров. Размеры учебного павильона составляют 45 × 18 м (150 × 60 чхок), однако никаких оснований под колонны не обнаружено. По бокам от учебного павильона обнаружены следы небольших сооружений (50 × 41 чхок ≈ 15,1 × 12,3 м), по всей видимости, колокольного павильона и хранилища сутр. К югу от пагоды неясно прослеживаются следы ворот, граница окружающей двор галереи также выявлена нечетко. Размеры замкнутого пространства составляют ок. 66,7 × 78,8 м (220 × 260 чхок). К востоку и западу от главного павильона за пределами двора обнаружены остатки двух сооружений. Однако назначение их остается невыясненным. Расстояние между воротами и пагодами составляет 60 чхок (≈ 18 м), а между пагодой и главным павильоном равняется 30 чхок (≈ 9,1 м).</p>	<p>Группа по исследованию корейских исторических остатков. Исследовательский отчет об исторических остатках 1936 года. Киото, 1937, с. 44–45 (на яп. яз.).</p>
<p>Храм Кымганса</p>	<p>Храм Кымганса был раскопан в 1964 г. Общая композиция и масштаб храма Кымганса очень близки к композиции и масштабу храма близ д. Кунсури. Как и в нем, центральная часть комплекса обнесена галереями. В южной их части располагались ворота. Внутри двора была сооружена квадратная в плане пагода, а за ней, в почти геометрическом центре двора, располагался павильон. Северную часть двора замыкает учебный павильон, за которым находился жилой павильон для монахов. Все здания располагались симметрично центральной оси комплекса, проходящей с юга на север. Длина участка храма Кымганса несколько больше, чем у храма в Кунсури, однако расстояния между центрами ворот и пагоды, а также пагоды и главного павильона очень невелики. Сильно различается лишь расстояние между главным и учебным павильонами. В Кымганса оно составляет 100 чхок (30,3 м), что на 40 чхок (≈ 13,3 м) больше, чем в д. Кунсури, вследствие чего главный павильон Кымганса находится в геометрическом центре участка. Размеры пагоды и учебного павильона в Кымганса почти те же, что и в храме в Кунсури. В то же время длина главного павильона составляет 110 чхок (или 33,1 м), что на 20 чхок (6,7 м) короче длины главного павильона в Кунсури. Учебный павильон и находящееся сразу за ним общежитие для монахов были соединены крытым переходом. Однако неясно, было ли это выполнено в период Пэкче или позднее. В Кымганса не были обнаружены следы колокольного павильона и хранилища сутр, однако, как отмечается в материалах раскопок, западная часть галереи, примыкающая к учебному павильону, имеет некоторые отличия от других частей и, вероятно, является более поздней по времени. В таком случае возможно, что, как и в Кунсури, в храме Кымганса первоначально существовали и колокольный павильон и хранилище сутр, которые располагались по бокам учебного павильона. Храм был перестроен в период Объединенного Силла и затем в период династии Корё. Раскопки также показали, что во время реконструкций храмовые сооружения восстанавливались на прежних местах, за исключением главного павильона, который был слегка уменьшен и сдвинут на север (на 14 чхок ≈ 4,2 м). Остатки пэкчского периода сильно пострадали во время реконструкций. Был обнаружен подиум первоначального главного павильона (70 × 59 чхок ≈ 21,1 × 19,6 м), однако основания под колонны были утрачены. Размеры основания пагоды составляют 47 × 47 чхок (≈ 14,1 × 14,1 м). Основание под центральный столб, в отличие от других пагод, было высечено</p>	<p>Юн Мубён. Кымганса. Сеул, 1969 (на кор. яз.).</p>

	<p>непосредственно в скальной породе, выходящей близко к поверхности земли. Были также определены расположение и размеры учебного павильона (150 × 63 чхок ≈ 45,5 × 19 м), ворот (44 × 35 чхок ≈ 13,2 × 10,5 м) и окружающей галереи. Выявлены следы жилища монахов, находившегося за лекционным павильоном, а также следы соединявшего их крытого перехода.</p>	
<p>Храм Чхоннимса (г. Пуё)</p>	<p>Раскопки храма Чхоннимса были проведены в 1980 г. Внутри образованного галереями двора располагались пятиярусная каменная пагода и молитвенный павильон. При этом размеры павильона значительно превосходят размеры пагоды. Южный участок галереи прорезан воротами, северный замыкается учебным павильоном. Колокольный павильон и хранилище сутр не были обнаружены, и их существование остается дискуссионным. Ширина двора значительно уже, чем в храмах Кымганса и близ д. Кунсури, вследствие чего он более вытянут в направлении с юга на север. Размеры главного павильона очень близки к размерам главного павильона в храме Кымганса. Размеры учебного павильона также близки к размерам аналогичных сооружений в храме Кымганса и храме близ д. Кунсури. В материалах исследований приводятся следующие сведения о размерах сооружений храма Чхоннимса: сторона квадратного основания пагоды составляет 3,75 м (12,4 чхок). Собранная из 149 каменных блоков, эта пагода воспроизводит форму деревянных пагод. В центре остатков учебного павильона сохранилась сильно поврежденная каменная статуя Будды, но ее изготовление датируется периодом династии Корё. Границы главного павильона прослеживаются нечетко, его размеры приблизительно определяются как 68 × 51 чхок (≈ 20,6 × 15,5 м). Точный размер первоначального учебного павильона не был определен. Однако предполагается, что реконструированный в период династии Корё учебный павильон был восстановлен на месте прежнего. Размеры зданий (не основания) составляли 81 × 35 чхок (≈ 24,5 × 10,6 м). Прослеживаются очертания ворот и галереи. Размеры двора составляют 175 × 276 чхок (53,0 × 83,6 м).</p>	<p>Юн Мубён. Отчет об исследованиях остатков храма Чхоннимса. Тэджон, 1981.</p>
<p>Храм близ д. Тоннамни (к югу от г. Пуё)</p>	<p>Участок обращен на юг. В геометрическом центре участка располагался главный павильон больших размеров (100 × 70 чхок ≈ 30,3 × 21,2 м). Основания под колонны были утрачены. С южной стороны главного павильона имеются насыпи гальки, возможно, для отвода дождевой воды с кровли. Примерно на расстоянии 4 м от южного фасада главного павильона, симметрично главной оси комплекса, расположены два небольших бассейна, выполненные из камня и черепицы. Проход между главным и учебным павильонами вымощен мелкими камнями. Южная сторона учебного павильона прочитывается по уложенным камням, остальные три стороны прослеживаются по остаткам черепицы, осыпавшейся вдоль границ сооружения (174 × 40 чхок ≈ 52,7 × 21,2 м). Перед павильоном также обнаружены две симметрично расположенные каменные ванны. И учебный, и главный павильоны превышают размеры аналогичных сооружений в других пэкческих храмах. Размеры ворот и окружающей галереи составляют соответственно 56 × 40 чхок (≈ 17,0 × 12,1 м) и 220 × 236 чхок (≈ 61,2 × 71,5 м). Были обнаружены остатки двух небольших сооружений, примыкающих по бокам к учебному павильону. Они также идентифицируются как колокольный павильон и хранилище сутр. Расстояние между воротами и главным павильоном, главным и учебным павильонами, а также расстояние между восточной и западной сторонами главного павильона равны и составляют 70 чхок (21,1 м). В соответствии с этим протяженность двора в северо-южном направлении несколько меньше, нежели в направлении с востока на запад. Следов существования пагоды обнаружено не было.</p>	<p>Исида Сигеру. Исследование остатков храма государства Пэкче в г. Пуё. Киото, 1938 (на яп. яз.). Чан Гёнхо. Исследование архитектуры..., с. 29–31.</p>
<p>Храм Мирыкса (г. Иксан)</p>	<p>Раскопки храма продолжают по сей день. Участок храма ориентирован на юг, но имеется небольшое отклонение к востоку. Комплекс в целом симметричен относительно оси, проходящей с юга на север. Центральный двор несколько крупнее боковых. Части комплекса, хотя и разделяются галереями, не отделены окончательно, так как существуют прорывы в южной и северной частях галереи. Все три молитвенных павильона размещены по единой оси, проходящей с востока на запад, и обращены на юг. Западный и восточный павильоны идентичны по размерам и планам. Найденные основания под колонны показывают, что количество пролетов между колоннами по длинной стороне равнялось пяти, по короткой — четырем. Размеры деревянных сооружений (не оснований) составляли 9,2 × 12,7 м (или 30,4 × 42 чхок). Здания стояли на двухступенчатом подиуме, размеры нижнего яруса составляли 18,3 × 15,0 м (60 × 12,7 чхок). Центральный павильон также располагался на двухступенчатом подиуме и имел то же самое количество интерколумбиев (4 × 5), однако</p>	<p>Храм Мирыкса. Предварительный отчет о раскопках. Сеул, 1982. Ким Хонсик. Отчет об исследовании западной пагоды и проект реставрации восточной пагоды остатков храма Мирыкса в Иксане. Сеул, 1979.</p>

	<p>размеры пролетов больше, нежели у павильонов в восточном и западном секторах. Общий его размер составляет $19,8 \times 14,0$ м, или $65,3 \times 46,2$ чхок.</p> <p>Размеры основания деревянной пагоды ($18,5$ м, или 61 чхок) значительно превышают размеры оснований боковых пагод ($\approx 12,4$ м). Все три пагоды, так же как и молитвенные павильоны, располагались на единой оси, проходящей с востока на запад.</p> <p>Галереи, проходящие с юга на север, на участке легко прочитываются, но южная галерея прослеживается плохо. Лучше сохранилась часть, примыкающая к восточному сектору. Здесь были обнаружены следы ворот, следовательно, должны были существовать ворота в каждый сектор. Ширина всех галерей составляет $6,6$ м ($21,8$ чхок), и все они в два пролета по ширине.</p> <p>К северу от восточного главного павильона обнаружены остатки крупного сооружения, которое было идентифицировано как жилище монахов. Здание расположено по направлению с юга на север. Небольшой отрезок северной галереи соединяет это здание с восточной галереей. Западный фасад оставлен открытым.</p> <p>По всей видимости, аналогичное сооружение существовало в западном секторе, однако раскопки этой части еще не завершены. Учебный павильон замыкает северную часть комплекса. Протяженность южной галереи составляет $176,9$ м (584 чхок).</p>	
<p>Государство Силла (57 г. до н.э. — 668 г.)</p>		
<p>Храм Хыннюнса</p>	<p>Размеры основания главного павильона составляют 166×101 чхок. Хотя размеры самого здания должны быть меньше, оно представляется более крупным по сравнению с главным павильоном храма близ д. Тоннамни — самого большого сооружения в Пэкче (100×70 чхок). В музее Кёнджу хранится каменная ванна, обнаруженная на территории храма. Наиболее интересной находкой на территории храма являются обломки черепицы с улыбающимся человеческим лицом, свидетельствующим о своеобразии восприятия буддизма в Силла.</p>	<p>Фудзисима Гайдзиро. Рассуждения об истории корейской архитектуры. Сеул, 1969, с. 117 (на кор. яз.).</p>
<p>Храм Хваннёнса (Нэдонмён, д. Кухвари)</p>	<p>Раскопки храма Хваннёнса проводились корейскими специалистами с 1976 по 1983 г.</p> <p>Основание главного павильона было приподнято приблизительно на 1 м над уровнем земли. Большинство оснований колонн сохранило свое первоначальное положение. Здание имело девять пролетов по главному фасаду и четыре пролета по боковым фасадам. Его размеры равнялись 146×76 чхок ($43,6 \times 23,0$ м). За исключением главного павильона храма Хыннюнса, размеры которого остаются невыясненными, это крупнейшее сооружение подобного типа в Корее. В центре павильона имелось свободное пространство (7×2 пролета) для размещения статуй Будд. Здесь сохранились каменные основания под статуи. Основание пагоды было также приподнято над уровнем земли на $4,54$ чхок ($\approx 1,36$ м), и большинство баз колон сохранилось. Пагода имела квадратное основание со стороны в семь пролетов (73 чхок, или $22,1$ м), что свидетельствует о существовании здесь некогда самой крупной пагоды в Корее.</p> <p>Участки восточного и западного павильонов были заняты под обрабатываемые поля и сохранились значительно хуже. Однако в ходе раскопок удалось выявить, что здания имели по семь пролетов на главном фасаде и по три на боковых (120×70 чхок, или $36,4 \times 21,2$ м). К северу от главного павильона были обнаружены остатки учебного павильона. Здание имело девять пролетов по главному фасаду и четыре — по боковому ($17,6 \times 69,9$ чхок, или $52,3 \times 21,2$ м). На его участке было обнаружено <i>чхими</i> — декоративное украшение, устанавливаемое в торцах конька кровли. Его высота достигала $1,82$ м. Это крупнейшее <i>чхими</i> из обнаруженных на Дальнем Востоке: оно почти в два раза превышает размеры аналогичного элемента храма Тосодайдзи в Японии, сооруженного в начале VIII в., высота которого составляет 1 м. В юго-восточном углу двора были обнаружены остатки колокольного павильона, а в юго-западном — хранилища сутр. Оба сооружения были одинаковых размеров — 5×5 пролетов ($58,7 \times 58,7$ чхок, или $17,8 \times 17,8$ м). Такая расстановка подобных сооружений наблюдается только в Хваннёнса. Их сооружение относят к третьему этапу в строительстве храма, несколько позднее сооружения 9-ярусной пагоды в 645 г.</p> <p>Сооружения, образующие северную галерею, в действительности были не галерей, а небольшими зданиями, соединенными между собой по три по обе стороны от учебного павильона. Их назначение остается невыясненным.</p>	<p>Хваннёнса. Отчет об исследованиях. Сеул, 1984.</p>

	<p>К югу от пагоды обнаружены следы ворот (5 × 4 пролета, 26,7 × 12,6 м, или 88,1 × 41,6 чхок), которыми открывался главный двор. Еще южнее обнаружены следы несколько меньших по размеру ворот (5 × 2 пролета, 18,1 × 5 м, или 59,7 × 16,5 чхок). Восточная, западная и южная галереи были возведены в два пролета, аналогично храму Мирыкса в Пэкче. Меридионально расположенные галереи не примыкают к южной, а оставляют небольшой промежуток, что тоже наблюдается и в храме Мирыкса. Размеры всего двора составляют 180,2 × 161,6 м (или 594,7 × 533,3 чхок).</p> <p>В ходе раскопок были обнаружены следы еще одной южной галереи, проходившей приблизительно на 10 м ближе к пагоде, что свидетельствует о том, что колокольный павильон и хранилище сутр были сооружены после строительства пагоды, так же как и новая южная галерея. Помимо этого, были обнаружены остатки однопролетной галереи, окружавшей центральную часть комплекса с главным павильоном.</p> <p>На основе результатов раскопок и исторических записей исследователи Республики Корея выделяют три этапа в развитии комплекса Хваннёнса:</p> <p>I этап — с меньшими по размеру главным павильоном и пагодой и окружающей их однопролетной галереей. При этом интересным моментом является существование галереи, соединявшей восточную и западную галереи с главным павильоном. Этот прием начал широко применяться гораздо позднее — в период Объединенного Силла;</p> <p>II этап — возведение трех более крупных главных павильонов, грандиозной пагоды и учебного павильона;</p> <p>III этап — добавление колокольного павильона, хранилища сутр и сдвиг южной галереи.</p>	
<p>Храм близ д. Чхонгунни (р-н Нэдонмён, д. Чхонгунни)</p>	<p>Размеры главного павильона составляли 52,9 × 44,1 чхок, или 16,0 × 13,4 м, а пагоды — 17 × 17 чхок, или 5,2 × 5,2 м. Количество пролетов на южном фасаде главного павильона выражается четным числом (шесть пролетов), по боковому фасаду здание имело пять пролетов. Учебный павильон имел восемь пролетов по длине и три — по ширине.</p>	<p>Ким Чун-ги. Деревянная архитектура Кореи. Сеул, 1980, с. 98–100 (на кор. яз).</p>
<p>Период Объединенного Силла (668–918)</p>		
<p>Храм Сачхонванса</p>	<p>На территории храма Сачхонванса раскопки не проводились. Однако хорошая сохранность остатков храма позволила корейским специалистам выполнить их обмеры без вскрытия.</p> <p>Размеры галереи, выполненной с одним пролетом, по ширине составляли 240 × 300 чхок (72,7 × 90,9 м), главного павильона — 60 × 38 чхок (18,2 × 11,5 м). При этом величина среднего пролета по южному фасаду главного павильона равнялась 14,2 чхок (4,3 м), а боковых — 12,2 чхок (3,7 м). Пагоды южной части двора, а также колокольный павильон с хранилищем сутр в северной части двора имели по три пролета с каждой стороны. При этом размеры пагод составляли 23,5 × 23,5 чхок (7,12 × 7,12 м), а колокольного павильона и хранилища — 15 × 15 чхок (4,55 × 4,55 м).</p>	<p>Kim Sung-Woo. History and Design..., p. 254–255.</p>
<p>Храм Помунса (р-н Нэдонмён, д. Помунни)</p>	<p>Среди остатков храма были найдены куски черепицы с надписью «Помунса», вследствие чего храму было дано это наименование, однако история и дата его сооружения остаются невыясненными.</p> <p>Остатки храма сильно повреждены, поэтому размеры зданий, их положение могут быть определены лишь приблизительно.</p> <p>Форма двора, образованного галереями, приближается к квадрату, центр которого занимает главный павильон (≈ 60 × 44 чхок, или 18,2 × 13,3 м).</p> <p>В южной части двора находились две деревянные пагоды, в северной — хранилище сутр и колокольный павильон.</p>	<p>Там же, p. 275–276.</p>
<p>Храм Мандокса</p>	<p>Как и в Сачхонванса, раскопки в храме Мандокса не проводились, однако здесь остатки храма сохранились хуже. Размеры пагод несколько меньше, чем в Сачхонванса (18 × 18 чхок, или 6 × 6 пролета). Главный павильон имел пять пролетов по южному фасаду и три — по боковому, и его размеры составляли 45 × 31 чхок, или 15 × 10,3 м, что также меньше, чем в Сачхонванса. Остатки учебного павильона плохо сохранились, поэтому его размеры точно не установлены.</p>	<p>Там же, p. 257.</p>
<p>Храм Камынса (Вольсонгун,</p>	<p>В ходе раскопок была выявлена планировка храма и определены размеры сооружений. Размеры главного павильона составляют 51 × 30 чхок, или 15,5 × 9,1 м. По южному фасаду павильон имеет пять пролетов, по боковым —</p>	<p>Ким Джэ Вон, Юн Мубён. Отчет об исследовании остатков храма Камынса. Сеул, с. 19–24.</p>

Приложения

р-н Янбукмен, д. Ендонни)	три. Перед главным павильоном установлены две каменные пагоды. К северу от главного павильона сохранились фундаменты учебного павильона, имевшего восемь пролетов по южному фасаду и четыре пролета по боковому. Его размеры составляют 105 × 47 чхок, или 31,8 × 14,2 м. Южный вход в храм обрамляли ворота (3 × 2 пролета, 33,5 × 18,5 чхок, или 10,2 × 5,6 м). Размеры самого двора, образованного галереями в направлении с юга на север, составляют 227 чхок ≈ 67,8 м, в то время как в направлении с востока на запад — 250 чхок ≈ 75,8 м. Ширина галереи равняется 18,8 чхок, или 5,9 м. Главный павильон с боковых фасадов соединялся с галереями двора крытыми переходами.	
Храм Пульгукса	Размеры главного павильона составляют 46,1 × 45,6 чхок, или 14,0 × 13,7 м (3 × 3 пролета). На севере галереи замыкаются учебным павильоном (3 × 4 пролета, 95,2 × 35,9 чхок, или 28,9 × 10,8 м). Размеры галереи — 169,2 × 234,7 чхок, или 51,3 × 71,1 м.	Доклад о реставрации храма Пульгукса. Сеул, 1973. Храмы Кореи. Кн. 1, Пульгукса. Сеул, 1974, с. 15–19.
Храм Соккурам	Детальное описание храма Соккурам и находящихся в нем скульптур приводит О.Н.Глухаревой.	См.: Глухарева О.Н. Искусство Кореи с древнейших времен до конца XIX века. М., 1982, с. 80–85.
Храм Косонса (р-н Нэдонмён д. Токтонни)	Из опубликованных материалов следует, что главный павильон (40 × 33 чхок, или 12,1 × 10,0 м) имел три пролета по южному фасаду и три пролета по боковому и был соединен крытыми переходами с боковыми галереями. Учебный павильон (65,2 × 34,3 чхок, или 19,8 × 10,4 м) имел пять пролетов по южному фасаду и четыре по боковому. Размеры большого двора составили 200 × 165 чхок, или 60,6 × 50,0 м.	Отчет о раскопках остатков храма Косонса. Сеул, 1977.

СПИСОК РИСУНКОВ В ТЕКСТЕ

- Рис. 1. Подтип А.1 — одна пагода, три молитвенных павильона (храм близ д. Чхоннамни)
- Рис. 2. Подтип А.2 — одна пагода, один молитвенный павильон (храм близ д. Кунсури)
- Рис. 3. Подтип А.3 — две пагоды, один молитвенный павильон (храм близ д. Чхонгунни)
- Рис. 4. Храм Сачхонванса
- Рис. 5. Подтип А.4 — храм с несколькими дворами (храм Чоннынса)
- Рис. 6. Храм Мирыкса
- Рис. 7. Храм Пульгукса
- Рис. 8. Храм Хваннёнса
- Рис. 9. Храм Хынванса
- Рис. 10. Подтип Б.1 — один молитвенный павильон
- Рис. 11. Подтип Б.2 — одна пагода, один молитвенный павильон
- Рис. 12. Подтип Б.3 — три молитвенных павильона
- Рис. 13. Подтип Б.4 — три молитвенных павильона, одна пагода (две пагоды)
- Рис. 14. Подтип Б.5 — один молитвенный павильон и монашеские кельи
- Рис. 15. Подтип В.1 — храмы с расположением второстепенных дворов параллельно главной оси комплекса
- Рис. 16. Подтип В.2 — храмы с расположением второстепенных дворов перпендикулярно главной оси комплекса
- Рис. 17. Подтип В.3 — храмы с размещением второстепенных павильонов позади главного, на периферии композиционного ядра
- Рис. 18. Подтип В.4 — храмы с размещением главных и второстепенных павильонов по периметру центрального двора
- Рис. 19. Внутреннее убранство павильонов
- Рис. 20. Внутреннее убранство павильонов
- Рис. 21. Внутренняя планировка павильонов
- Рис. 22. Основные элементы конструкций павильона
- Рис. 23. Разновидности крыш
- Рис. 24. Разновидности конструкций *тугон*
- Рис. 25. Схематическое изображение *мандалы*
- Рис. 26. Взаимодействие пяти стихий
- Рис. 27. Концепция *циклического* времени
- Рис. 28. Концепция *линейного* времени
- Рис. 29. Идеальное положение по традиционным представлениям
- Рис. 30. Диаграммы *ха-до* и *нак-со*
- Рис. 31. Взаимосвязь чисел диаграмм *ха-до* и *нак-со* с триграммами «И цзин»
- Рис. 32. Взаимосвязь пространственных и временных параметров мироздания (графическая интерпретация автора)
- Рис. 33. Классификация форм гор по пяти стихиям
- Рис. 34. Точка *хель*
- Рис. 35. Схемы планировки различных архитектурных объектов
- Рис. 36. Схема г. Конджу и его окрестностей
- Рис. 37. Принципиальная схема расположения храмов в районе Конджу